

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «РУССКИЙ КЛУБ»

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

«СПЕШИТЕ В ТИФЛИС...»

НЕСТАНДАРТНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО АДРЕСАМ,
СВЯЗУЮЩИМ ДЕЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ С ТБИЛИСИ

Тбилиси
2021

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

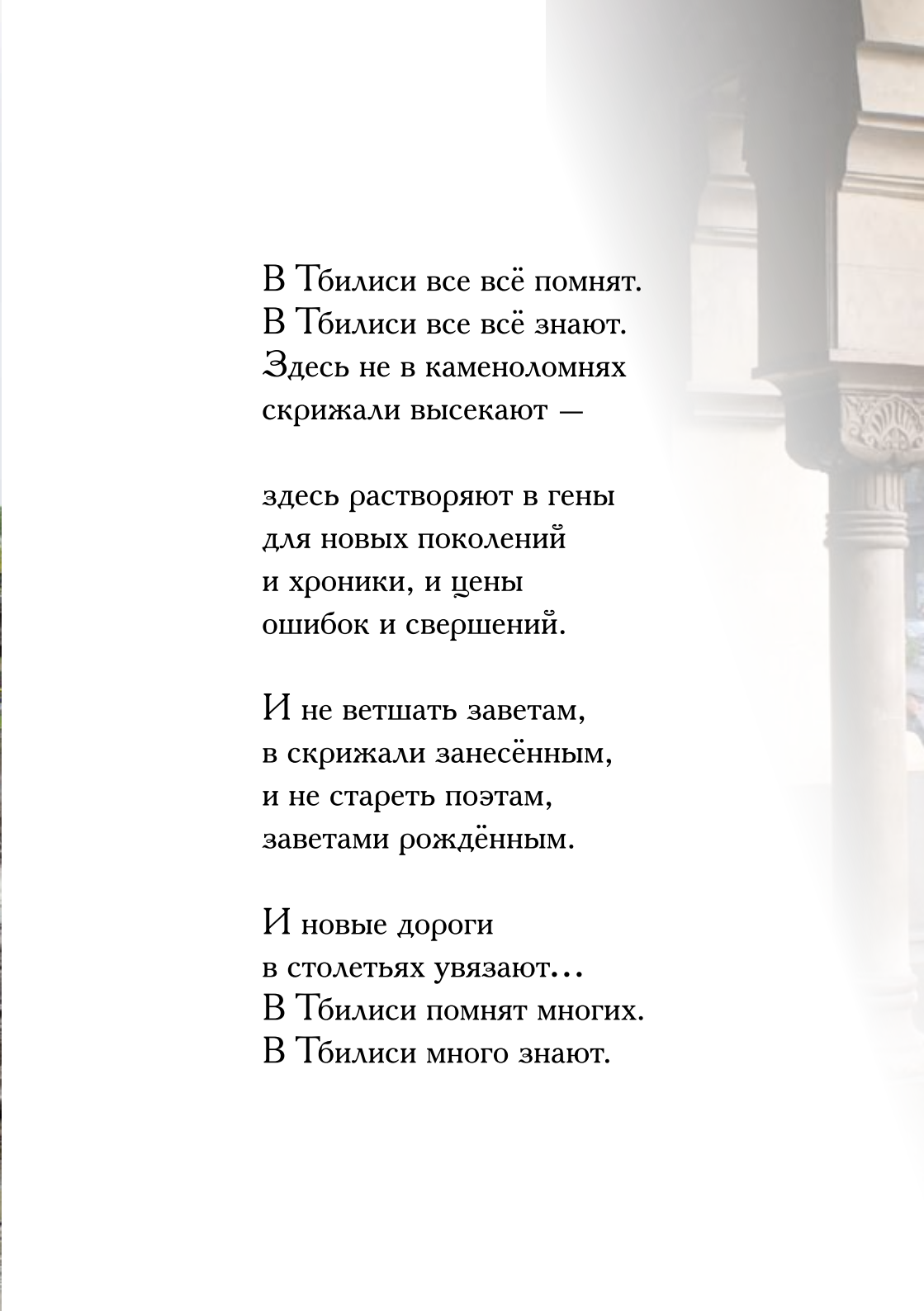
При поддержке фонда **«Русский мир»**

Русский клуб. 2021
ISBN 978-9941-8-4018-0

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	6
ИТАК, ПРОЙДЕМ ПО ТБИЛИССКИМ УЛИЦАМ	9
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	252
БИБЛИОГРАФИЯ	253

В Тбилиси все всё помнят.
В Тбилиси все всё знают.
Здесь не в каменоломнях
скрижали высекают —

здесь растворяют в гены
для новых поколений
и хроники, и цены
ошибок и свершений.

И не ветшать заветам,
в скрижали занесённым,
и не стареть поэтам,
заветами рождённым.

И новые дороги
в столетях увязают...
В Тбилиси помнят многих.
В Тбилиси много знают.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Мы рады приветствовать вас на страницах этой книги. Если вы взяли ее в руки, значит, вас интересуют не только улицы и дома Тбилиси, но и то, как они связаны с русской культурой. А связи эти весьма давние и очень прочные.

На протяжении двух с лишним веков менялись эпохи и правители, моды и политические пристрастия. А писатели и поэты, художники и философы, певцы и композиторы, режиссеры и актеры, невзирая ни на что, все ехали и ехали в Грузию. Ехали к друзьям, полюбоваться красотами, по служебным делам, поработать, ища прибежища во время конфликтов с властями...

И каждый раз тифлисские-тбилисские дома давали им кров, тепло новых друзей, а увенчанные резными

балконами улицы вели к желанным целям, к новым единомышленникам. Культура грузинского народа вливалась в их кровь, рождая в приезжих новые стимулы к творчеству. И, конечно, Грузия давала северному соседу немало выдающихся гуманитариев.

Их десятки – посланцев творческой интеллигенции России, чьи имена звучали в домах грузинской столицы, талантов, рожденных в Грузии и ставших гордостью России. И так хочется подойти вместе с вами к каждому такому дому, чтобы лучше представить в их стенах замечательных людей. Но увы, время, как известно, неумолимо, и многие из этих домов им уничтожены.

Однако это вовсе не значит, что замечательные имена, связанные с этими домами, не прозвучат на нашей прогулке. Мы не можем не вспомнить их, пусть и без тех подробностей, которыми будут сопровождаться сохранившиеся адреса.

Эта книга – лишь первый опыт изданий такого рода. На ее страницах 40 адресов. И, очевидно, историки с литературоведами могут добавить к ним и другие, которые потом войдут во второе издание. А пока, перед тем, как отправиться в путь по тбилисским улицам, назовем ныне исчезнувшие или переименованные адреса людей, которые делали их примечательными. Они – из самых разных эпох:

Места обитания сосланных писателей-декабристов и поэтов пушкинской плеяды **ВИЛЬГЕЛЬМА КЮХЕЛЬ-БЕКЕРА, АЛЕКСАНДРА ОДОЕВСКОГО, АЛЕКСАНДРА БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО, ДЕНИСА ДАВЫДОВА, ВИКТОРА ТЕПЛЯКОВА, АЛЕКСАНДРА ШИШКОВА.**

Дома, в которых поэт **ЯКОВ ПОЛОНСКИЙ** жил на Авлабаре и в Сололаки.

Красавец-театр в Караван-сараяе Тамамшева на площади Паскевича-Эриванского (ныне – Свободы), директором которого был поэт и драматург **ВЛАДИМИР СОЛЛОГУБ.**

Гостиница «Северные номера» на углу Николаевского переулка и Дворцовой улицы (нынешнего скре-

щения улицы Пурцеладзе с проспектом Руставели), в которой жили писатель **АНТОН ЧЕХОВ** и художник **ВИКТОР ВАСНЕЦОВ**.

Здания на Давидовской (Бесики) улице и возле Воронцовской (Саарбрюккенской) площади, в которых прошла юность поэтессы и писательницы **ЗИНАИДЫ ГИППИУС**.

Бывший дом поэта Александра Чавчавадзе на улице его имени, где жила философ и оккультистка **ЕЛЕНА БЛАВАТСКАЯ**.

Обитель футуристов и авангардистов всех направлений, собравшихся в Тифлисе из послереволюционной России – литературная студия поэтов «Фантастический кабачок» (1917-1919), созданная поэтом **ЮРИЕМ ДЕГЕНОМ** на нынешнем проспекте Руставели (Головинском).

Помещения газеты «Заря Востока» на проспекте Руставели, в которой в 1920-х годах работали **ИСААК БАБЕЛЬ** и другие приехавшие из России литераторы.

Красивый особняк №22 на нынешней улице Шалвы Дадияни (Вельяминовской), где был популярный салон актрисы и художницы **ВЕРЫ СУДЕЙКИНОЙ**, в знаменитый альбом которой представители русской и грузинской культур вносили раритетные ныне автографы, стихи, рисунки, нотные записи.

Дом адвоката Луарсаба Андроникашвили на Саперной №7 (Табукашвили) улице, в котором прошли детские годы (1921-1925) литературоведа **ИРАКЛИЯ АНДРОНИКОВА** и где жил во время работы в Тифлисе писатель **ЮРИЙ ТЫНЯНОВ**.

Духан «Симпатия» на Пушкинской улице, где с 1910-х по 1940-е годы побывали с грузинскими друзьями все русские литераторы, приезжавшие в Тбилиси.

И до сих пор не известно, где именно в грузинской столице родился сын цирковой акробатки Марии Брунос и князя Серго Микеладзе **БОРИС БРУНОВ**, которого называли «последним конферансье Советского Союза».

ИТАК, ПРОЙДЕМ ПО ТБИЛИССКИМ УЛИЦАМ

Начнем с улицы в старом тбилисском районе, прославленном фильмом Георгия Шенгелая «Мелодии Верийского квартала». Здесь, в начале февраля 1923 года, в Кирпичном переулке (ныне – улица Бакрадзе), в семье лидеров футуризма в живописи и поэзии братьев **КИРИЛЛА** и **ИЛЬИ ЗДАНЕВИЧЕЙ** поселяется **КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ**. Который писал из Москвы после расставания со столицей Грузии: «Привет мацонщикам и кацо, и Головинскому, и кротким ишакам, и тифлисскому зною. Если бы знали, как все это стало милым и родным. А главное, – здесь паршивое, поддельное и дорогое вино, и нельзя каждый день пить. Вы понимаете?»

В Грузию он прибывает морем, из Одессы, где впервые начал писать, а потом стал ответственным секретарем газеты «Моряк». Ему предложили проехать в качестве собкора по всем черноморским портам – от Одессы до Батуми и наладить в них выпуск морских га-

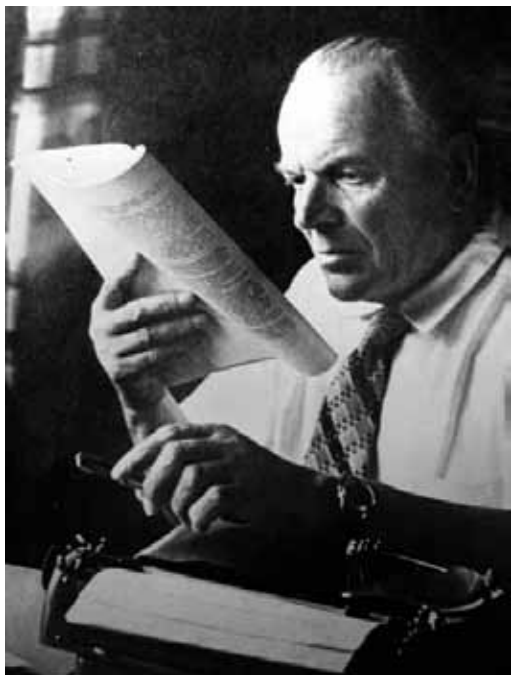

В этом доме жили Зданевичи

зет. В Сухуми ничего не получается, а вот в Батуми появляется «маленькая и застенчивая моя газетка «Маяк». Вместе с главным редактором и выпускающим Константином Паустовским в ней работают не нуждающийся в представлении Исаак Бабель и корреспондент Российского телеграфного агентства (РОСТА) по Аджарии Рувим Фраерман. Которому предстоит стать известным детским писателем. А картина «Дикая собака динго», снятая через 40 лет по его повести, станет знаковой для целого поколения.

Паустовский работает еще и выпускающим в республиканской газете «Трудовой Батум», но приступы малярии мучают его все сильнее, и врач настоял на переезде в Тифлис. Паустовский и Фраерман застывают прямо на вокзальной площади, «пораженные зрелищем гористых кварталов города», в которых «тихо и свежо лежало утро». Паустовскому кажется, что «в этом городе возможны, а может быть, и неизбежны всякие интересные истории»: «...В течение тех нескольких минут, что мы простояли с Фраерманом на вокзальной площади, я решил, что жизнь в Тифлисе не пройдет для меня даром и что этот город не может не отозваться на моей судьбе».

Так и происходит сразу же после его появления в доме Зданевичей, родственников одного из его батумских друзей. Дом на Вере, «с большими запутанными деревянными террасами, выходившими во двор, с полутемными, прохладными комнатами, с выцветшими персидскими коврами и множеством рассохшейся мебели». Словом, чисто тифлисский дом, с террас которо-

Константин Паустовский

го «виден на горизонте снег Главного хребта».

Поначалу Паустовский немного стесняется обитателей дома, к которым запросто приходили такие знаменитости, как художник **ЛАДО ГУДИАШВИЛИ** и поэт **ТИЦИАН ТАБИДЗЕ**. Но постепенно все входит в свое русло. Он живет по главному закону дома – соблюдать культ младшего сына Ильи. Этот теоретик и практик футуризма уже был во Франции, обрел там славу под именем Ильязд, дружил с Пабло Пикассо, работал в фирме Коко Шанель, сотрудничал с Анри Матиссом, Марком Шагалом... А в тифлисском Кирпичном переулке о нем «говорили так, будто он только что вышел за дверь... Все делалось, как любил Илья. Никто не смел трогать его вещи».

Паустовский знакомится с приходящими в гости, как сказали бы сейчас, звездами, среди которых – и поэт Николай Шенгелая, который через год начнет свой блистательный путь в кинорежиссуре. И сын которого Георгий, спустя годы, снимет фактически первый в советском кино мюзикл – о Верийском квартале. Братья Зданевичи и их друг – художник Михаил Ле Дантю – «буквально по крохам» собирают картины и пропагандируют творчество открытого ими миру гениального самоучки Нико Пиросманашвили.

Естественно, жилец дома Зданевичей оказывается среди творений

Кирилл и Илья Зданевичи

Пиросмани: «Стены во всех комнатах, террасы и коридоры, даже кладовые и ванная были завешаны от потолка до пола необыкновенными по рисунку и краскам картинами. Много картин, не поместившихся на стенах, было свернуто в рулоны и стояло в углах». Вот так и рождается под пером Паустовского история о любви нищего художника и миллионе алых роз.

Проходит совсем немного времени, и Паустовский уже не чувствует стеснения в творческой среде грузинской столицы, работает в железнодорожной газете «Гудок Закавказья». А главное, Тифлис дарит ему романтическое увлечение. Которое завершится свадьбой лишь спустя 13 лет. Тогда, в 1923-м, он уже седьмой год женат, но рядом оказывается эффектная молодая дама, по натуре – свободный художник. Это Валерия – бывшая жена Кирилла Зданевича и сестра его друга, замечательного польского художника Зигмунда Валишевского. У Паустовского мы видим ее под именем Мария.

«Мария стала моим проводником по Тифлису... Эту жизнь целомудренно и молча разделяла со мной молодая женщина. Все в Тифлисе приобрело для меня цену и значение. Часто у меня появлялось странное чувство, что весь этот жаркий город и весь этот шумный азиатский люд только декорация для немногословной и грустной пьесы, в которой участвуют всего только два действующих лица – Мария и я... Мы ни слова не сказали о любви. Между нами все время лежала тонкая и непрочная нить, перейти которую никто из нас не решился...»

В конце концов, Константин уезжает в Москву, Валерия остается в Тифлисе, второй раз выходит замуж. Казалось бы, «была недолгою любовь». Ан нет! Через шесть лет они встречаются у общих знакомых в Москве, и чувство вспыхивает с прежней силой. Еще семь лет – и оба расходятся с супругами, играют свадьбу. Валерия Владимировна становится вдохновительницей многих произведений Константина Георгиевича.

Он оставляет описания тифлисского колорита:

«сады – Ботанический и Муштаид, майданы, окраинный Авлабар за Метехским замком, Сионский и Анчисхатский соборы, берега Куры и знаменитые престарелые духаны (они тогда еще действовали) – «Симпатия», «Сюр Кура» и «Тили пучури», что означает «Маленькая вошь»... У него замечательные описания базара, Мейдана, склона горы Мтацминда, рядов мастеровых, Головинского проспекта, легендарных мест увеселений – Верийских и Ортачальских садов.

После расставания с Тбилиси в 1923-м Паустовский еще не раз приезжал в Грузию, был в Самегрело, в Колхиде, много и красиво описывал увиденное. Все те строки стали классикой. Но почему-то первой всплывает в памяти фраза: «Я еще не видел такого путаного, пестрого, и легкого, и великолепного города, как Тифлис». Наверное, она приходит на ум потому, что и сегодня звучит вполне актуально. Как и то, что Тбилиси «уже не ждет возвращения старого, но хранит все его традиции, все мелочи старого быта». Добавим: по крайней мере, старается хранить.

Кирилл Зданевич.
П-т Валерии Валишевской

Театр оперы и балета им. Захария Палиашвили

Тифлисский Казенный театр

Спустимся из верийских кварталов на улицу Костава и пойдем направо, к проспекту Руставели, сливающемуся с этой улицей. Слева по ходу – красивейшее здание №25, Театр оперы и балета имени Захария Палиашвили, бывший Казенный театр. Здесь 28 сентября 1893 года состоялся дебют **ФЕДОРА ШАЛЯПИНА** на профессиональной сцене. До Тифлиса певец скитался с различными труппами по городам и провинциям Российской империи, перебиваясь мизерными гонорами и жалованием хориста, попадая в сложные жизненные переплеты. В конце концов, став бездомным и безработным в Баку, где еще и свирепствует холера, он бежит в главный город Южного Кавказа – Тифлис.

Там оказываются артисты, с которыми Федор уже выступал раньше, они приводят его в оперную труппу, которую набирает некий «офицер Ключарев». Так на-

Федор Шаляпин

чинаются выступления в городах Грузии. Но труппа распадается, и голодающий Шаляпин даже подумывает о самоубийстве, когда ему предлагают петь в саду-ресторане. Услышавшие его выступления служащие управления Закавказской железной дороги помогают ему устроиться у них писцом. Его зовут в Казань, на вторые роли в частной опере, но в день отъезда он вдруг вспоминает, что сослуживцы, хвалившие его голос, советовали все же поучиться у профессора пения **ДМИТРИЯ УСАТОВА**.

Усатов – бывший солист Большого театра, где, между прочим, первым спел Ленского и многие другие знаменитые партии. Это ему посвящен романс «Смерть» Петра Чайковского на слова Дмитрия Мережковского, он преподает в музыкальном училище Тифлиса и дает частные уроки. Усатов сводит молодого человека с одним из учредителей и многолетним руководителем Тифлисского отделения Русского музыкального общества, пианистом, меценатом-коммерсантом Константином Алихановым. Он окончил в Петербурге университет и консерваторию, в 1873 году открыл первое музыкальное учебное заведение Тифлиса – курсы, со временем превратившиеся в училище, а затем и в консерваторию.

Он говорит Шаляпину: «Вы будете получать от меня 10 рублей в месяц. Вот вам за два вперед!» – «А что нужно делать?» – «Ничего. Нужно учиться петь и получать от меня за это по 10 рублей в месяц»... Федор Иванович вспоминал: «Все это было совершенно сказочно. Один человек будет бесплатно учить меня, другой мне же станет платить за это деньги!.. «В самый тяжелый момент жизни, когда передо мной стоял вопрос продолжить учиться или навсегда бросить мысли

о сцене, Усатов направил меня к Алиханову, который принял в моей судьбе горячее участие и дал возможность продолжить учебу. Если бы не поддержка Алиханова..., — я бы так и остался никому не известным хористом».

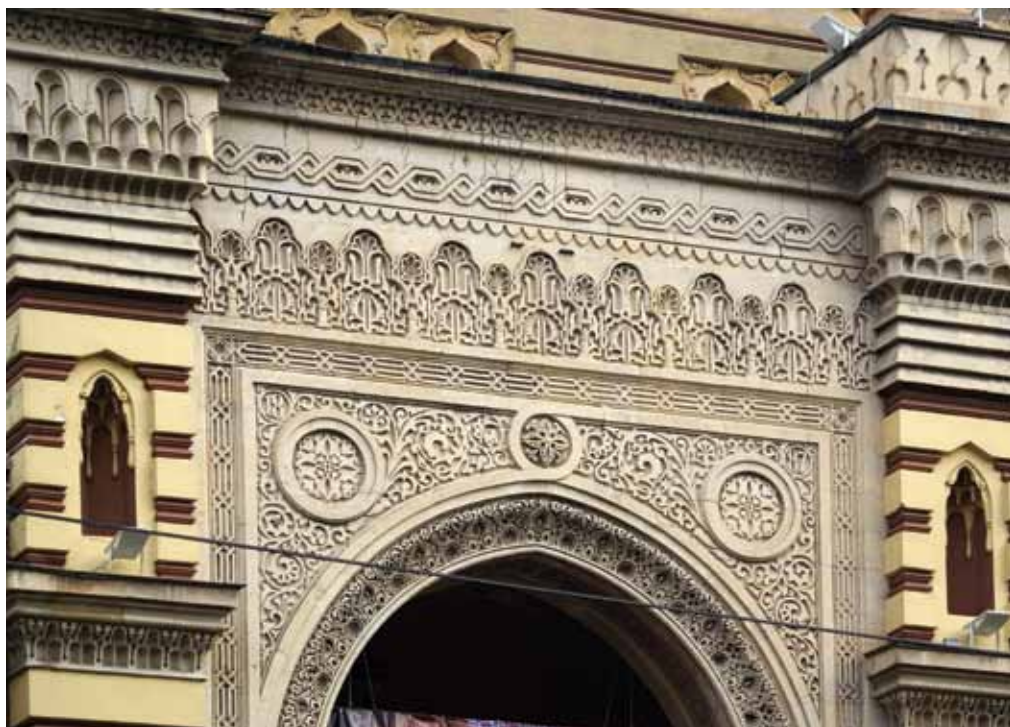
По совету Усатова снимается комната, берется напрокат пианино и начинаются занятия. Шаляпиным восхищаются многие, круг его общения и выступлений стремительно расширяется. Усатов периодически проводит концерты своих учеников, и уже через несколько месяцев Федор известен всему городу. Он становится другом известного мецената Егора Питоева, тифлиских композиторов, и «Элегия» Генария Корганова до конца жизни остается в его репертуаре. Он ходит во все театры, на симфонические концерты, сам много выступает, становится членом «Тифлиского музыкального кружка», который в городе называют «Кружком Арцруни». Там ему устанавливают ежемесячную стипендию в пятнадцать рублей, он с удовольствием поет и в этом кружке.

А Усатов, у которого он продолжает заниматься, рекомендует его в оперу-антрепризу Людвигова-Форкати и Любимова. И вот дебют в «Аиде» на главной тифлисской сцене, в Казенном театре (так он тогда назывался). Шаляпин вспоминал: «Вскоре вышло как-то так, что весь репертуар (басовый) лег на мои плечи, и я неожиданно для себя занял в опере первенствующее положение». Положение это настолько твердое, что всего через пять месяцев объявляется бенефис Шаляпина.

В газетах — восторженные

Дмитрий Усатов

Деталь фасада театра оперы и балета

Фонтан и скульптурная композиция «Балерины»

Памятник З. Палиашвили

Константин Алиханов

отзывы. Чего стоят хотя бы строки в газете «Кавказ»: «Из всех певцов, учившихся в Тифлисе, Шаляпин безусловно самый талантливый; всего пять месяцев, как он на сцене в качестве исполнителя первых ролей, но уже приобрел симпатии и любовь публики. Эти симпатии выразились в бенефисе многими ценными подарками и подношениями...»

Вскоре после бенефиса Федор Иванович засобирався в путь, его манит Москва. В речи на прощальном обеде он подчеркивает, что навсегда остался бы никому не известным хористом, если бы не Тифлис. Уезжает он с рекомендательными письмами Усатова. И если мы под-

считаем афиши с его именем в городских газетах, то увидим: с октября 1893-го по февраль 1894-го он выступил в тифлисских стенах в 62-х спектаклях!

Второй раз он появляется в Тифлисе через шесть лет, в 1910-м, уже признанным великим артистом. Поет в «Фаусте», дает концерт. О том, как проходили эти выступления, рассказывает писатель Лев Никулин: «...Повторилось все, что бывало перед выступлениями Шаляпина: ажиотаж театральных барышников, городовые у театральной кассы и молодежь, сутки простоявшая на улице, чтобы получить билет. В театре был «весь Тифлис» — военные, чиновники, богатейшие люди города, а в райке, на галерее — учащаяся молодежь... Случалось мне слушать его в Петрограде, в Москве, но, мне кажется, ничего равного успеху в Тифлисе я не видел. Это не был обычный «шаляпинский» успех, обыкновенный концерт. В Тифлисе все было необыкновенно...»

Проходит еще пять лет, и Федор Иванович получает в Петербурге письмо от поддерживавшего его в Тифлисе музыковеда Василия Корганова: столица Грузии ждет певца, чтобы отметить 25-летие его артистической

деятельности. И не просто ждет, а дает ему звание своего почетного гражданина. Конечно же, Шаляпин приезжает. Останавливается в гостинице «Лондон», недалеко от столь памятного ему Казенного театра, дает концерты, приходит в музыкальное училище и от души хвалит выступления, организованные в его честь. Перед отъездом, как оказалось, навсегда – обязательный пир в знаменитом верийском саду «Эдем», столь не похожем на тот сад, в котором когда-то работал долговязый Федя. Первый тост – «за славного артиста, который достиг высшей власти в искусстве», затем чаще других тосты поднимает сам герой вечера. Он даже прослезился. И именно тогда в взволнованной речи с упоминанием всех, поддержавших его в этом городе, звучат знаменитые слова: «Я рожден дважды: для жизни – в Казани, для музыки – в Тифлисе...»

А в ноябре 1911 года на сцене этого театра состоялся еще один примечательный дебют. Композитор, пианист и дирижер **СЕРГЕЙ РАХМАНИНОВ** впервые сыграл с оркестром свой Третий фортепианный концерт d-moll. Это произошло на его втором выступлении во время первого приезда в Грузию. Оба выступления были триумфальны. Гостю преподнесли роскошный венок с надписью: «Гордости русского искусства», на

Сергей Рахманинов с тифлисскими коллегами

что газета «Кавказ» отзывалась так: «Хотелось бы написать просто: «Гордости искусства», потому что Рахманинов, по справедливости, занимает одно из первых мест среди современных композиторов мира».

Вообще, можно сказать, что Сергей Васильевич оставил в Тифлисе часть своего духовного мира. Он приехал в Грузию с собственным роялем знаменитой фирмы Bechstein, который возил с собой во время гастрольных поездок. И предприниматель-меценат, директор Тифлисского отделения Русского музыкального общества Степан Мирзоев, боготворивший Рахманинова, убедил гостя продать ему инструмент. Мол, в это время из Грузии отъезжают очень многие, и будут большие трудности с погрузкой рояля на поезд до Батуми, а там – на пароход.

Так у жителя Тифлиса оказался столь необычный сувенир. Который в 1925 году был куплен Тифлисской консерваторией к обоюдному удовольствию. Лишенный состояния Мирзоев получил три тысячи рублей, а

в консерватории до сих пор стоит рахманиновский рояль, на котором приезжие знаменитости проводят мастер-классы.

А Рахманинов еще дважды приезжал в грузинскую столицу – в 1913 и 1915 годах. И побывал в салоне княгини Лизы Орбелиани, собиравшем творческую интеллигенцию. Он познакомился со многими видными музыкальными деятелями, с ним делились планами, он рассказывал о себе... И вот что вспоминала о приездах Сергея Васильевича тифлисская певица, скрипачка и педагог Нина Андрианова-Ряднова:

«Несмотря на утомительные концерты, Рахманинов на этих банкетах, устраиваемых в его честь, радовал собравшихся своей великолепной игрой. Слушая Рахманинова в дружеской обстановке, я замечала, что он одно и то же свое сочинение, ранее им исполненное в концерте, здесь играет по-новому... Вечер близился к концу... бокалы были подняты и грянуло «Мравалжамьер» – застольная песня – «Многие лета», как пожелание в честь Рахманинова».

Казенный театр принимал не только оперные и балетные труппы. На его сцене выступали и драматические коллективы, гастролировавшие в Грузии. В апреле 1928 года здесь выступает Московский Малый театр. И одну супружескую пару в зале больше, чем персонажи «Ревизора», впечатляет «еще одно главное действующее лицо». **МИХАИЛ БУЛГАКОВ** с женой видят в ложе неподалеку от них «пожилую грузинку в национальном наряде» – мать Сталина.

Это был второй приезд Михаила Афанасьевича в Грузию. А впервые он появляется в Тифлисе не только по делам

Екатерина Джугашвили

**Михаил Булгаков
и Любовь Белозерская**

театральным. В мае 1921-го он пишет сестре: «Дорогая Надя, сегодня я уезжаю в Тифлис-Батум... Выезжаю спешно, пишу коротко». Так что Тифлис нужен в основном, чтобы добраться до Батуми. А там – рукой подать и до турецкого Константинополя...» И через Баку, в теплушке, писатель добирается до столицы Грузии.

Пытаясь «пристроить» в местном русском театре свою пьесу «Сыновья муллы», он живет в номерах «Пале-Рояль» и именно в их стенах работает над тем, что через три года воплотилось в первый вариант романа «Белая гвардия». А вот добиться постановки его пьесы на тифлисской сцене тогда так и не

удается.

В июле-сентябре ему очень трудно в Батуми, он даже голодает. Но этот город дарит ему два важных момента. Первый определяет всю дальнейшую жизнь: он окончательно осознает, что его призвание – литература, и понимает, что не в силах стать эмигрантом. Да и выдержал бы он ту нелегкую долю, которой потом наделил героев своей пьесы «Бег»? Стал бы писателем такого масштаба? «По общему мнению всех, кто серьезно интересовался моей работой, я невозможен ни на какой другой земле, кроме своей...» Это – из письма Сталину, написанного через десять лет после первого приезда в Грузию.

Второй значительный момент трудной батумской поры – встреча с... Маргаритой. Известно, что прообраз героини великой книги – третья жена писателя Елена Шиловская, но есть в чертах Маргариты Николаевны немало и от двух других жен Булгакова. А в Батуми навстречу голодному, бедствующему писателю действительно шла женщина по имени Маргарита –

Маргарита Петровна Архангельская, весьма уважаемая супруга крупного советского чиновника Смирнова. Вспомним, что в романе Мастер встретил вполне благополучную Маргариту, будучи в таком же состоянии, как Булгаков в Батуми. Тогда Архангельская прошла мимо, даже не заметив Михаила Афанасьевича. Встречаются они через целых 10 лет в Москве.

И еще. По Москве она шла с желтыми цветами, на сумочке – желтая буква «М», вышитая ею самой, у нее нелюбимый муж и красавица-домработница. Она рассказывала ему о теплом ветре на батумской набережной, а потом, читая роман, нашла в нем свои слова: «...Отдала лицо ветру». Конечно же, всего этого ничтожно мало, чтобы видеть в ней Маргариту из романа. Хотя нельзя отрицать, что батумское прекрасное виденье, ставшее через годы явью, оказало огромное влияние на Булгакова.

Вернемся в апрельский Тифлис 1928 года. Театральная слава Булгакова гремит второй сезон: во МХАТе идут «Дни Турбиных» и заключен договор на постановку «Бега», в Вахтанговском – «Зойкина квартира». В Грузию он приезжает со второй женой, Любовью Белозерской. «Предполагалось, что М.А. будет вести переговоры с Русским драматическим театром о постановке «Зойкиной квартиры», – вспоминает она. И поскольку сам писатель не оставил никаких записей об этом приезде, слово для комментариев в дальнейшем предоставим именно его супруге.

В те годы столица Грузии, как, впрочем, и во все

Маргарита Архангельская

времена, по-особому относилась к талантам, «зажимаемым» властью. Она стала одним из немногих городов, в которых печатались произведения Булгакова. В газете «Заря Востока» – его рассказ «Таракан» и перепечатка из киевской газеты «Шквал», отрывок из романа «Белая гвардия». Самой судьбой Тифлису было уготовано оказаться и в числе восьми городов, в которых разрешают ставить «Зойкину квартиру». Эта пьеса в сезоне 1926-27 годов идет все в том же русском театре, правда, уже переименованном в Тифлисский рабочий театр. Потом пьеса исчезает из репертуара, но руководство театра задумывается о постановке «Бега». Вот и решает писатель приехать, чтобы, как говорится, разобраться на месте.

Переговоры о возобновлении «Зойкиной квартиры» ведутся с директором театра Владимиром Швейцеров. Ничего конкретного тогда сказано не было. Но весьма конкретным и чисто тифлисским становится завершение этой встречи – гости отправляются с трупной в подвальный кабачок «Симпатия». Без которого не обходились приезды в Тифлис очень многих деятелей русской культуры.

В целом Булгаковым хорошо в Тифлисе: «Купаемся в солнце. Купаемся в серных банях. Ходили через Верийский спуск в старый город, в Закурье. А Кура быстрая и желтая... То висячий балкон, то каменные ступени крутой, карабкающейся на гору лестницы вдруг остро напомнят мне Константинополь... Поздним вечером город очень красив и загадочен. Слегка вырисовываются темные силуэты гор, и какими-то особенными кажутся огоньки фонарей – блески на черном бархате». Они совершают превеселое катание на машине по Коджорскому шоссе.

Ориентируясь на русскоязычные источники, многие литературоведы считают, что после этого Булгаков больше в Тифлисе не появлялся. Но тбилисская исследовательница творчества Булгакова, доктор филологических наук, профессор Мзия Микадзе вот что отыскала в грузинской газете «Комунисти» за середину октя-

бря 1928 года: «В Тбилиси приехал известный русский писатель Михаил Булгаков». И еще. Как раз в то время московскому Камерному театру вдруг разрешают постановку «Багрового острова», пьесой интересуются два ленинградских театра. И именно из Тифлиса приходит телеграмма Булгакова жене: «Предложения театров телеграфировать мне». Причина всего этого может быть лишь одна. Известно, что в 1928-м его пьесы собирались ставить грузинские театры, и он отправился в Тифлис.

Казалось бы, затем с этим городом его больше ничего не связывает. Ан нет! Обратно Булгаковы уезжают вместе с 20-летней Марикой Чимишкиан, ставшей их тифлисским гидом – подружкой будущей великой актрисы Нато Вачнадзе, своим человеком в среде молодых грузинских поэтов. В Москве она поселяется в доме Булгакова, который относился к ней, как к младшей сестренке. Но атмосфера вокруг создателя «Мастера и Маргариты» особенная, и Марика оказывается на орбите булгаковщины.

Именно в этом доме тифлисская девушка знакомится с литературным критиком и сценаристом Сергеем Ермолинским. И выходит замуж за этого человека, ставшего прототипом застройщика Алоизия Могарыча. А комнату они снимают в деревянном доме в Мансуровском переулке, где Булгаков поселил своего Мастера. Образ Чимишкиан видят в очертаниях главной героини пьесы «Адам и Ева», автор даже изменил первоначальное отчество Евы на то, что у Марики – Артемьевна.

И, наконец, 10 апреля 1940 года, именно тифлис-

Марика Чимишкиан

скому гиду Михаила Афанасьевича, по словам Белозерской, «выпала печальная доля дежурить у постели умирающего писателя Булгакова в качестве сестры милосердия и друга».

В конце 1920-х годов у дверей театра дежурят дамы всех возрастов, скандирующие: «Лемешев душка!». Это – первые фанатки в жизни **СЕРГЕЯ ЛЕМЕШЕВА**, певшего на тифлисской сцене с 1929 по 1931 год. Он уже

имел опыт выступлений в Твери, Оперной студии Станиславского при Большом театре, Свердловске, Русской опере при Китайско-Восточной железной дороге в Харбине и в Перми. Вернувшись в Москву, он решает минимум пять лет поработать в лучших периферийных театрах Советского Союза и встречается с директором Тифлисского оперного театра И. Мачабели. Тому удастся после долгих уговоров «заполучить» певца. Лемешев вспоминал:

«...Поймал себя на том, что испытываю тревогу: когда все решилось... я испугался Тбилиси. Бывалые певцы мне не раз говорили, что там «пройти» не так легко. Это город старых оперных традиций... Туда стекались лучшие артистические силы. Появились свои национальные кадры. Много понаслышался я рассказов и о местной публике – горячий, очень любящий пение, но избалованной превосходными исполнителями и потому очень требовательной. Я понимал, что, пожалуй, этот сезон может решительно повлиять на всю мою дальнейшую судьбу... Главным мерилом успеха считалось предложение артисту остаться на второй сезон: это значило, что он «прошел» у публики. Если же артист

Сергей Лемешев в Тифлисе

оставался на третий сезон – то все понимали, что он стал уже любимцем местных слушателей. Я решил обязательно пропеть в Тбилиси два сезона».

Грузинская столица очаровывает Сергея Яковлевича «своим неповторимым сочетанием прекрасной европейской архитектуры и яркого южного колорита, жгучим солнцем, обилием зелени и необычайной жизнерадостностью». Яркое впечатление: «На центральной магистрали города – проспекте Руставели, – окруженное с обеих сторон изящными скверами, стоит монументальное здание. Кружевные арки и голубые купола в мавританском стиле придают ему легкость и стройность, скрадывая истинные масштабы. Это и есть Государственный театр оперы и балета имени З. Палиашвили. В те годы он еще назывался просто Госопера, а композитор, именем которого был позднее назван театр, тогда возглавлял Тбилисскую консерваторию».

И о труппе театра самые приятные впечатления. А первый спектакль в Тифлисе – «коронный» лемешевский «Евгений Онегин». И «дебют, очевидно, прошел все же неплохо, так как после этого спектакля я получил весь ведущий репертуар, в том числе и ряд новых партий...» Нравится Лемешеву даже то, что ему было непривычно: «По сравнению со Свердловском и Харбином в Тбилиси была, если можно так сказать, несколько иная звуковая атмосфера. Внимательно вслушиваясь в голоса певцов, несущиеся со сцены в зал, я отмечал яркое звучание, полный диапазон, ровность регистров, крепкие верха, кантиленность. Все это считалось обязательной нормой исполнения и всячески поощрялось не только дирижерами, но и режиссерами».

Потом – встреча с человеком, которому, по словам Лемешева, суждено было сыграть огромную роль в его жизни. Окончив Ленинградскую консерваторию, в родной город возвращается **АЛЕКСАНДР МЕЛИК-ПАШАЕВ**, «оперный дирижер, как говорят, милостью божьей». Он занялся постановкой «Князя Игоря» Бородина и очень подружился с Лемешевым, признавшим: «Когда за пультом стоял Мелик-Пашаев, я всегда был

Александр Мелик-Пашаев

не только спокоен (чувство, необходимое певцу), я ликовав в предвкушении еще одной встречи с вдохновенным артистом. И это состояние помогало преодолевать любые вокальные трудности. Дирижер, казалось, дышал и пел вместе с тобой».

Среди партий, впервые спетых на тбилисской сцене, самой памятной для Лемешева стал герцог из «Риголетто». Ранее певец несколько раз брался за эту роль, но считал: «Виртуозности, легкости, непринужденности пения в этой партии мне не удавалось достичь». В Тбилиси же происходит настоящее чудо: «Я вдруг ощутил желанную свободу, которой так недоставало мне раньше. А ведь работал я над герцогом в Тбилиси совсем немного: меня не могли ждать, пока я соберусь, впоюсь... Я храбро пришел на спевку... Певцы, певшие тогда на тбилисской сцене, составляли превосходный ансамбль, позволивший мне быстро освоиться с новой партией и войти, как говорится, во вкус». Что ж, во вкус он входит настолько, что, когда его по несколько раз вызывают на бис, поет песенку герцога не только по-итальянски, но и на... грузинском и армянском языках.

А теперь прислушаемся к еще одной фразе из воспоминаний Сергея Яковлевича: «И вот в 1930 году в Тбилиси к нам приехала на гастроли Максакова». К нам! Ни о Свердловске, ни о Харбине, ни о Перми он так не писал. Ну не подтверждение ли это того, что для Лемешева своим стал Тбилиси, в котором он «прошел школу вокально-сценического искусства»?

Заканчивается его второй сезон на берегах Куры, где он «вовсе не считал себя хоть сколько-нибудь равным московским гастролерам, но, во всяком случае, не портил ансамбля». Бессменный партнер приезжих

знаменитостей и любимец местной публики Лемешев считает, что «созрел» в Тбилиси для Большого театра. Он пишет письмо знакомому заместителю директора Большого театра и ему дают партию Берендея в «Снегурочке». А постановщик Владимир Лосский в то время находится в ...Тбилиси. И роль в деталях и мизансценах отрабатывается на проспекте Руставели, чтобы триумфально прозвучать уже на московской Театральной площади.

«Напутствуемый добрыми пожеланиями друзей, я тронулся в путь». Можно добавить: и провожаемый горькими слезами поклонниц. В 1931 году почти одновременно с Мелик-Пашаевым он принят в Большой театр и «здесь чаще всего именно с ним мои любимые оперы». Они 15 лет жили в одном доме и, вспоминая о прошлом, Александр Шамильевич сказал: «А все-таки удивительная у нас дружба, Сережа. Так давно мы знакомы, так долго работаем вместе, но никогда не сказали друг другу неуважительного слова, никогда в наших отношениях не было небрежности, панибратства».

Исследователи творчества Сергея Яковлевича считают, что в его судьбе счастливо сошлись три фактора: лирический талант, особо востребованный в «эпоху бравурных маршей и трескучих речей», целеустремленность и «везение на встречи с людьми неравнодушными, понимающими».

Но был все-таки и четвертый фактор: «Тбилиси, непринужденно и весело раскинувшийся у подножия большой горы, по которой двигались казавшиеся издали игрушечными вагончики фуникулера, покорила навсегда... Все, что я нашел в Тбилиси, было для меня просто кладом». И этим кладом Лемешев воспользовался сполна.

Сергей Лемешев

Борис Пастернак и Тициан Табидзе

Теперь отойдем от проспекта Руставели. Поднявшись от Оперы на один квартал на склон горы Мтацминда по улице Александра Чавчавадзе, мы окажемся на улице Грибоедова. Там, в доме №18, жил расстрелянный в 1937-м замечательный поэт, один из создателей группировки символистов «Голубые роги» Тициан Табидзе. И с этим домом неразрывно связано имя **БОРИСА ПАСТЕРНАКА**, останавливавшегося здесь во время всех своих приездов в Грузию.

Борис Леонидович впервые приезжает в Тифлис в 1931 году по приглашению Тициана и его друга, соратника по «Голубым рогам» **ПАОЛО ЯШВИЛИ**. Оба волнуются: таков ли гость, каким он видится в стихах и рассказах о нем? Опасения оказываются напрасными, они «тут же стали навек друзьями». Пастернак навсегда запоминает Табидзе таким: «Он курит, подперев/ Рукою подбородок,/ Он строг, как барельеф,/ И чист, как самородок./ Он плотен, он шатен,/ Он смертен, и однако/ – таким, как он, Роден/ Изобразил Бальзака».

В тот поезд Пастернака возят в Мцхету, дают возможность отдохнуть в Коджори и Кобулет. «Там реял дух земли,/ остановивший время,/ Которым мы, вдали,/ Так грезили в богеме...», вот что напишет он в поэме «Из летних записок». Этот неповторимый «дух земли»

приводит его в Грузию и в 1933 году, когда в Москве ему уже невозможно писать и печататься. К тому же он живет переводами, необходимы подстрочники – работа со стихами Табидзе, классиков грузинской литературы Николоза Бараташвили и Важа Пшавела ему удается блестяще.

И Борис Леонидович просит включить его в официальную делегацию Союза писателей СССР, отправившуюся в Грузию. Поездка получается не из самых удачных – он простыл в дороге, утомляют пышные банкеты, огорчает, что «у бригады высокие, государственные цели». Но встречи с Тицианом и Паоло помогают скрасить все это.

А в декабре 1937 года Пастернака вызывают в Тбилиси на пленум правления Союза писателей, приуроченный к юбилею Шота Руставели, но он не едет: именно в этот месяц расстрелян Тициан, семью которого Борис Леонидович будет годами поддерживать и материально, и морально. «Да как же я мог тогда ехать в Грузию, когда там не было Тициана? Я так любил его», – признавался он. А жене погибшего поэта Нине он посылает телеграмму, на которую в то время решились бы немногие: «У меня разбито сердце. Нет Тициана. Как жить?».

С именем Табидзе (еще не реабилитированного!) связан и его приезд в 1945 году, на столетие со дня смерти Николоза Бараташвили. Условием своего участия Пастернак ставит присутствие в зале Нины Табидзе. Она впервые появляется на публике после гибели мужа, и он читает стихи, подчеркнуто обращаясь к ней. А перед отъездом Нина дарит ему великолепную гербовую бумагу, оставшуюся от Тициана. И именно на этих листах появляются первые главы белой рукописи «Доктора Живаго», о котором автор говорил, что это «Нинин роман»: «Прозу я начал ведь писать с Вашей легкой руки, то есть толчком к ней послужила подаренная Вами Тицианова бумага... Вы, Нина, оказали на меня литературное влияние». И одной из первых, поздравивших Пастернака с Нобелевской премией в его

Нина Табидзе (в центре) в Переделькино

доме в октябре 1958 года, была Нина Табидзе.

Сейчас в Литературном музее Грузии хранится архив рукописей Пастернака, которого тесная дружба, помимо Табидзе и Яшвили, связывала с целой плеядой грузинских деятелей культуры – **ГЕОРГИЕМ ЛЕОНИД-ЗЕ**, Николозом Мицишвили, **СИМОНОМ ЧИКОВАНИ**, Ладом Гудиашвили, Валерианом Гаприндашвили... По его признанию, Грузия буквально проникла в него, стала его органикой.

А в трудный для него февраль 1959-го он в последний раз приезжает в дом на Грибоедовской: если уж власти вынуждают покинуть Москву, то ехать надо только сюда. Так же искали отдушину в Грузии многие и многие русские литераторы и до и после него. А у Пастернака в Тбилиси – практически родной дом, в котором до сих пор сохранились его вещи. Десять дней, проведенные им здесь, прогулки по Тбилиси с дочерью погибшего друга Нитой дают опальному поэту огромную душевную передышку. Появляется мысль «...приняться за роман вроде «Доктора Живаго». А из окна отъезжающего поезда Пастернак кричит провожающей его Нине: «Ищите меня у себя дома! Я остался там!».

Памятник Антону Рубинштейну на фасаде консерватории

Тифлисская музыкальная школа (ныне — Консерватория)

Пройдем по улице Грибоедова к ее началу и через десять домов подойдем к №8 — зданию Тбилисской государственной консерватории имени Вано Сараджишвили. А в 1882 году на этом месте была Музыкальная школа, в которую Императорское российское музыкальное общество (ИРМО) командировало **МИХАИЛА ИППОЛИТОВА-ИВАНОВА**. И выпускник Петербургской консерватории за одиннадцать лет работы в Тифлисе сумел больше, чем кто-либо сделать для сближения грузинской и русской музыкальных культур.

С Грузией он заочно знакомится еще до появления на Кавказе, о котором «так давно мечтал», — в Петербурге подружился с будущими тифлисскими музыкальными деятелями Константином Алихановым и Генарием Коргановым. Приехав в Тифлис, он вручает Алиханову «как главному в то время руководителю школы предложение Главной дирекции ИРМО открыть в Тифлисе отделение этого общества».

Оказывается, в городе немало меценатов. И собрание, объединившее покровителей муз с профес-

сионалами музыки, постановляет: «Признать открытие отделения Музыкального общества желательным, о чем возбудить ходатайство перед главной дирекцией, избрать первый состав местной дирекции и просить об его утверждении, передав все имеющееся имущество и денежные суммы в ведение Музыкального общества». На все формальности уходит около двух с половиной месяцев. Пока идет «осуществление всех необходимых формальностей, т.е. составление актов, протоколов, постановлений, описей имущества и денежных средств», Михаил Михайлович начинает читать лекции, которые «прошли очень удачно, заинтересовали общество и привлекли новых членов для отделения и новых учащихся для школы».

Не проходит и года после приезда Михаила, как появляется Тифлисское отделение ИРМО. В его ведение переходят музыкальные классы (так переименована музыкальная школа), их директором и дирижером симфонических концертов назначается Ипполитов-Иванов. Всю весну 1883-го идет тщательный подбор квалифицированных педагогов. А летом складывается и личная жизнь – Михаил привозит из России жену, певицу **ВАРВАРУ ЗАРУДНУЮ**, которую знает еще по консерватории, и у родителей которой не раз отдыхал в их украинском имении. Место в Тифлисе находится и для нее: «Я – в училище, она – в оперную труппу Казенного театра». Впрочем, можно сказать, что в тогдашнем Казенном (ныне Оперном театре), супруги становятся коллегами: Михаил через десять месяцев жизни в Тифлисе уже работает там дирижером.

Работать ему приходится «на два фронта». В течение шести лет с утра он в училище, образованном

Михаил Ипполитов-Иванов

в 1886 году. В отличие от «бесправных музыкальных классов», там есть утвержденный правительством устав, субсидия в пять тысяч рублей и подробнейший учебный план, тщательно разработанный директором Ипполитовым-Ивановым. В дальнейшем этот документ, составленный в Тифлисе для «единственного рассадника систематического музыкального образования на Кавказе», станет основой для всех музыкальных училищ Российской империи.

«Дружная работа всего педагогического персонала, – с вполне законной гордостью говорит Михаил Михайлович, – быстро завоевала нам полное доверие местного общества, и число учащихся быстро стало увеличиваться». При училище создаются хор, небольшой оркестр, и это позволяет ученикам давать симфонические концерты. А музыкальные камерные вечера училища становятся модными в городе и собирают массу слушателей, благодаря специально сформированному струнному квартету. А еще, даже не окончив учебы, юноши и девушки из музыкального училища стали появляться на сцене.

«Такое объединение музыкальных сил, вспоминал он, давало мне возможность свободно распоряжаться временем для репетиций и подбором исполнителей – в этом отношении никто не вставлял мне палок в колеса, и дело быстро развивалось... За три года из жалкого провинциального полуграмотного оркестра образовался сплоченный, дружный, художественный ансамбль, который заслужил одобрение требовательного П.И. Чайковского». Создание постоянного оркестра послужило началом дальнейшего развития художественной жизни в Тифлисе. А уже в Москве издает научный труд «Грузинская народная песня и ее современное состояние».

Однако Московская консерватория хочет видеть его с женой своими профессорами. И в 1883 году он решает напоследок еще раз проехать по Кахети. Пройдет больше трех десятилетий, и народный артист республики, экс-директор Московской консерватории, знамени-

тый дирижер вновь всерьез задумается о переезде в Грузию. С музыкальным миром которой поддерживает самые тесные связи. К тому же ему «светит» директорская должность в Тбилисской консерватории.

Но по различным причинам план этот не осуществляется, и Ипполитов-Иванов становится «всего лишь» дирижером Большого театра... Он писал Чайковскому: «Из Тифлиса я уезжаю со спокойной совестью, сделал все, что было в моих силах...» А грузинскому композитору Мелитону Баланчивадзе признавался: «Люблю Грузию и Тифлис как свою вторую родину, и был бы рад быть им полезным до конца моих дней».

Но своего здания у училища, оставленного им Тифлису, не было. И вот, в 1891-м, приехав в Тифлис с концертом, **АНТОН РУБИНШТЕЙН** все вырученные от выступления средства передает на строительство нового здания. После этого деньги поступают от местных меценатов, музыкантов, различных организаций. В 1904 году новое здание музыкального училища Тифлисского отделения Императорского Русского музыкального общества было полностью завершено. В 1918 году там открылась первая оперная студия. В 1924 году Тифлисская консерватория получила государственный статус.

Но Рубинштейн связывает с Грузией не только его роль в этом строительстве. Его музыка восточного характера имеет кавказские мотивы. Во время своих частых приездов в Тифлис он подчеркивал: «Миссия специалистов при нашем отделении Музыкального общества заключается не только в педагогической деятельности, но и, главным образом, в изучении и разработке всего, касающегося

Антон Рубинштейн

восточной музыки». Работая над оперой «Демон», он обращался к сборнику Д. Эристави «Попурри из грузинских песен». Грузинские мотивы звучат и в «Танце кашмирских невест» (опера «Фераморс»), «Лезгинке» (сборник национальных танцев), «Паше и Альмее» (фортепианный цикл «Костюмированный бал»).

Кстати, премьера «Демона» в Санкт-Петербурге состоялась лишь спустя четыре года после тифлисской премьеры. И еще: супругой Рубинштейна была Вера Чикуанова из грузинского княжеского рода Чиковани.

В первые дни октября 1916 года концертный зал Тифлисского музыкального училища был переполнен. Но на этот раз почтенную публику привлекла сюда не музыка, а литература – в столицу Грузии в первый (и, как оказалось, в последний) раз приехал знаменитый русский писатель **АЛЕКСАНДР КУПРИН**. Происходит это после того, как у него в Гатчине появляется процветающий театральный антрепренер и организатор литературных вечеров Федор Долидзе. Кстати, этот уроженец грузинского города Озургети – дядя Виктора Долидзе, автора знаменитой оперетты «Кето и Котэ».

Перед напором кипящего замыслами и энергией импресарио не может устоять и Куприн, вообще-то настроенный против публичных выступлений. Долидзе напоминает, что писатель он сам не раз говорил о желании побывать в Грузии, обещает переполненные залы слушателей, заманивает посещением пушкинских мест. Среди веских причин вполне мог быть и такой аргумент, как знаменитые грузинские вина – поднять стакан-другой с приятными ему людьми Куприн, прямо

Александр Куприн

скажем, любил. Вот и принимается в конце концов решение ехать всей семьей.

По дороге в Грузию – выступления на Северном Кавказе, организованные Долидзе. В Тифлисе антрепренер поселяет Куприных в доме композитора Генсиорского, на дочери которого был женат. И туда начинают приходить начинающие писатели, стремящиеся подsunуть мэтру свои произведения. Куприн отфутболивает графоманов как может. А отлично он чувствует себя в домах тех, кого знал еще до приезда в Грузию. Среди них – и звезда грузинской сцены Васо Абашидзе, и литературный критик Нико Накашидзе. Но к самой приятной встрече он готовился заранее – одновременно с ним в Тифлис приехал из Ташкента любимый друг, знаменитый борец Иван Заикин.

Они видятся в первый же вечер по приезде писателя, конечно же, в цирке, куда Куприн отправляется вместе с семьей. Публику, переполнившую зал в ожидании начала турнира, извещают о присутствии знаменитого литератора и под аплодисменты приглашают в почетное жюри. Завершается все очередной победой Заикина и грандиозным банкетом, который на следующий день артисты

Цирк братьев Никитиных в Тифлисе, где выступал Заикин

устраивают в честь Куприна. Писатель вообще проводит у друга большинство тифлисских вечеров.

У того помещение не самое шикарное: «полуподвал во дворе, в который можно было попасть, поднявшись на семь-восемь ступенек; пройти площадку и спуститься на семь-восемь ступенек». По словам жены Заикина, ступени эти «были широкими, длинными и заменяли диваны и стулья». И именно на них ежевечерне, «по четыре-пять человек в ряд, держа на коленях тарелки», рассаживаются многочисленные гости – хлебосольный борец приглашает к себе и на обеды, и на чаепития после представлений в цирке.

Куприн с Заикиным вместе гуляют по городу, экскурсоводом у них, естественно, Федор Долидзе. Но какой же Тифлис без шумной уличной драки и без глазющих на нее зевак! Именно это и видят друзья на одной из улиц. Но когда Куприн, не боящийся никаких потасовок, начинает рваться в гущу народа, чтобы поглядеть на дерущихся, Заикин без лишних слов вытаскивает его из толпы и почти насильно уводит прочь. Долидзе в удивлении: «Неужели вы, сильнейший борец и чемпион мира, боитесь какой-то драки?» Ответ прост и ясен: «Я силен на ковре во время борьбы. А тут всякий мальчишка может пырнуть ножом, и твоя сила останется ни при чем».

Но все это, так сказать, оформление главного, того, ради чего писатель приехал в Грузию. Ему надо прочесть две солидные лекции – не самое любимое им дело: «Судьба русской литературы очень загадочна... Что я буду читать? Не знаю. Если сказать, что в Петрограде ждут революцию – меня арестуют. Черт его знает, что вообще происходит в России. Николай, говорят, пьянствует с горя: скоро ему крышка, честное слово».

С таким настроением Куприн выходит и на сцену Музыкального училища. Приветствуют его горячо, но он долгое время не начинает. И после значительной паузы заявляет: «Вы пришли слушать серьезную лекцию, но я лекций никогда не читал. Это не моя специальность. Я могу только рассказать попросту... Прошу

не взыскать... Как умею... Но никакой лекции не ждите, лекции не будет». В зале смятение: «А «Судьба русской литературы»?» Куприн тяжело вздыхает: «Вас интересует судьба? Но судьба совсем не в лекции... Ну, ничего... Я вам все же кое-что расскажу... Свои воспоминания о Льве Толстом, о Чехове, о Горьком».

Друг, поэт Василий Каменский поддерживает его: «Поймите, что Александр Иванович желает рассказать именно о судьбе русской литературы, но не в форме научной лекции, а в плане беседы. Это интереснее сухой лекции». Куприн добавляет: «Вот в том и судьба литературы, что она мало кому понятна. В разные времена ее разумели по-разному. Толстой, например, отказался от художественной литературы, а Толстой был мудрец. В наши смутные дни эта судьба стала жалкой, несчастной... Никто не знает, что произойдет завтра...

И вся судьба переменится... Придет другая жизнь...» И начинается блестящий рассказ о встречах с великими писателями. Ему есть что рассказать, поэтому неловкость ситуации сглажена и после перерыва на сцену вносят огромную корзину цветов. От борцов-участников циркового чемпионата.

На следующий день выступление Куприна предусмотрено анонсируется уже не как лекция, а как беседа. И беседа эта удастся. Дочь писателя признает, что «тифлисские газеты оценили выступления Куприна неоднозначно, наряду с доброжелательными отзывами, были и весьма критические». Что ж, это понятно: кое-кто, а тем более литературные критики, ожидали увидеть

Ксения Куприна

этакого мэтра, читающего научную лекцию. Но в целом взыскательная тифлисская публика осталась довольна тем, как нестандартно выступил именитый гость.

Ну, а сам он, покончив с лекциями, решает еще пожить в Тифлисе, чтобы получше с ним познакомиться. «Он жадно впитывал колорит людей и природы, запахи маленьких духанов и лавочек, торговавших сафьяном», – вспоминает его дочь. Кроме застолий (по словам Каменского, «Судьба русской литературы» пировала бесшабашно»), в восторг привели легендарные серные бани. Тифлис, в котором он пробыл всего две недели, Александр Иванович запомнил навсегда.

Взглянем на писателя еще раз – уже во Франции, где он живет в эмиграции и известен французам лишь как отец Ксении (Кисы) Куприной. Киса – псевдоним легенды Парижа, самой красивой манекенщицы Модного дома Поля Пуаре, подруги еще малоизвестной Эдит Пиаф, звезды французского кинематографа, которой стала девочка Ксения, побывавшая в 1916-м в Грузии. И вот впечатление Куприна о Гаскони: «Когда, сидя на веранде, я вижу вокруг себя эти загорелые лица, жесткие черные усы, выразительные глаза, большие серьезные носы и слышу непонятный мне местный говор, я воображаю себя в садике тифлисского духана». Вот уж воистину – через годы, через расстоянья...

В том же году, когда Куприн приехал в Тифлис, в Музыкальном училище появляется новый профессор. Прочтем в протоколе допроса на Лубянке, что он скажет в ноябре 1941 года капитану госбезопасности Дроздецкому: «Моя трудовая деятельность началась в 1916 году в г. Тбилиси, куда я выехал из бывшего Петрограда по окончании Петроградской консерватории. В Тбилиси я работал профессором консерватории до 1920 года, после чего выехал в г. Киев на ту же работу в Киевскую Государственную консерваторию. В 1922 году по приглашению бывшего Наркомпроса Луначарского я переехал в г. Москву».

Это – показания выдающегося пианиста **ГЕНРИХА НЕЙГАУЗА**, который 8,5 месяцев провел за решет-

кой по обвинению в том, что он «ждал немцев». Немудрено, что в застенке он спутал дату – в Тифлисе он пробыл до 1918-го. А потом, сохранив должность профессора, приезжал много раз, особенно во второй половине 1940-х. Давал открытые уроки, концерты, бывал на госэкзаменах. И выступал в кругу друзей, а их было много.

Это и тромбонист оркестра Оперного театра **СОЛОМОН БЕНДИЦКИЙ**, у которого пианист часто останавливался. И замечательная художница Елена Ахведиани, в Доме-музее которой до сих пор стоит рояль, на котором играл Нейгауз и которая писала подруге в январе 1948-го: «Сегодня Генрих улетел, и стало очень пусто. Много играл здесь, в консерватории... на закрытых концертах». И выдающаяся пианистка **ВАЛЕНТИНА СТЕШЕНКО-КУФТИНА**, собиравшая музыкальный фольклор от Керченского

Генрих Нейгауз

полуострова до Дальнего Востока, преподававшая и выступавшая с концертами в Тбилиси.

И, конечно, это – видная пианистка и педагог Анастасия Вирсаладзе, в доме которой Генрих Густавович слушал ее юную внучку, помогая советами. Сейчас эта внучка, став выдающейся исполнительницей Элисо Вирсаладзе, вспоминает:

«Естественно, он любил Тбилиси и, мне кажется, потому, что каждый раз, когда ты приезжаешь в город, в котором тебя боготворят и к тебе относятся с таким обожанием... Действительно, это было не придуманное – это была абсолютно естествен-

Валентина
Стещенко-Куфтина

ная любовь к Генриху Густавовичу, он купался в этой любви... Я не сравниваю Москву и Тбилиси, но хочу сказать, что, когда ты приезжаешь в гости на несколько дней – это одно дело: ты наслаждаешься этим коротким временем. И потом, все-таки, он любил солнце, а солнца у нас всегда бывало больше, чем в Москве, особенно зимой».

В 1920-м после одного из концертов в консерватории в комнате «среди арф и лент от венков» просыпается человек, далекий от музыки. Это **ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ**. В первый же день пребывания в Тифлисе его, напоив, практически приносят в консерваторию, где он и отсыпается. А потом смутно помнит, как лежал там ...

Эренбург трижды приезжал в Грузию и каждый раз – в одной из самых противоположных ипостасей. Впервые – в 1920-м запуганным интеллигентом Ильей Григорьевичем. Второй раз – через шесть лет уверенным «попутчиком» советской власти. В третий раз, в страшном 1937-м, – именитым товарищем Эренбургом. И каждый раз Грузия поражала его до глубины души.

Впервые он приехал весьма сложным путем, убежав от Гражданской войны, вместе с женой Любой и близкой знакомой Ядвигой Соммер. Из независимой Грузии, у которой с Советской Россией – дипломатические отношения, они надеялись, минуя фронты, вернуться в Москву. В Тифлисе эйфория от встречи «с невыразимо прекрасным» спадает: «Куда идти? Где посольство? И где Москва? Мы несколько растерялись в чужом городе, без документов, без денег». Они уже добрались до центра города, как навстречу им – Мандельштам, уверенный в го-

Илья Эренбург

Тбилисская государственная консерватория

степриимстве местных поэтов: «Сейчас мы пойдем к Тициану Табидзе, и он нас поведет в замечательный духан...»

Так Эренбург встречается со своим парижским знакомым Паоло Яшвили, они виделись пять лет назад, в знаменитом кафе «Ротонда» на Монпарнасе: «Увидев Паоло в Тбилиси, я ему обрадовался, как однополчанину, хотя наша встреча в Париже была случайной и беглой». В духане, поразившем приезжих уже подзабытыми яствами, Паоло и Тициан рассказывают о своем поэтическом ордене «Голубые роги», заполняют вином настоящие рога, а затем и ведут в консерваторию.

На следующий день в российском посольстве выдаются визы, и две недели, проведенные в Тифлисе, «когда грузинские друзья приютили, пригрели», кажутся Илье Григорьевичу «лирическим отступлением» в его нелегкой жизни тех лет. Обеды и ужины в лучших

духанах города Табидзе и Яшвили организуют «с роскошью средневековых князей». А еще были торговый район Мейдан, кажущийся нескончаемым, серные бани и кутежи в Верийских садах, где «нетерпеливая Кура играла с красными и желтыми огоньками, а на столе благоухали тархун и киндза». «Различные века сосуществовали в этом удивительном городе, – резюмирует Эренбург. – ...Тбилиси был случайным полустанком, на котором остановился поезд времени».

Он постоянно с новыми друзьями, те дарят ему «Сборник тифлисского цеха поэтов», который он хранит много лет, восхищается Паоло и Тицианом, которых сразу полюбил, их дружбой, их индивидуальностью. «Мы были первыми советскими поэтами, которые нашли в Тбилиси не только душевный отдых, но романтику, ощущение высоты, толику кислорода – я говорю и о горах, и о людях, нельзя ведь отделить Паоло и Тициана от окружавшего их пейзажа». Оба провожают его до первого перевала на Военно-Грузинской дороге, и всю жизнь в ушах Эренбурга «звучит высокий, пронзительный голос Тициана: «На холмах Грузии лежит ночная мгла...»

Второй раз он появляется в Тифлисе в 1926-м, проводя шесть лет в «творческой командировке» в Европе. Вообще-то, возвращаясь в СССР, он задумывает поехать туда, где еще не был – на Урал и в Сибирь. Но на такую поездку денег не хватает, и приходится отправляться по хорошо знакомым местам – в Харьков, Киев, Гомель, Одессу, Ростов-на-Дону и Тифлис. Там еще остались связи, можно организовать выступления с чтением новых рассказов. Что же касается Грузии, то он открыто признает, что «приехал к Тициану и Паоло». Снова круг голубороговцев, в котором у него появляется новый друг – Гогла Леонидзе, снова застолья, беседы, прогулки, выступления перед публикой.

Впечатлений опять полным-полно. И, открыв газету «Заря Востока» за 30 сентября 1926 года, мы можем прочесть о том, что испытывает Илья Григорьевич: «... Звери и лозы Ананурского монастыря резвятся, зреют,

живут. На них любовно смотрят пастухи и звезды. В Верийских садах зурна плачет, как любимая женщина, голос которой нельзя не узнать и через тысячу лет. Пусть поэты «Голубых рогов» любят Рембо и Лотреамона; неискушенные души повторяют их стихи доверчивым девушкам возле могилы Грибоедова, когда в одно сливаются созвездия астрономов, огни Сололак и взволнованные зрачки. А на стенах духанов истекают кровью арбузы, написанные Нико Пиросманашвили...»

А в 1928-м появляется рассказ, поражающий тем, что он – поистине провидческий. Говорящее название «Веселый Паоло», страшное содержание. Грузинскому писателю сообщают, что «органы» перехватили компрометирующее его письмо, и ему грозит гибель. Но он не хочет скрываться и устраивает прощальный пир, на который зовет и своего заклятого врага, работающего в ЧК. А ночью, после застолья, его арестовывают и расстреливают... Ничего себе сюжетик, даже для относительно «некровожадных» 1920-х? Ведь до страшной второй половины 1930-х было еще далеко...

Идут годы. Эрэнбург снова встречается с Табидзе и Яшвили – в Москве. И, по его словам, «дружба выдержала испытание временем». А потом ему приходится убедиться, что его страшное пророчество, родившееся, скорее, как грустная фантазия, увы, стало былью. Работая корреспондентом «Известий» на гражданской войне в Испании, он получает приглашение в Тбилиси, на пленум Союза писателей СССР, посвященный юбилею Шота Руставели. По приезду в Москву узнает, что «Табидзе взяли, а Яшвили застрелился из ружья».

Среди участников пленума – хорошо знакомые Эрэнбургу московские литераторы, а вот из грузинских знакомых – только Гогла Леонидзе. Побывать в столь гостеприимном доме Табидзе не удастся: вдова поэта Нина передает, чтобы Илья Григорьевич с женой ее не искали – боится их подвести. «Были, как я и думал, банкеты, тосты, но незачем говорить о моем настроении: я все еще не мог опомниться, – вспоминает Илья Григорьевич. – Новый год мы встретили у Леонидзе.

Мы хотели развлечь милых, приветливых хозяев, а они старались развлечь или, точнее, отвлечь нас. Но не получалось: чокались, молча пили». Когда они «подняли стаканы и ничего не сказали», перед ним были Тициан и Паоло...

Игорь Северянин

А в зрительном зале консерватории и предшествовавшего ей музыкального училища часто организовывались выступления и других приезжих литераторов. Так, здесь во время двух поэтических турне читал свои стихи **ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН**. В 1913 году он приехал впервые, совершая с **ФЕДОРОМ СОЛОГУБОМ** поездку по югу России. Вообще-то, в Тбилиси публика шла на более известного тогда Сологуба, его приняли на ура. А вот Северянина поначалу восприняли как комика, уж больно непривычным было чтение стихотворений нараспев. Поэт-экспрессионист Сергей Спасский вспоминал:

«...Он откровенно запел на определенный отчетливый мотив. Это показалось необыкновенно смешным... Смешил хлыщеватый, завывающий баритон поэта, носовое, якобы французское произношение. Все это соединялось с презрительной невозмутимостью долговязой фигуры, со взглядом, устремленным поверх слушателей, с ленивым помахиванием лилией, раскачивающейся в такт словам. Зал хохотал безудержно и вызывающе. Люди хватались за головы. Некоторые, измученные хохотом, с красными лицами бросались из рядов в

Федор Сологуб

коридор. Такого оглушительного смеха я впоследствии ни на одном поэтическом вечере не слышал».

Правда, на банкете в честь гостей тамада назвал Северянина «с небес сошедшим богом». Однако поэт спешно уехал из Тифлиса, отказавшись от объявленных концертов. Вовсе не из-за реакции публики – в Петербурге у него родилась дочь. Сологуб же продолжил восхищать слушателей без него.

А вот в 1917 году, когда Северянин приехал во время всероссийского турне уже с молодым поэтом и литературоведом **ГЕОРГИЕМ ШЕНГЕЛИ**, все было

по-иному. Свои стихи Северянин называл поэмами, потому концерты именовались поэзовечерами. Таких поэзовечеров в Тбилиси было три. Достаточно нескольких цитат из трех номеров газеты «Тифлисский листок» за январь 1917-го:

«Игорь Северянин – гурман поэзии, сибарит стиха. Он поэт изысканного вкуса, утонченной рифмы, пылкой эмоции. И стихи его, то пленительно-чарующие, зовущие и звенящие, то бурные и стремительные, всецело относятся к области поэзии для поэзии... В чтении, вернее, пении своих стихов

Северянин достигает совершенства... Некоторая небрежность в чтении искупается блесками рифм, чарующей стройностью стиха, чеканностью образа... Молодежь восторженно приветствовала поэта... От публики был поднесен роскошный лавровый венок со следующей надписью: «Игорю Северянину, певцу весны и жизни от внемлющих ему в Тифлисе». Поэта вызывали бесконечное число раз, заставляли бисировать стихи и, засыпав его цветами, проводили овациями».

Так тбилисская публика «реабилитировалась» пе-

Георгий Шенгели

ред «поэтом, певцом и эгоистом» за реакцию на его первый приезд. А вот один из ведущих деятелей русского символизма **АНДРЕЙ БЕЛЫЙ**, выступавший в этом же зале через 10 лет, сразу же имел огромный успех. Впрочем, он уже и приехал, овеянный славой. Первый приезд в Грузию 30 сентября 1927 года – вместе с женой, чтобы отдохнуть. Супруги жили в Цихисдири под Батуми, когда их отыскал и отвез в Тифлис Всеволод Мейерхольд, театр которого гастролеровал в грузинской столице. Там Белый знакомится с голубо-роговцами, считавшими приезжего «живым классиком, а себя – практически его учениками. И началась дружба с грузинскими поэтами, длившаяся до самой его смерти.

«С Вашим приездом нас осеняет величие русской поэзии, трепет которой мы осознали, как только осознали

жизнь... «Сердце дрожит от любви и гордости, что имеем личное общение с Вам... Как будто после Вас мы во второй раз родились для поэзии... Мы в Вашем лице преклоняемся перед величайшей русской поэзией, поэзией Пушкина, Тютчева, Блока и Белого», – это слова Тициана Табидзе.

В общем, писателю с супругой был оказан самый радушный прием. В зале консерватории писателю организовали две публичные лекции, ему предоставили автомобиль, местные литераторы сопровождали его в поездках по Грузии. Тогда-то гость и увидел впервые Коджори – горный пригород Тифлиса и влюбился в это место: «Справа, и слева, и сзади, и спереди – слеты, просторы, балет перспектив; да, тут можно, засевши,

Андрей Белый

забыть все на свете, нырнувши в работу».

И на следующий год он приезжает именно в Коджори, чтобы и работать, и отдыхать. Весной 1929-го Белый в третий и последний раз приезжал на Кавказ. Сначала он месяц прожил в Ереване, а затем снова появился в Тифлисе. Жил в районе Окрокана, написал там одно из лучших своих стихотворений под одноименным названием.

Тот приезд не самый удачный: не удалось побывать в Кахети, сорвалась поездка по Военно-Грузинской дороге. А перед самым отъездом Белый заболел, почти три недели провел в доме у Тициана:

«Нам было бы и стыдно и мучительно быть невольной помехой дому, если бы не Тициан, превративший это наше сидение в радость нового узнавания его как изумительного человека, с которым отныне чувствую себя совсем просто и братски связанным...»

В апреле 1931-го он пишет последнее письмо Тициану — с просьбой помочь художнику Кузьме Петрову-Водкину, который хочет в Абастумани лечить туберкулез: «Он не знает, ехать ли ему мимо Тифлиса в Абастуман или зацепиться на один-два дня в Тифлисе; и я ему говорю смело: «Зацепитесь, посмотрите Тифлис, зайдите к моим друзьям... «Глаз» Водкина должен видеть культуру Грузии и Коджоры... Не дадите ли ему возможность провести несколько дней в Тифлисе, чтобы посмотреть город, миниатюры персидские и т. д.?.. Я ему очень много говорил о Коджорах...»

Между тем Петров-Водкин в 1914 году уже совершил поездку по Грузии «с целью поправить здоровье» и писал жене: «Это страна, которая решительно все получила от природы — золото, камни, хлеба, персики и всевозможные воды. Чего только не передумаете,

Гостиная в Доме-музее Тициана Табидзе

проезжая по этому, еще неизведанному уголку в ущельях гор, при взгляде на эти белые вершины, накрытые белыми облаками. У меня впечатление, что никто еще не видел Кавказа, все стихи, все, что о нем писалось, ничего как следует не отражают – все слабо. Так вот, я счастлив и доволен, что могу поделиться с тобой переполнявшей меня радостью»... Больше он не приезжал, вопреки стараниям Белого.

Ну, а самого Андрея Белого очень ждали в Грузии. На тифлисской окраине в Авчала уже были сняты комнаты, получена командировка от издательства «ЗиФ» для работы над книгой о Грузии. Но поездка не состоялась...

Здесь прошло детство Булата Окуджава

Перейдем улицу у консерватории и подойдем к дому №11 на Грибоедовской. Именно здесь провел большую часть своей тбилисской жизни **БУЛАТ ОКУДЖАВА**. Какое-то время (очень небольшое) он жил и в других районах города. Но именно на улице, которая своим именем олицетворяет общие страницы истории Грузии и России, происходили события, сыгравшие огромную роль в судьбе человека, без которого невозможно представить русскую литературу минувшего века.

После того как мальчик, родившийся в московском роддоме Грауэрмана, месяц прожил на Арбате под именем Дориана, родители решают окончательно зарегистрировать его, как Булата. А еще через пару недель отца командировуют на партийную работу в Грузию. Лучшего места назначения нельзя было придумать – у него кутаисские и тифлисские корни. И, естественно, в течение нескольких лет малыша отвозят в Тифлис к грузинским родственникам со стороны отца и армян-

Булат с родителями

ским — со стороны матери.

В начале 1930-го семья воссоединяется на исторической родине и поселяется в исчезнувшей ныне гостинице «Ориант», где тогда располагались высокие партийные чины. А потом Грибоедовская улица, квартира сестры матери Сильвии. Отсюда маленький Булат поедет с матерью в Москву, когда отца переведут в Нижний Тагил, где ему суждено погибнуть как «врагу народа». Сюда приедет с Арбата в 1940-м, через год с небольшим после того, как чекисты придут и за матерью.

Его поэтическое дарование оценено учительницей литературы Анной Аветовной Малхаз-Тарумовой, организовавшей в 101-й школе литературные вечера и драмкружки. Чтение своих стихов перед друзьями. Выход на публику — в составе агитбригады, созданной Анной Аветовной для выступлений в госпиталях перед ранеными. Встречи с приглашенными в школу корифеями эвакуированного МХАТа — **ОЛЬГОЙ КНИППЕР-ЧЕХОВОЙ, ВАСИЛИЕМ КАЧАЛОВЫМ, МИХАИЛОМ ТАРХАНОВЫМ...** А эвакуированные звезды Большого театра **ВЕРА ДАВЫДОВА** и ее муж, директор оперной труппы **ДМИТРИЙ МЧЕДЛИДЗЕ** вообще поселились на одной лестничной площадке с семьей Сильвии.

Сильвия – тетя Булата

До ухода в 1942-м на фронт в жизни Булата произошли еще два важных события: первый резкий «взрослый» поступок – уход из школы и первая запись в трудовой книжке – «статист Тбилисского русского драматического театра имени Грибоедова». Ну, а потом – первый воинский эшелон... Очередной тбилисский этап в биографии Булата Шалвовича начинается весной 1944 года, когда после ранения он вернулся с фронта все в тот же дом №11, к тете Сильвии.

После получения экстерном аттестата зрелости – первая публикация в прессе: стихотворение под псевдонимом «А.Долженков» в газете Закавказского фронта «Боец РККА», а затем там же – стихи уже

и под собственным именем. Первые посещения литературных объединений ничем дельным, впрочем, для него не закончившиеся. Первые поклонницы – в Тбилисском университете, на филфак которого он поступает. Первая песня – «Неистов и упрям, гори, огонь, гори».

Первая попытка жить отдельно от родственников, правда, не очень далеко – полуподвальная комнатка снята через дорогу, в здании консерватории, и именно в ней был создан литературный кружок «Соломенная лампа». Первое личное знакомство с большими поэтами – в 1945-м читал свои стихи Борису Пастернаку, приехавшему в Тбилиси, а спустя три года – Павлу Антокольскому и Александру Межирову. Первая женитьба – на Галине Смольяниновой, дочери переведенного в Тбилиси подполковника Советской Армии... Дальнейшие «впервые» относятся ко времени, прожитому уже не в доме напротив консерватории, а в семье молодой жены.

И именно в Тбилиси бдительные «органы» впервые проявляют к нему внимание уже не из-за родителей, а из-за него самого. Была и первая «профилактическая» беседа – из-за того, что «Соломенная лампа» собирала слишком вольно мыслящих молодых людей.

О чем еще напомним нам старый дом у подножья горы Мтацминда? В первую очередь, о том, что Окуджава, превратившийся здесь из паренька в мужчину, конечно же, не мог не возвращаться вновь и вновь в город, с которым был кровно связан. И из которого в 1950-м он уехал, как говорится, в большую жизнь.

Но и в московской жизни Тбилиси продолжал дарить ему события под грифом «впервые». Среди них – первое появление повести для детей «Прелестные приключения» – в 1971-м в издательстве «Накадули», с рисунками самого Булата Шалвовича. И, конечно

же, первое предложение непосредственного покровительства из самого высокого партийного эшелона. В начале 1983-го, в очень нелегкую для себя пору, он приехал в Тбилиси, где руководство республики предложило ему жить и творить в Грузии...

А это – из «Автобиографических анекдотов», ставших последней прижизненной прозаической публикацией Булата Шалвовича. Именно в них он впервые поведал миру о своей первой попытке напечататься. Было это, конечно же, в Тбилиси. Стихи, которые писал 12-летний Булат, очень нравились не только ему самому, но и его дяде с тетей – бухгалтеру и «просвещен-

ной домохозяйке». Они кричали, что племянник – гений, а дядя даже прямо спросил: «А почему у тебя нет ни одной книги твоих стихов? У Пушкина сколько их было... и у Безыменского... А у тебя ни одной...»

«И эта печальная несправедливость так меня возбудила, что я отправился в Союз писателей, на улицу Мачабели», – сообщает Окуджава. В пустом из-за жары Союзе писателей мальчик вошел к «самому главно-

Окуджава в детстве

Булат после армии

му секретарю», захавшему за какими-то бумагами, сообщил, что пишет стихи и хочет издать сборник. Дальнейшие события таковы: «Он стоял, не шевелясь, и какая-то странная улыбка кривила его лицо. Потом он слегка помотал головой и воскликнул: «Книгу?! Вашу?! О, это замечательно!.. Это было бы прекрасно!» Потом помолчал, улыбка исчезла, и он сказал с грустью: «Но, видите ли, у нас трудности с этим... с бумагой... это самое... у нас кончилась бумага... ее, ну, просто нет... финита...»

«Дома за обедом я сказал как бы между прочим: «А я был в Союзе писателей. Они там все очень обрадовались и сказали, что были бы счастливы издать мою книгу...

но у них трудности с бумагой... просто ее нет...» «Бездельники», — сказала тетя. «А сколько же нужно этой бумаги?» — по-деловому спросил дядя. «Не знаю, — сказал я, — я этого не знаю». «Ну, — сказал он, — килограмма полтора у меня найдется. Ну, может, два...»

Храните, небеса, тбилисские улочки, по которым ходили такие писатели и такие дяди!

Здание бывшего Дома офицеров

Пройдем к началу Грибоедовской улицы и, повернув налево, спустимся на проспект Руставели к красивому угловому зданию №16 бывшего Дома офицеров. Тбилисцы и сейчас не называют его по-иному. А в позапрошлом веке на этом месте стоял дом Шиевых, где в 1871 году прошла большая выставка полотен **ВАСИЛИЯ ВЕРЕЩАГИНА**, который в 1860-х годах жил и работал в Тифлисе.

В 1916 году здесь появляется новое здание, в подвале которого через пару лет поселился театр-студия авангардистов «Ладья аргонатов». Там литературной частью заведовал поэт **СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ**, проходили вечера композитора **НИКОЛАЯ ЧЕРЕПНИНА** и пианиста **ЛЬВА ПЫШНОВА**. Многие слышат эти име-

Василий Верещагин

Сергей Городецкий

Николай Черепнин

на впервые, поэтому напомним: Черепнин станет директором Тифлисской консерватории, сбежит от большевиков во Францию к балетной труппе Анны Павловой, создаст и возглавит Русскую консерваторию в Париже. А Пышнов первым из выдающихся европейских пианистов совершит концертный тур в Персию, а в 1938 году станет первым, кто транслировался по телевидению из лондонского Alexandra Palace.

В 1919-м творческую молодежь сюда манит уже «Студия сценического искусства». Ее создал тифлисец **АЛЕКСАНДР ПЕТРАКОВСКИЙ** — обладатель талантов литератора, журналиста, режиссера и художника. Лекции по философии театра и истории сценического творчества в этой студии читал театральный деятель **НИКОЛАЙ ЕВРЕИНОВ**. К сожалению, от этих студий в здании не сохранилось ничего.

И именно в этом здании во время Великой Отечественной войны эвакуированный по возрасту в Тбилиси замечательный писатель **ВИКЕНТИЙ ВЕРЕСАЕВ** получает, по собственным словам, свой лучший гонорар. Со сцены тогдашнего Дома Красной Армии он часто рассказывал тбилисцам о Пушкине. И на встрече с семьями офицеров одна слушательница протягивает ему кусок шоколада. А потом, выслушав его рассказ «Букет», протягивает еще один: «Это для сердца. Я врач». И Викентий Викентьевич берет «гонорар».

В военном Тбилиси писатель в 1942-м встретил свой 75-летний юбилей и выпустил добавление к «Невыдуманным рассказам о прошлом», которые начали печататься еще до войны. В Грузии ему комфортно, он покорен ею настолько, что начинает изучать

грузинский язык. И живет как все — светомаскировка, продуктовые карточки, очереди за керосином... Он получает карточку на сахар. По ней в одном из ресторанов можно взять еще и чашку кофе. А у его друга писателя Родиона Коркия, в доме которого он живет, тяжело болеет жена, ей необходима глюкоза, на черном рынке сладости стоят бешеных денег. «Вот что делал Вересаев, — вспоминал Коркия. — Ходил пить кофе без сахара, а тот кусочек, свою жизненную порцию, заворачивал в бумагу и приносил моей жене».

Викентий Вересаев

Военный быт мешает ему, как и тысячам рядовых тбилисцев вовремя поспеть туда, куда нужно. В Союзе писателей — творческий вечер известного литератора **ИВАНА НОВИКОВА**. Часть своей эвакуации этот автор знаменитой дилогии «Пушкин в изгнании» провел в Тбилиси, в 1944-м выпустил здесь книгу своих стихов и переводов грузинских поэтов. Вересаев добирается к самому концу вечера до своего друга — пешком, по затемненному городу с практически не работающим транспортом, целый час тщетно прождав трамвай. Он поднимается на трибуну, еще не отдышавшись. А ведь для пожилого, известного человека с больными ногами был и другой вариант — попросить машину. Ан нет, он — как все.

Эвакуированный русский писатель с огромным жизненным опытом встречается с теми, кого опалила война: читает свои рассказы, беседует о литературе, вспоминает, как сам участвовал в войнах в начале XX века... Он входит в состав бригад, которые Союз писателей Грузии создает для выступления в госпиталях, в военных городках, в высших учебных заведениях. До

Угол улицы Бесики и проспекта Шота Руставели

Иван Новиков

своего отъезда из Грузии рядом с ним Новиков. А однажды Вересаев, явно рискуя, читает офицерам стихи ярого врага советской власти Мережковского, потому что тот был для него в первую очередь поэтом...

В Филармонии после лекции Вересаева «Патриотизм А.С. Пушкина» артисты Тбилисского русского драматического театра имени Грибоедова играют сцены из пушкинских произведений... Многие из зрителей, подошедших поблагодарить выступавшего, плачут, говорят, что их сыновья на фронте. Викентий Викентьевич снимает пенсне и тоже вытирает глаза... Домой его провожают эти солдатские матери.

Знакомство с тбилисцем Львом Бежановым очень облегчает вересаевский быт. Этот юрист плановой комиссии учился в МГУ и помнит писателя еще по Москве. Он становится настоящим опекуном Викентия Викентьевича и его жены Марии Гермогеновны. Помогает доставать хлеб и картошку, керосин и мыло, подменяет в очередях. А еще, что не менее ценно, «поставляет информацию», так как хорошо знает все городские новости. И часто можно увидеть, как под бежановские рассказы Вересаев чистит картошку, а его жена занимается хозяйством. А потом, вместе с хозяевами квартиры, слушают уже Вересаева – он читает очередную переведенную часть «Илиады».

Знаменитый скульптор **ЯКОВ НИКОЛАДЗЕ** предлагает Вересаеву создать его бюст и приглашает его в свою мастерскую. Пока Николадзе работает, они говорят о многом. Писатель узнает, что его рассказ «Без дороги» в 1902 году перевели на грузинский язык и опубликовали в журнале «Квали». «Получается, что вы уже второй раз в Грузии. Первый раз были в 1902-м», – улыбается скульптор. Так за разговорами рождается

бюст, который выставляется в художественном салоне на главном проспекте Тбилиси, а затем перебирается в Москву, в Третьяковскую галерею.

В Тбилиси писатель слышит по радио постановление о присуждении ему Сталинской премии первой степени за 1942 год в размере ста тысяч рублей. Родственникам он рассказывал, что, узнав об этом, не спал всю ночь, мучительно спрашивая себя: «За что? Какую на старости лет я мог совершить подлость, за которую меня награждает Сталин?». Неожиданную награду Вересаев расценивает как материальную помощь. Это видно из его письма: «Всякое было, – жили зиму в нетопленной комнате, сильно убавился в весе,

но в марте этого года я получил Сталинскую премию, и это лауреатство сразу улучшило и материальное мое положение... Лауреатство оказалось всего удобнее не только полученными деньгами, а вообще большими привилегиями».

В одном из госпиталей за столом, накрытым для выступивших писателей, Вересаев растроганно говорит: «Я признателен тому народу, который наряду с большой культурой имеет и большое человеческое сердце. Дружбу между народами я практически вижу здесь... Я глубоко благодарен грузинскому народу...» А когда его спрашивают, почему на банкете, где в большинстве были русские, он «особо говорил о грузинах», писатель отвечает: «...Именно большинство должно привыкнуть уважать меньшинство. Здесь дело не в арифметических соотношениях. Дружба народов тоже начинается отсюда, с взаимного уважения».

Гостиница «Палас-отель»

На противоположной от бывшего Дома офицеров стороне проспекта — два больших примечательных здания начала XX века. Под №19 — Университет театра и кино имени Шота Руставели, бывшая шикарная гостиница «Палас-отель». В 1914 году в ней поселились три человека, которые потрясли почитающий традиционность Тифлис. Это — эпатажные поэты-футуристы **ДАВИД БУРЛЮК, ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ и ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ**. Заглянем в тогдашние городские газеты:

«Тифлисский листок»: «Во вторник (25 марта) на Головинском проспекте толпа зевак, состоящая, главным образом, из подростков, сопровождала трех субъектов в странном одеянии. Один господин был в желтой кофте, на голове другого красовался какой-то странный убор, у третьего была раскрашена физиономия. «Цирк приехал, — говорили в толпе. — Клоуны ходят по ули-

В. Маяковский и другие футуристы на Головинском проспекте

це для рекламы». В толпе, конечно, еще не знали, что странно одетые люди – футуристы». Армянская газета «Оризон»: «В четверг московские футуристы Бурлюк, Маяковский и Каменский с окрашенными лицами, в персидской пестрой одежде на фаэтоне разъезжали по улицам Тифлиса. С ними был армянский писатель Кара-Дарвиш».

Широко разрекламированный вечер футуристов проходит в переполненном зале Казенного театра. «Тифлисский листок»: «Три «пророка», в шутовских нарядах, при поднятии занавеса сидели за длинным столом. В середине – Маяковский в желтой кофте, по одну сторону – Каменский в черном плаще с блестящими звездами, по другую сторону – Бурлюк в грязно-розовом сюртуке. Тссс... тише, господа... это они, пророки, они, футуристы... Один читает лирическое стихотворение, начинающееся так: «Я сошью себе черные штаны...» Другой декламирует с пафосом старого провинциального трагика загадочные строфы о коробке от сардинок, о «смехачах» и «смеюнчиках», о землетрясении женского бюста, о временах года, воплощаемых вариациями одного только бессмысленного слова...»

Перед приездом в Тифлис футуристы проехали по многим городам, и в каждом их выступления завер-

шались скандалом. Они ожидают того же здесь, в их «Программе о живописи и литературе» специально запланировано «Слово утешения к тем, кто нам сви-стит». Но та же газета подчеркивает: «Однако Тифлис не свистнул ни разу, а добродушно смеялся и в на-чале вечера даже рукоплескал забавникам, ищущим новых путей в искусстве путем упразднения здравого смысла». Более того, тифлисский корреспондент пе-тербургского журнала «Театр и искусство» отмечает: «Собравшаяся на вечере футуристов публика провела время довольно интересно и весело».

Кстати, именно на этом вечере зал взорвался апло-дисментами, когда Маяковский обратился к нему по-грузински. Каменский вспоминает: «Пламенная пу-блика жарилась в театре, как шашлык на вертеле. От-дельные фразы, лозунги, вроде «нажимай на левую», стихи, ответы на реплики принимались взрывами го-рячности... Всем нам были поднесены разные подарки: фрукты, букеты роз, коробка конфет... После окончания толпа молодежи ожидала нас у выхода на улицу, и тут же состоялось продолжение вечера – мы читали стихи и отвечали на многочисленные вопросы. Словом, тиф-лисский успех превзошел все наши ожидания».

Конечно же, в Тифлисе поэты не могут не побывать в серных банях, в кафе старого города, на горе Мтац-минда. Именно тогда Ма-яковский, глядя с горы на столицу Грузии, произно-сит свое знаменитое: «Вот это – аудитория! С эстрады этой горы можно разгова-ривать с миром». И снова Каменский: «Тифлисская молодежь, прокопченная солнцем, встретила с ис-ключительным грузинским темпераментом... Наши прогулки по Головинскому были окольцованы гуда-

Владимир Маяковский

ми сияющей юности». А еще Маяковский уговорил друзей-футуристов съездить на день в Кутаиси.

Завершив с друзьями в Тифлисе большое турне по разным городам, один из основоположников футуризма Бурлюк больше не бывал в Грузии. Чего не скажешь о его спутниках. Маяковский оказался в этом турне через 8 лет после того, как покинул родную ему Грузию. Потом он приезжает сюда уже в 1924-м, чтобы поставить с режиссером Котэ Марджанишвили и художником Ираклием Гамрекели свою пьесу «Мистерия-буфф» на грузинском языке. Переводить должен был Ти-

циан Табидзе. Сценой для массового зрелища в стиле античных постановок избрали нижнюю станцию фуникулера на горе Мтацминда, действие должны были сопровождать военный оркестр и хор.

Осуществить этот грандиозный замысел не удалось. Не состоялись и концерты – в Грузии ожидали антисоветских выступлений, в городе ввели военное положение, и поэт даже получил специальный пропуск, чтобы ходить по улицам. Единственное приятное событие – публикация нескольких стихотворений в газете «Заря Востока».

А во время следующего приезда два года спустя в жизнь Маяковского входит еще одно здание на проспекте – №17. Это Театр имени Шота Руставели. В январе-марте 1926-го поэт впервые дал два выступления на его сцене – «Мое открытие Америки», «Лицо литературы СССР», много стихов. И газета «Рабочая правда» резюмирует: «...Поэт Маяковский растопил равнодушие даже той публики, которая дальше оперных гастролеров ничего не видит. Знаменитый «Левый марш», прочитанный с редким подъемом, создал в чуткой аудитории буквально настроение восторга».

В декабре следующего года Маяковский – снова на сцене Театра Руставели. Успех огромен. После этого – выступления одно за другим, каждый день: в студенческом клубе Тбилисского университета, вновь в Руставелевском театре, в Закавказском коммунистическом университете. Его последнее выступление в Грузии было в Центральном рабочем клубе.

А Василий Каменский первым среди русских поэтов начала XX века назвал Грузию своей второй родиной. Он был одним из первых авиаторов России и первым ввел в русский язык слово «самолет» – до него крылатые летательные аппараты называли аэропланами. А в Грузии в первый раз побывал еще в 1910-м, благодаря удивительной встрече. Василий встретил в Питере свою гимназическую любовь Августу Югову. У нее двое детей, она – вдова убитого в 1905 году революционерами управляющего филиалом компании «Зингер» в Тифлисе.

Старое чувство вспыхивает вновь, и они переезжают в Тифлис. Слово – Каменскому: «...Целые дни пропадал в духанах на персидском базаре и там купил много редких старинных вещей, персидской и кавказской и индейской древностей. Кувшины, вышивки, кальяны, оружие, четки, платки, ковры заняли два сундука – вот эта покупка впоследствии положила основание музею на Каменке – где собраны с любовью всяческие редкости».

На лето семья поселяется на Зеленом мысу близ Батуми, и там Каменский решает писать прозу – лирическую повесть «Землянка». Но из-за малярии приходится уехать, и зародившееся в Грузии произведение издается уже в России. Как видим, в тот первый приезд в Грузию – никакого эпатирующего футуризма, никакого шокирующего поведения, никакой стихотворной зауми. Все это появилось через четыре года, когда поэт уже развелся с Августой, и вместо нее рядом с ним были подчеркнуто дерзкие Маяковский с Бурлюком.

В 1916 году Каменский приезжает в Тифлис с активнейшим футуристическим лектором Владимиром

Гольцшмидтом, который, между прочим, – один из основателей артистического действа, называемого сегодня перформансом. После выступлений в Крыму и на Северном Кавказе, не обходившихся без скандалов, в столице Грузии они «утвердились благополучно». Правда, рецензию на их вечер-лекцию в зале опять-таки нынешнего Театра Руставели газета «Мшак» озглавливает недвусмысленно: «Почему стены не протестуют?» и называет футуристов «искателями счастья, которые приехали и превратили храм искусства в шутовскую арену цирка».

При всем этом Каменскому вручают цветы, и он уезжает в Баку. Там – полный провал обоих выступлений, и футуристы возвращаются в симпатизирующий им Тифлис. В зале уже памятного нам Музыкального училища проходит их второй вечер. Отрицательных откликов почти нет... А потом – приезд Куприна и Заикина. «А. Куприн, Василий Каменский и Заикин дружно слились в Кахетинский триумвират и духаны расцвели и закружились в виноградных возможностях. Ай, шеничириме».

Хозяин цирка, в котором выступает Заикин, предлагает Василию в костюме Стеньки Разина, верхом на коне, исполнить песни из его романа, а перед началом сказать речь о поэзии цирка. И он выступает восемь раз вместо трех, предусмотренных контрактом. А вместе с Куприным поднимается на сцену Музыкального училища, чтобы помочь другу, не умеющему выступать на публике, начать лекцию.

Вообще же, на берегах Куры он чувствует себя отлично: «В солнцедатном Тифлисе в смысле газетных встреч и густых выступлений жилось превосходно. Здесь по-настоящему любили поэтов... Недаром в Грузии много своих поэтов. Как раз тогда блестяще шумела грузинская группа поэтов-новаторов под именем «Голубые роги», это: Робакидзе, Яшвили, Табидзе, Гаприндашвили, Гришашвили... И мы, поэты, жили в тесной дружбе».

Он зимует в Тифлисе, работает в отделе пожерт-

ований Кавказского комитета союза городов, помогающего беженцам и сиротам, начинает учить грузинский язык, выступает с лекциями. Издает свою вторую книгу стихов. Вместе с «нечаянно появившимся отцом московского футуризма **АЛЕКСЕЕМ КРУЧЕННЫХ** и местными авангардистами создает футуристическую группировку «41 градус» – одно из самых ярких явлений «тифлисского ренессанса» русской литературы. В феврале 1917 года, введя футуризм в культурную жизнь Грузии, Каменский считает свою миссию выполненной. И с большим успехом проведя две социальные лекции, уезжает.

Он еще не раз приезжает в Грузию. В 1919-м торжественно празднуют 10-летие его творческой деятельности, в 1927-м в Тифлисском рабочем театре – премьера его пьесы «Пушкин и Дантес». В том же году, уже со второй женой, покупает дом в Сухуми. В 1937-м приезжает в Тбилиси из московской больницы с тромбофлебитом – печатать роман о Пушкине и Дантесе. В 1943-м из-за гангрены в одной из тбилисских больниц ему амputируют ногу. В Союзе писателей Грузии организуют литературный вечер, посвященный 60-летию поэта, чествуют его на больничной койке. Через год – ампутация второй ноги.

После отъезда, в конце 1940-х, – инсульт, паралич. Но поэт не сдается. Он возвращается в Грузию, живет в Сухуми несколько лет. Владея лишь левой рукой, рисует веселые пейзажи и птиц... Не стало его в 1961 году.

Василий Каменский

Деталь ворот театра им. Ш. Руставели

Театр им. Шота Руставели

А мы, войдя сегодня в Театр Руставели, в первую очередь отправимся в гардероб. И не только потому, что театр начинается с вешалки – там вход в подвал с остатками росписи стен легендарного богемного арт-кафе «Химериони», открывшегося в 1919-м вместо ресторана «Анона». По просьбе создавших кафе голубороговцев его вместе с грузинскими друзьями Ладом Гудиашвили и **ДАВИДОМ КАКАБАДЗЕ** расписал **СЕРГЕЙ СУДЕЙКИН**.

В 1921 году Тициан Табидзе писал в очерке «Кафе «Химериони»»: «Наверно, во всем мире не сыскать кафе, расписанного с таким вдохновением. Многие превосходные художники восхищались нашим кафе». В годы «тифлисского ренессанса» русской культуры, с 1919-го по начало 1920-х, здесь можно было встретить многих представителей находившейся в Грузии творческой интеллигенции. Помимо дерзкой и талантливой местной молодежи, это:

художники **САВЕЛИЙ СОРИН**, **ОСИП ШАРЛЕМАНЬ**, **ЕВГЕНИЙ ЛАНСЕРЕ**, литераторы **СЕРГЕЙ РАФАЛОВИЧ**, **ТАТЬЯНА ВЕЧОРКА**, **ИГОРЬ ТЕРЕНТЬЕВ**, **АННА АНТОНОВСКАЯ**, **БОРИС АГАПОВ**, **НИНА ВА-**

Сергей Судейкин.
Автопортрет

СИЛЬЕВА-ГОРДЕЕВА, ГРИГОРИЙ БАЖ-
БЕУК-МЕЛИКОВ (БАММЕЛЬ), ТАТЬЯНА
ПОЯРКОВА, АЛЕКСАНДР ПОРОШИН,
НИКОЛАЙ СЕМЕЙКО, ГЕОРГИЙ ХАРА-
ЗОВ, НИМФА БЕЛ-КОНЬ ЛЮБОМИР-
СКАЯ, композитор САНДРО КОРОНА,
скрипач-виртуоз ЖАН ГУЛЕСКО, актеры
НИКОЛАЙ ХОДОТОВ, НИКОЛАЙ АГ-
НИВЦЕВ, СОФЬЯ МЕЛЬНИКОВА, опер-
ный бас ТАДЕУШ ОРДА, искусствоведы
ЯКОВ ЛЬВОВ, ВАСИЛИЙ КАТАНЯН,
ДМИТРИЙ ГОРДЕЕВ.

И в первые годы после советизации
Грузии местные поэты, писатели, худож-
ники, музыканты встречались с русскими
собратьями по творчеству. Именно тут Сергей Есенин
рассказывал о Тифлисе юному поэту **НИКОЛАЮ ТИ-
ХОНОВУ**, который потом много раз приезжал в Грузию
и утверждал: «Через Грузию неизбежно проходят в
сердечном плане русские поэты».

Что можно добавить к этому списку? Первое: среди
тех, кто в нем назван, есть и малоизвестные. Второе:
несколько имен, связанных с «Химериони», уже про-
звучали ранее и еще будут названы – в других обсто-
ятельствах. Третье: историки и литературоведы могут
пополнить этот перечень.

С. Судейкин. «В тифлисском кафе»

Первая тбилисская гимназия

Выйдя из Театра Руставели, вернемся на четную сторону проспекта и подойдем к зданию №10 – Первой классической гимназии. Ее в 1876 году с серебряной медалью окончил **ВЛАДИМИР НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО**. Этому соратнику Константина Станиславского судьба уготовила провести в столице Грузии два полярных периода его долгой жизни – взросление и старость.

Но родился будущий театральный классик вовсе не в Тифлисе, а в гурийской деревне Шемокмеди близ Озургети. Именно там по долгу службы оказался его отец-офицер, дворянин, небогатый помещик Черниговской губернии, отец шестерых детей. Володе было 4 года, когда в 1863-м умер отец, старшие дети ушли из дома – учиться на казенный счет, а он с матерью переехал в Тифлис: «Рос я в Тифлисе... жил сравнительно очень небогато. В моем распоряжении был только угол в комнате с большим окном».

Вскоре в его судьбе появляется Театр. Именно так – с большой буквы. «Когда я был во втором классе, мы, т.е. я и моя мать, жили на квартире, как раз против

Гимназия. Первая половина XIX в.

сада, в котором строился тифлисский летний театр... я все свои интересы и игры сосредоточил среди стропил, балок и мусора, окружавших строившийся театр. Я наполнял маленькую квартиру матери разговорами о театре... Я хорошо помню, что начал увлекаться театром и литературой с 9 лет. Я помню все театральные представления, виденные мною в этом возрасте».

Надо ли удивляться, что дома Володя создает свой театральный мир? «У меня было дома единственное развлечение. На широком подоконнике стоял мой театр. Карточные короли, дамы и валеты, загнутые там, где помещается их одна голова и с проволокой над другой, — ходили по моей сцене и изображали героев всевозможных пьес, какие я только видел, читал или просто о которых слышал. Выпиленная в виде скрипки гладкая доска с простым прутком была моей первой (и дирижерской) скрипкой и заменяла весь оркестр...»

Уже в четвертом классе Владимир перестает «режиссерствовать» на любимом по-

**Владимир
Немирович-Данченко**

В. Немирович-Данченко с актерами Театра им. Ш. Руставели

доконнике и сам начинает писать пьесы. Этого 13-летнего «драматурга» уже не назовешь мальчиком. Это – юноша, знающий цену труду. Он занимался с гимназистами младших классов, «зарабатывал каждый день своего существования и оставался независим». И для того, чтобы попасть в театр, уже не одалживал медяки у кухарки, а позволял себе с шиком тратить половину своего заработка.

Именно репетиторство приводит юношу в святая святых – за настоящие кулисы! Для укрепления русского театра в Тифлисе, по рекомендации великого Михаила Щепкина, приезжает группа артистов императорских театров во главе с Александром Яблочкиным. Этот замечательный актер, отказавшийся от службы в знаменитой петербургской «Александринке» ради поездки в Грузию, становится директором, режиссером и антрепренером тифлисской русской сцены. А в семье его, помимо двух актрис – жены и дочери, еще и пара детей: пятилетняя Сашенька, которой предстоит стать великой актрисой Малого театра, и ее брат постарше

Первая тифлисская мужская гимназия

Володя. Мальчику решают нанять домашнего педагога и, естественно, обращаются в знаменитую Первую тифлисскую гимназию. А там директор рекомендует «первого ученика седьмого, предпоследнего класса». То есть Немировича-Данченко, который учится на пятерки.

Счастью парня нет границ. Он не только знакомится с известными актерами, но и получает разрешение приходить на репетиции. И, побывав на них, участвует в качестве помощника режиссера в любительском спектакле.

Так приходит пора окончательного взросления. Крепнет дружба с одноклассником **АЛЕКСАНДРОМ СУМБАТАШВИЛИ (СУМБАТОВЫМ)**, в будущем – еще одним корифеем русского театра, возвращенным Грузией. Они издают классные литературные журналы, играют в любительских спектаклях. Владимир поступает на физико-математический факультет Московского университета. Но, приезжая в Тифлис, думает не о науке, а участвует в любительских спектаклях вместе с Сашей Сумбатовым.

И выступает настолько успешно, что актеры – его

недавние кумиры – уговаривают идти на профессиональную сцену. Затем – жизнь режиссера, встреча со Станиславским, создание новых театров, всемирная слава. И если выпадает появление в родном городе, то только со спектаклями, весьма ненадолго. Шестидесятипятилетний круг расставания с Тбилиси замыкает Великая Отечественная война.

Город на Куре почти на год принимает своего воспитанника, увенчанного всевозможными наградами и званиями. Немцы под Москвой, и в октябре 1941-го Немировича-Данченко эвакуируют в Тбилиси. Как и остальных «старейшин» МХАТа и выдающихся актеров других театров, знаменитых музыкантов. И такой уж город Тбилиси, что о каждом значительном событии в нем должна родиться байка, невзирая на чины. Не обходится без нее и приезд Немировича-Данченко. Мол, встречает их управляющий по делам искусств Совнаркома Грузинской ССР и радостно заявляет: «Здравствуйте, товарищ Немирович! А где же товарищ Данченко?» Что ж, даже, если это и было на самом деле (руководящих товарищей и не так заносило), то истины ради надо отметить: абсолютное большинство тбилисцев прекрасно знало, кого принимает их город. И встретило земляка с восторгом.

Владимир Иванович читает лекции, выступает на творческом вечере, печатает в местных газетах воспоминания. И еще ему «очень хочется отдать свой опыт и знания театрам Тбилиси, города моего детства и юности, чтобы хоть немного поквитаться за все то, что я 60-70 лет назад получил от него...»

А еще он работает в Комитете по Сталинским премиям, ко-

**Александр
Сумбаташвили-Южин**

торый возглавляет со дня его создания. Заседание комитета проводится прямо в «люксе» гостиницы «Тбилиси». И уезжает из родного города в сентябре 1942-го. На этот раз навсегда – через семь месяцев очередной сердечный приступ оказывается смертельным.

Его одноклассник Александр Сумбаташвили родился в княжеской семье, бабушка со стороны отца принадлежала к боковой линии царского рода Багратиони. Отец его был мировым посредником I отдела Тифлиского округа. «Наш дом в Тифлисе, – вспоминал Александр, – был центром, где собирались, благодаря уму и развитию мамы, лучшие и умнейшие, передовые люди Тифлиса, сосланные на Кавказ студенты и пр.».

Но потом у отца начинаются дразги с родственниками, семья разоряется. А Александр еще в средних классах гимназии начал выступать в театральных любительских и полупрофессиональных коллективах. На профессиональную сцену впервые вышел в тифлисском Летнем театре в 1876 году, под псевдонимом Сольцев. Потом поступил в Петербургский университет и, учась на юрфаке, играл в любительских спектаклях.

В 1878-1879 годах играл на сценах клубов Санкт-Петербурга, избрал псевдоним Южин, под которым и вошел в историю русского театра. В 1881-м переехал в Москву, через год пришел в Малый театр и проработал в нем до самой смерти в 1927 году. Был управляющим труппой, возглавлял дирекцию, писал пьесы. А еще руководил литературно-художественным кружком «Среда» и комитетом по сооружению в Москве памятника А. Н. Островскому.

Дворец учащейся молодежи

Минуем стоящее после гимназии здание Парламента Грузии и подойдем к Дворцу учащейся молодежи (№10 на проспекте). Тбилисцы называют его Воронцовским – в память о царском наместнике на Кавказе в 1844-54 годах графе **МИХАИЛЕ ВОРОНЦОВЕ**. Хотя при нем дворец имел несколько иной облик, а нынешний вид эта обитель правителей Кавказа приобрела в 1865 году.

Конечно, наместник края – отнюдь не деятель культуры. Но этот человек столько сделал для развития культуры и просвещения в Грузии, что не упомянуть его просто нельзя. Среди его соратников-гуманитариев – картвелолог **МАРИ БРОССЕ**, первый в Закавказье нумизмат и создатель коллекции насекомых **ИВАН БАРТОЛОМЕЙ**, ориенталист **НИКОЛАЙ ХАНЫКОВ**, уже упоминавшийся писатель Владимир Соллогуб, художник Григорий Гагарин, о котором еще пойдет речь.

Воронцов объявляет, что власть покровительствует местам отправления всех, а не только христианских религиозных обрядов, открывает мусульманское училище,

ამ შენობაში 1918 წლის 26
მაისს აღდგა საქართველოს
სახელმწიფოებრივი
დამოუკიდებლობა.

საქართველოს
დემოკრატიული
რესპუბლიკის საბჭოთა
რუსეთის მიერ 1921 წელს
ანექსიამდე ამ მუშაობდა
თავისუფალი და
საყოველთაო არჩევნების
გზით არჩეული
საქართველოს პარლამენტი.

IN THIS BUILDING, ON 26 MAY
1918, GEORGIAN STATE
INDEPENDENCE WAS
RESTORED. THE PARLIAMENT
OF THE DEMOCRATIC REPUBLIC
OF GEORGIA, ELECTED
THROUGH UNIVERSAL AND
FREE ELECTIONS, WORKED
HERE UNTIL THE ANNEXATION
OF THE REPUBLIC BY SOVIET
RUSSIA IN 1921.

Дворец наместника на Кавказе

разрешает богослужение раскольникам. Он создает в Тифлисе музей и первую в городе публичную библиотеку, в основе которой – подаренные им книги. Создав отдельный Кавказский учебный округ, князь открывает уездные училища, гимназии европейского образца, для девочек из малообеспеченных семей учреждаются благотворительные пансионы Святой Нины. При нем начинают издаваться первый грузинский журнал «Цискари», газеты «Кавказ» и «Закавказский вестник», «Кавказский календарь» с историческими, географическими материалами и статистикой. Появляются театры: оперный и драматические – грузинский и русский, для которого наместник просит знаменитого актера Михаила Щепкина прислать из России хороших актеров.

Михаил Воронцов

У этого Дворца вспомним и сыновей другого наместника на Кавказе – великого князя Михаила Николаевича, дяди царя. За всю историю династии Романовых лишь два ближайших императорских родственника носили в семье грузинские имена – Сандро и Гоги. Что вполне естественно – они родились и провели юность в Грузии. Сандро – **АЛЕКСАНДР РОМАНОВ**, создатель военной авиации и один из реформаторов военного флота России – оказался еще и блестящим писателем. Увы, широкой читательской аудитории он не известен, но ведь не зря книгу его воспоминаний опубликовали в 1930-х годах нью-йоркское издательство «Феррер и Рейнхерт» и знаменитый парижский эмигрантский журнал «Иллюстрированная история». Его слогу и образности, честности и юмору могут позавидовать многие профессиональные литераторы.

Гоги – это его старший брат **ГЕОРГИЙ РОМАНОВ**.

Дворец наместника на Кавказе до реконструкции 1860-х гг.

Он тоже родился в Грузии, но не в Тифлисе, а в нынешнем Тетри-Цкаро. Как и все в семье наместника, прожившей на Кавказе почти двадцать лет, он обожает край, в котором появился на свет. Оба, как и еще трое их братьев, влюблены в Грузию. Слово – Сандро:

«Мы... мечтали остаться навсегда в Тифлисе. Европейская Россия нас не интересовала. Наш узкий, кавказский патриотизм заставлял нас смотреть с недоверием и даже с презрением на расшитых золотом посланцев С.-Петербурга. Российский монарх был бы неприятно поражен, если бы узнал, что ежедневно от часу до двух и от восьми до половины девятого вечера пятеро его племянников строили на далеком юге планы отделения Кавказа от России. К счастью для судеб Империи, наши

Сандро Романов

гувернеры не дремали, и в тот момент, когда мы принимались распределять между собой главные посты, неприятный голос напоминал нам, что нас ожидают в классной комнате неправильные французские глаголы».

У Гоги военная карьера не складывается – он повреждает ногу. Это огорчает всех, кроме него самого – из Грузии он привез увлечение нумизматикой и историей, его коллекции монет нет равных в России. Для пополнения коллекции он не жалеет никаких денег, его монографии на эту тему издаются даже по сей день. И – уникальный случай! – все Романовы единодушно поддерживают такое увлечение великого князя.

В 1909-м император назначает Гоги директором только что основанного Музея Александра III (ныне – Русский музей) и большую часть своей ценнейшей коллекции монет тот передает музею. Сегодня лишь одна монета из этой коллекции продается за 3 миллиона долларов – мировой рекорд «для неамериканской монеты».

В Первую мировую войну он становится генерал-инспектором при ставке Верховного главнокомандующего. И, изучив положение дел в войсках, делает изумивший царя вывод: революция в России неизбежна, если не принять Конституцию и не даровать демократические свободы. Предсказание сбывается. С падением монархии и Гоги, и детище всей его жизни ждет гибель. Уникальная нумизматическая коллекция частью распродается, частью идет на переплавку. А Гоги оказывается в заложниках у большевиков вместе с братом **НИКОЛАЕМ РОМАНОВЫМ**, получившим в Тифлисе прозвище Бимбо.

Бимбо Романов

Тот еще в Грузии увлекся историей, стал всемирно известным ученым, возглавлял в России Историческое и Географическое общества, Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины. Георгия и Николая Романовых, счастливое детство которых прошло в Тифлисе, расстреляли морозной ночью в Петропавловской крепости вместе с их родственниками. Бимбо упал первым, Гоги добивали в могиле...

Гоги Романов

А Сандро будет руководить Советом торгового мореплавания, создаст авиационные школы и войдет в Кабинет министров, в Первую мировую войну возглавит морскую и полевую авиацию, чудом избежит гибели после революции. И до самой смерти во французском Рокебрюне будет вспоминать тифлисскую пору как самую счастливую в своей жизни. А еще надо прочесть, как он писал о смерти одного из царских братьев – «бедный Георгий умер от скоротечной чахотки у нас под Боржомом». Не правда ли, это местоимение «у нас», вполне естественно пришедшее на ум через более чем полвека расставания с Грузией, свидетельствует о многом?

Театр Грузинского дворянства. С 1936 – театр им. А.С. Грибоедова

После Дворца – современное здание торгового центра «GALLERIA». С его первого этажа вход в Театр имени А. Грибоедова – самый старый русский театр за пределами России. Он основан в 1845 году. Сегодня у него новое здание, и он с достоинством наследует традиции замечательных людей, которых Россия и Грузия связали с ним. Это:

режиссеры **АЛЕКСАНДР ЯБЛОЧКИН, ВСЕВОЛОД МЕЙЕРХОЛЬД, ВЛАДИМИР ШВЕЙЦЕР (ПЕССИМИСТ), ГЕОРГИЙ и АЛЕКСАНДР ТОВСТОНОГОВЫ, ЛЕОНИД ВАРПАХОВСКИЙ, ПЕТР ФОМЕНКО**, художественный руководитель **НИКОЛАЙ ШАХ-АЗИЗОВ**, актеры **АЛЕКСАНДРА ЯБЛОЧКИНА, МАРИЯ САВИНА, ПАВЕЛ ЛУСПЕКАЕВ, АРЧИЛ ГОМИАШВИЛИ...**

Дом-музей Ладо Гудиашвили

Вернемся к зданию гимназии, перейдем на другую сторону проспекта и около Кашветской церкви спустимся на улицу Ладо Гудиашвили, к дому №11. Здесь Дом-музей Гудиашвили, в который один из русских гостей приходил не только для того, чтобы смотреть картины. Он запишет: «До сих пор в мастерской Гудиашвили под стеклом, как реликвия в музее, поблескивает золотая кофейная чашечка, которой касались губы поэта». Это **АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ** идет по следам боготворимого им Пастернака.

Единственный ученик Бориса Леонидовича унаследовал от великого поэта и его любовь к Грузии. Сам он впервые приехал в эту страну 25-летним, с отцом, который строил Ингурскую ГЭС. Грузия не только восхитила, но и вдохновила его. Первые публикации Воз-

**Зураб Церетели
и Андрей Вознесенский**

несенского – стихи о Грузии и переводы с грузинского. Первым поэтом, с которым Пастернак познакомил Вознесенского, был грузин Симон Чиковани. Который стал и первым (после Пастернака), кому Андрей читал свои стихотворения.

В 1957-м Вознесенский стал уточнять свои родовые корни и выяснил, что они ведут в... Грузию. Его прадеда-грузина маленьким мальчиком вывезли во Владимир после восстания в Имерети. Ребенка усыновил сельский священник, давший ему имя Андрея Полисадова. А под церковной фамилией Вознесенский предок поэта с годами стал архимандритом, настоятелем Благовещенского Муромского собора, ученым и реставратором.

Андрей Андреевич приезжал в Грузию очень часто, называл ее своей второй родиной, много ездил по ее городам и весям, переводил ее поэтов, изучал ее памятники искусства, постоянно посвящал ей стихи. Первой установленной в Москве работой нынешнего президента Академии художеств России **ЗУРАБА ЦЕРЕТЕЛИ** был монумент, созданный им совместно с Вознесенским в 1983 году. На Тишинской площади, там, где раньше была Грузинская слобода.

Грузия принимала Вознесенского не только в ореоле славы, но и в трудные для него дни гонения и безработицы. А он старался жить ее радостями и горестями, первым в России откликнулся стихами на события 9 апреля 1989 года. И нигде после России не печаталось так много стихов Андрея Андреевича, как в журнале «Литературная Грузия» и в газете «Заря Востока», не выходило столько сборников, как в тбилисском издательстве «Мерани».

Национальная парламентская библиотека Грузии

От Дома-музея Гудиашвили по улице, носящей его имя, пройдем по четной стороне мимо трех красивых корпусов Национальной парламентской библиотеки Грузии имени Ильи Чавчавадзе, «публички» на городском сленге – той самой, созданной по приказу графа Воронцова. С 1846 по 1919 годы ее директорами были писатель-путешественник **ГАВРИИЛ ТОКАРЕВ**, титулярный советник **ЛЮДВИГ ДЕ СЕН-ТОМА**, географ-натуралист **ГУСТАВ РАДДЕ**, археолог-востоковед **АДОЛЬФ БЕРЖЕ**, энтомолог **ГУСТАВ СИВЕРС**, археолог **ПЕТР МЕЛЛЕР**, географ-естествоиспытатель **АЛЕКСАНДР КАЗНАКОВ**.

Тифлисская духовная семинария

После библиотеки, там, где улица Гудиашвили выходит на площадь Свободы, – Музей изобразительных искусств имени Шалвы Амиранашвили. Это – здание бывшей Тифлисской Духовной семинарии, куда в 1883 году ненадолго поступил 17-летний **ГЕОРГИЙ ГУРДЖИЕВ**, будущий писатель, основатель оригинального мистического учения.

Георгий Гурджиев

Здание музея изобразительных искусств. Вид с ул. Н. Бараташвили

Памятник А.С. Пушкину. Тбилиси

Перед музеем на площади – Пушкинский сквер. в нем – памятник **АЛЕКСАНДРУ ПУШКИНУ**, открытый в 1892 году. Тогда это был всего лишь пятый памятник после Москвы, Петербурга, Кишинева и Одессы. Соорудили его на средства горожан именно на том месте, где в свое время ходил поэт, и Тифлис по праву вошел в список пушкинских мест.

В 1829-м Пушкин отправляется на Кавказ далеко не в самом лучшем настроении. Тяжелым гнетом давит негласный, но бдительный взгляд «государева ока» – жандармского ведомства графа Бенкендорфа. На личном фронте – неудача: в конце апреля рука и сердце предложены Наталье Гончаровой, но ее мать заявляет, что девушка слишком молода, и это, по признанию Пушкина, сводит его с ума. В общем, больше оставаться в Петербурге поэт не может. В поездке за границу ему отказано, он просится на войну с турками, но ответ категоричен:

«Государь благосклонно принял ваш вызов, но изволил отозваться, что, так как все места в армии уже заняты, то Его Величество воспользуется первым случаем употребить отличные дарования ваши на пользу отечества». Однако Пушкин уже решил: «или на войну», или «вон из России». И, не спрашивая высочайшего дозволения, он берет подорожную в Тифлис. Маршрут – традиционный для русских литераторов, в жизни которых вольнолюбивый Кавказ во все времена играет особую роль. К тому же ему есть с кем встретиться – в Грузии служат его брат Лев и друзья юности. Да еще появляется возможность отдать дань популярнейшему тогда жанру – описанию путешествия.

В Тифлисе его уже ждут. Почти за три недели до

Неизвестный художник.
Александр Пушкин.
1831

Тифлис. Дом Цуриновых

появления Пушкина военный губернатор Степан Стрекалов получает от исполняющего должность начальника штаба Отдельного кавказского корпуса Дмитрия Остен-Сакена в этом городе: «Известный стихотворец, отставной чиновник X класса Александр Пушкин отправился в марте месяце из С.-Петербурга в Тифлис, а как по высочайшему его имп. величества повелению состоит он под секретным надзором, то, по приказанию его сиятельства, имея честь донести о том вашему превосходительству, покорнейше прошу не оставить распоряжением вашим о надлежащем надзоре за ним по прибытии его в Грузию».

Впервые поэт въезжает в Тифлис 27 мая. Останавливается в единственной тогда городской гостинице Поля Матасси, затем – в доме Цуринова на тогдашней Эриванской площади, которая только начала застраиваться. Линия, где стоял этот дом до 1895 года, по сей день называется Пушкинской улицей. Не будем в очередной раз повторять все, впечатлившее в Тифлисе великого поэта. Описания «жаркого города», его жителей, нравов, базара, серных бань и прочая, прочая, конечно же, лучше всего перечитать непосред-

ственно в «Путешествии в Арзрум».

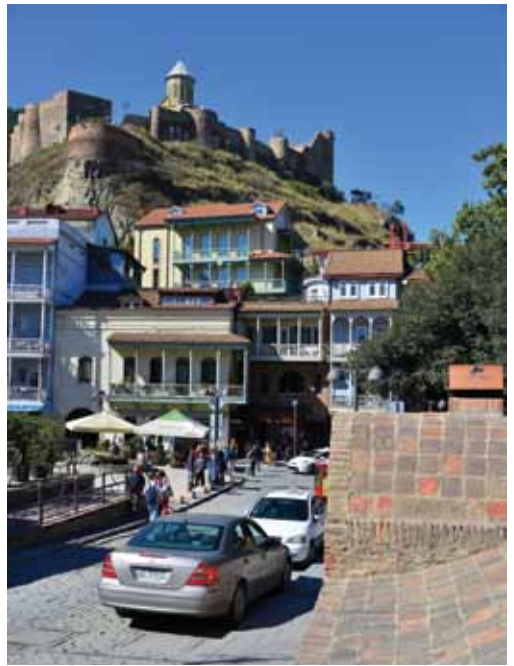
Но все же вспомним обед у генерала Стрекалова: «...По несчастью, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Черт побери тифлисского гастронома!» Скорее всего, «неблагонадежный» должен был знать свое место в компании бравых генералов... К счастью, на других обедах в тифлисских домах поэт в центре внимания.

Пушкин далек от той бронзовой непогрешимости, в которую его так стараются облачить теперь, ежедневно шалит на тифлисских улицах, «ни на кого и ни на что не обращая внимания». На базарах «якшается» с не блестящими чистотой рабочими-мушамы, на улицах затевает с мальчишками чехарду, а на Эриванскую площадь выходит «в шинели, накинутой прямо на ночное белье», покупая груши, и тут же, «в открытую и не стесняясь никем, поедая их». Да и вообще, «перебегает с места на место, минуты не посидит на одном, смешит и смеется»...

Совсем по-иному вспоминают его в домах местной интеллигенции, «Нужно ли говорить о том, с каким восторгом приветствовали все Великого Поэта на чужби-

Александр Пушкин. Автопортрет

Абанотубани. Мемориальная доска на Пестрой бане

Открытие памятника Пушкину в Тифлисе

не? Всякий, кто только имел возможность, давал ему частный праздник или обед, или вечер, или завтрак, и, конечно, всякой жаждал беседы с ним», – свидетельствует почитатель поэта Константин Савастьянов. Да и у самого Пушкина – приятные воспоминания: «В Тифлисе я пробыл около двух недель, познакомился с тамошним обществом... Они вообще нрава веселого и общежительного...»

Но при всем этом в городе ему не сидится, и его можно понять: всех близких и друзей, к которым он так стремился, здесь не оказалось, они – на турецком фронте. Поэтому 10 июня, как только от Паскевича поступает разрешение ехать в действующую армию, поэт отправляется в путь, чтобы второй раз появиться в Тифлисе почти через два месяца.

На этот раз он останавливается у лицейского друга Владимира Вольховского, обер-квартирмейстера Кавказского корпуса. А свое возвращение из армии объясняет так: «Ужасно мне надоело вечное хождение на помочах этих опекунов, дядек...» Не сложились отношения с графом Паскевичем, тот мечтал, что знамени-

тый пиит воспоеет его воинские подвиги, но пушкинская муза не согласилась на это. Потому-то поэт так быстро и уехал с фронта. Но в Тифлисе жалеть об этом ему не приходится – короткий приезд заполнен интереснейшими встречами в светских гостиных.

Он поднимается на еще свежую могилу Грибоедова, «перед коей Александр Сергеевич преклонил колена и долго стоял, наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы». А верх гостеприимства проявляется в одном из легендарных Ортачальских садов. «Наконец, все общество, соединившись в одну мысль, положило сделать в честь его общий праздник», – свидетельствует все тот же Савостьянов.

Сад, в котором собралось больше тридцати человек, осветили разноцветные фонари и свечи, в центре его – огромный вензель Пушкина. Гости встречают всеобщим громогласным: «Ура!», после которого каждый стремится выразить свои чувства. Затем в дело вступают певцы и музыканты всех живущих в Грузии народов «и все европейское, западное смешалось с восточноазиатским разнообразием в устах образованной молодежи».

А за столом тосты перемежаются с обсуждениями самых различных тем, рассказами, анекдотами. Сам Пушкин в ударе – прерывает серьезные разговоры, чтобы присоединиться к пляске, восхищает всех «своими милыми рассказами и каламбурами». Он «приводил в восторг всех, забавлял, восхищал... был не только говорлив, но даже красноречив...» Как и полагается, застолье длится до утра.

Бытует мнение, что кавказская поездка поэта не включала попытку отправиться из Тифлиса, говоря современному, в дальнее зарубежье. Все может быть, Пушкин непредсказуем... Как бы то ни было, столица Грузии гордится тем, что стала яркой страницей жизни великого русского поэта. В этом крае он встретил свое тридцатилетие, по словам Викентия Вересаева, путешествие на Кавказ стало последней главой его молодости...

Здание бывшего штаба Кавказской армии

Сбоку от этого сквера, там, где начинается проспект Руставели, стоит здание с башенкой и аркой. Оно единственное в центре Тбилиси практически сохранило свой первоначальный вид, хотя ему больше 190 лет. И с самой постройки в 1829 году до 1970-х годов в нем находился штаб войск, расквартированных на всем Южном Кавказе. В 1965-м сюда заглядывал по редакционным делам рядовой **ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО**. Правда, не так уж часто: в окружной газете «Ленинское знамя», где он проходил трехмесячные военные сборы, поэт был занят делами, далекими от освещения армейских будней.

Посчитав песню «Хотят ли русские войны?» демобилизующей советский народ, Главное политуправление армии и флота (Главпур) призвало Евтушенко в армию и отправило рядовым именно в эту газету. Впрочем, здесь поэт мог появляться и без военной формы:

«...Прибыв солдатом в газету, я попал не в казарму. Меня взял к себе на службу главный редактор, человек редкой души и порядочности, полковник М. Головастики. Ему я посвятил свою поэму «Пушкинский перевал», которая тут же была опубликована в газете, приводя в ужас «главпуровцев» и работников Главлита...

Вопреки предупреждениям генералов из Москвы, он организовывал мои творческие вечера в гарнизонных Домах офицеров и солдатских клубах отдаленных горных гарнизонов, где меня встречали восторженными овациями и цветами молодые офицеры, их жены и дети, студенты и солдаты...

Евгений Евтушенко

А еще военных «сразил» звонок адъютанта генерала армии Андрея Стученко в редакцию газеты: «Командующий войсками Закавказского военного округа спрашивает, сможет ли рядовой Евтушенко присутствовать на его дне рождения завтра?» В общем, военная служба только укрепила любовь Евтушенко к Грузии, в которую он влюбился в 1955-м во время медового месяца с Беллой Ахмадулиной. «Я люблю искусство Грузии..., – говорил он. – В Грузии с молодости слышал подлинную ноту, там находил природность, духовность. Грузия зарядила меня на многие годы ренессансным ощущением жизни».

Именно в Грузии Евтушенко получил первую в своей жизни отечественную литературную премию – имени Галактиона Табидзе, в 1981 году на традиционном празднике, посвященном грузинскому классику. И именно в Тбилиси по собственному желанию отметил свой 70-летний юбилей, совпавший с празднованием 110-летия со дня рождения Маяковского. И сразу по приезде в Грузию Евгений Александрович отправился в Багдати, на родину Владимира Владимировича.

В Грузии его печатали много и охотно, часто переводили, считали своим человеком. И любовь была взаимной – он переводил грузинских поэтов, посвящал этой стране одно стихотворение за другим. «Я бывал в Тбилиси не менее ста раз, такого у меня не было во взаимоотношениях ни с одним городом в мире», – говорил поэт.

В этом доме жил Иван Айвазовский

Пройдем от здания штаба к главному зданию площади Свободы – бывшей тифлисской Думы, ныне – городско-го Сакребуло (горсовета). От него расходятся несколько улиц, по которым мы и пройдем по интересующим нас адресам. Сакребуло обрамляют две улицы. Левая носит имя Шалвы Дадиани, здесь в доме №15 осенью 1868-го останавливался **ИВАН АЙВАЗОВСКИЙ**.

Это было единственное появление знаменитого художника в Тифлисе, его приводит сюда страсть к путешествиям. Места, в которых он побывал на этот раз, Иван Константинович перечисляет в таком порядке: «Владикавказ, Северный Дагестан, Чечня, Каранайские высоты, Гуниб, Дарьял, Шура, Сухуми и др. живописные места Кавказа». В Тифлисе о его кавказском турне уже знают и, конечно же, ждут с нетерпением. Принимают его в одном из лучших домов города, принадлежащего знаменитому предпринимателю и меценату Михаилу Тамамшеву.

К услугам долгожданного гостя – просторные поме-

щения, которых хватает и для жилья, и для обустройства мастерской. Она необходима – Иван Константинович не может не работать, он начинает писать столь поразившие его виды Кавказа. Он полагается не только на зарисовки, но и на свою поистине фотографическую память и пишет очень быстро, иногда создавая картину за день-два. Легко работается ему в Тифлисе. По натуре он очень общителен, сразу приобретает в Тифлисе массу знакомых, а те не преминут появляться у него в мастерской, сотрясают воздух по мере того, как на холсте возникают горы и ущелья, реки и водопады.

Это и неплохой, как сказали бы сегодня, пиар: по городу начинают ходить слухи о том, с какой невиданной скоростью работает приезжий художник. Ну, а кто в городе быстрее всех впитывает и распространяет любой слух? Сегодня – таксисты, а в то время – их коллеги, извозчики. Они организуют постоянную стоянку поближе к дому звездного клиента, и когда Айвазовский выходит из подъезда, к нему наперегонки и с особой лихостью устремляются сразу несколько экипажей. Счастливчик, которому удастся усадить к себе знаменитость, становится героем дня и он потом по несколько раз рассказывает внимательным слушателям (а их не один десяток!) о том, куда ездил гость и о чем говорил во время поездки.

В конце концов, по Тифлису разносится главная весть: Айвазовский закончил работу и покажет все написанное на специально организуемой выставке. Тут нелишне заметить, что в таких «вернисажах на местах» – еще одно отличие этого художника от многих собратьев по кисти. За свою жизнь он провел более 120

Иван Айвазовский за работой

И. Айвазовский. Вид Тифлиса со стороны Сеид-Абада

персональных выставок, причем не только в европейских и обеих российских столицах, но и в губернских городах, в провинции. Доходы от этого, довольно необычного для того времени явления, были немалые, но значительную их часть Иван Константинович отдавал, как говорится, на добрые дела. В том, где организовать тифлисскую выставку, сомнений не было – конечно же, в одном из залов караван-сарая, принадлежавшего родственнику гостеприимного Тамамшева и размещавшегося на центральной площади города.

Практически полгорода приходит туда, чтобы увидеть красоты Тифлиса, «Цепи Кавказских гор», «Дорогу от Млета до Гудаура», «Дарьяльское ущелье», «Аул Гуниб в Дагестане» и другие картины, родившиеся в тифлисскую зиму под впечатлением поездки по Кавказу. От продажи билетов выручено 5 тысяч рублей (сумма по тем временам огромная!), и художник объявляет, что передает все деньги сиротскому приюту. В городе поднимается волна восторга, незнакомые Айвазовскому люди в пояс кланяются ему на улицах, снимают шляпы, дарят цветы.

Закрытие выставки решено провести с особой торжественностью и совместить с чествованием гостя по высшему тифлисскому разряду. Из тысяч желающих в празднично украшенный зал попадают лишь две сотни самых именитых горожан – больше помещение просто не вмещает. Танцы, песни, музыка перемежаются с приветственными речами и даже стихами, а когда начинается застолье с вином особой выдержки, по знаку распорядителя вечера парами, в белых одеждах, появляются воспитанники приюта. В торжественной тишине попечитель приюта достает из ларца оправленный в золоченное серебро рог тура и, наполнив его вином, произносит речь. Все встают, голос попечителя дрожит от волнения:

«Наш дорогой знаменитый гость и друг Иван Константинович! Город Тифлис польщен и горд тем, что вы в нем задержались дольше, чем в других местах во время вашего Кавказского путешествия. Мы благодарим вас за честь, оказанную нам и за то, что ваша гениальная кисть так блистательно запечатлела любимую нами природу Кавказа и вид нашего родного города Тифлиса. Ваш щедрый дар в пользу городского детского приюта мы никогда не забудем... Примите же, наш дорогой гость и великий художник, от жителей города Тифлиса этот турский рог. Пусть он будет эмблемой, символом изобилия вашего несравненного художественного гения!»

В общем, все проходит в лучших тифлиских традициях: звучат здравицы, герой торжества принимает дар, звенят чаши и бокалы, да еще ребята из приюта осыпают Айвазовского цветами. А потом настает его черед подавать знак организаторам праздника, и в зал вносится картина с видом Петербурга. «Самадлобело» – ответная речь гостя кратка, но искренна: «Я глубоко тронут гостеприимством славного города Тифлиса и всеми знаками радушия и внимания, которые вижу здесь беспрестанно. Пусть же этот вид Петербурга будет моим скромным даром гостеприимному, чистосердечному Тифлису!»

Мики Иверия

В феврале 1869-го поступает спешный вызов из Петербурга, и художнику приходится уехать, на берега Куры он больше не возвращается. Но есть еще одна ниточка, связывающая Ивана Айвазовского с Грузией. В знаменитом мюзикле «Скрипач на крыше» в 1960-х роль Бесс исполнила Мики Иверия, хорошо известная британскому зрителю по драмам, триллерам и сериалам. Это не кто иная, как правнучка художника, Гаянэ Микеладзе. Ее родители – внучка Айвазовского Софья (от старшей дочери Елены) и имеретинский князь Иверико Микеладзе. Семилетнюю Гаянэ увезли в Европу после октябрьского переворота, она взяла для театральной сцены псевдоним, напоминающий о ее грузинском происхождении, с ним она снималась и в кино, сыграв свою последнюю роль в семьдесят пять лет.

Ну, а в Тбилиси до сих пор живет легенда: после того, как Айвазовский пожертвовал сиротскому приюту сбор от своей выставки, молодежь, в основном, студенческая подарила ему «миллион алых роз». А точнее, скупила все цветы на всех тифлисских базарах. А может, это и не легенда...

Дом Смирновых

Теперь пройдем по улице Галактиона Табидзе справа от Сакребуло. Здесь в №20, в красивом тифлисском особняке, собирались сливки (не побоимся этого слова) грузинской и русской интеллигенции, здесь правили бал литература и искусство. Он вошел в историю русской культуры как «Дом Смирновых», а многие прибавляют к этому названию еще и фамилию Россет. Ибо без Александры Смирновой-Россет история не выковала бы это примечательнейшее звено в цепочке российско-грузинских связей.

«Черноокая Россети», фрейлина двух императриц – создательница легендарного петербургского литературного салона пушкинской эпохи. Она собрала в свой круг весь цвет русской культуры XIX века. И Николай I, которого его венценосная супруга даже ревновала к Александре Осиповне, считал, что Россет царствует над поэтами так же, как он над своей страной. Флером самых различных слухов окутаны дружеские связи широко образованной, очаровательной хозяйки салона со многими и многими литераторами, ставшими

Экспонаты музей Смирновых

Август Реми.
П-т А.О. Смирновой-Россет

гордостью России. Но если развеять этот флер, то можно увидеть, как Василий Жуковский предлагает ей руку и сердце, а Николай Гоголь, утверждавший, что она – «перл всех русских женщин» и истинный его утешитель, читает ей вторую часть «Мертвых душ» перед тем, как уничтожить написанное. И, конечно, как Пушкин, посвятивший ей немало строф, убеждает ее написать мемуары, которые сейчас так ценят историки.

Но вот атмосфера удивительного салона «переселяется» с берегов Невы на Гановскую улицу Тифлиса. Это чудо совершает сын петербургской красавицы **МИХАИЛ СМIR-НОВ**, видный зоолог, ботаник, археолог и лингвист. Окончив Одесский универ-

ситет, он переезжает в Грузию. Может, сыграл свою роль зов крови – бабушка Александры Россет по материнской линии – из... княжеского рода Цицишвили, родственного последнему грузинскому царю Георгию XII. В общем, Михаил женится на дочери богатого тифлисского купца Михаила Тамамшева, а тот дает в приданое дочери особняк, построенный его отцом.

Туда ученый, прозванный за успехи в изучении местной природы Смирновым-Кавказским, перевозит обстановку петербургского салона, личные вещи и библиотеку матери, семейные реликвии. И надо ли удивляться, что этот особняк сразу превращается в место постоянных встреч грузинской и русской интеллигенции? Традицию продолжили внук и прав-

Михаил Смирнов
с супругой Елизаветой

Интерьер гостиной

нук черноокой Россет. Так что, если мы посмотрим даже неполный перечень тех, кто бывал здесь на протяжении более полутора веков, то покажется, что это – выписка из энциклопедии литературы и искусства...

И именно в этом доме Илья Чавчавадзе отмечал 100-летие со дня рождения Пушкина. А ровно 90 лет назад здесь подготовили и издали первое академическое собрание сочинений Николоза Бараташвили.

Сионский собор

Вернувшись на площадь, спустимся в сторону старого города по улице Котэ Абхази (Леселидзе) и через пару кварталов свернем с нее на Сионскую улицу. Там – Патриарший собор, освященный в честь Успения Пресвятой Богородицы. В Грузии Успенские храмы принято называть Сионскими. В этом храме в сентябре 1828 года **АЛЕКСАНДР ГРИБОЕДОВ** венчался с грузинской княжной Ниной Чавчавадзе. Во время обряда обручальное кольцо выпало из руки жениха, задрожавшей от приступа малярии и многие сочли это плохим предзнаменованием...

Поэт и княжна познакомились в доме вдовы начальника артиллерии Отдельного Кавказского корпуса **ПРАСКОВЬИ АХВЕРДОВОЙ**. По воспоминаниям современников, это – «выдающаяся женщина: получила в Петербурге хорошее образование, с успехом занималась живописью, копировала картины в Эрмитаже, любила литературу и музыку... дом ее был средоточием всего культурного общества Тифлиса в продолжение 10 лет». Иными словами, она способствовала сближению грузинской и русской интеллигенции Тифлиса.

У вдовы снимала флигель семья князя **АЛЕКСАНДРА ЧАВЧАВАДЗЕ** – знаменитого поэта, адъютанта генерал-фельдмаршала Михаила Барклая-де-Толли, бравшего Париж, и, кстати, крестника Екатерины II. Именно здесь становится навсегда русским друг князя, дипломат Грибоедов. Который, впервые приехав на берега Куры в 1818-м, поначалу огорчился: «Я уже четвертый месяц, как засел в нем (Тифлисе), и никто из моих коротких знакомых обо мне не хватился, всеми забыт, ни от кого ни строчки!»

Прасковья Ахвердова

Но, по правде сказать, не так уж пресна его жизнь в единственной на весь город гостинице француза Поля, здание которой не сохранилось на нынешней улице Пушкина. Завязываются новые интересные знакомства и чувство одиночества исчезает: «Я здесь обжился и смерть не хочется ехать». А вот – свидетельство того, что и сам Александр Сергеевич пришелся по душе тифлисскому обществу. Приглядимся к его первому отъезду в Персию: «После приятельского завтрака мы оставили Тифлис; я везде нахожу приятелей... Дело в том, что многие нас провожали, в том числе Я. (Якубович), и жалели, кажется, о моем отъезде... Я поутру обскакал весь город, прощальные визиты...» А уже из Тавриза – ставший заглавием этой книги призыв человека, тоскующего по главному городу Грузии: «Спешите в Тифлис, не поверите, что за роскошь! В клубе балы, и с масками».

Он вновь приедет в Тифлис в конце 1821-го, когда из-за перелома руки получает относительно спокойную должность секретаря по иностранной части при главнокомандующем войсками на Кавказе. Поселяется он на Экзаршеской площади (ныне – Ираклия II). А оттуда – совсем недалеко до дома Ахвердовых. Воспоминания дочери Ахвердовой Дарьи, ровесницы Нины: «В доме моей матери в Тифлисе он был ежедневным гостем. У нас зародилась и развивалась его любовь к княжне Нине Чавчавадзе, и в нашем же доме сделался он счастливым женихом, позабыв на время свою ипохондрию... «Я лично начала его помнить... когда он вернулся после долгого отсутствия из Тавриза, почти ежедневно обедал у нас, а после обеда играл нам, детям, танцы... своего сочинения, мелодию которых еще ясно помню, но очень красивые и сложные, потом переходил к другим импровиза-

Александр Чавчавадзе

циям и проводил за роялем иногда весь вечер».

А ведь он очень занят, помимо дипломатической работы, – заботы по оживлению общественной жизни Грузии. Участие в разработке плана «Российской Закавказской компании». Начало работы над «Обозрением российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношении», которое и по сей день – важнейший источник для историков. Рекомендации гражданским властям города «о лучших способах вновь построить Тифлис». Среди предложений по благоустройству города места, где можно построить мосты

Александр Грибоедов

через Куру. Спустя многие годы именно там и появятся Мухранский и Воронцовский мосты (ныне – имени Бараташвили и Саарбрюккенский). Еще Грибоедов ходатайствует об открытии училищ для «лиц свободного состояния», прилагает усилия для создания Коммерческого банка, выхода в свет газеты «Тифлиссие ведомости»...

При всех этих заботах ему просто необходим дом Ахвердовых, с его постоянной атмосферой тепла и вниманием. Еще одно воспоминание Дарьи: «Конечно, главное внимание Александра Сергеевича с того времени, как я стала его помнить, было обращено на княжну Нину Чавчавадзе, которой было лет 14 тогда, хотя она, как все южанки, была уже вполне сложившаяся женщина в эти годы. Он занимался с нею музыкой, заставлял говорить по-французски...»

А потом – снова отъезд и появление уже в качестве российского полномочного министра в Персии. И в доме Ахвердовой – объяснение с Ниной... «Я не

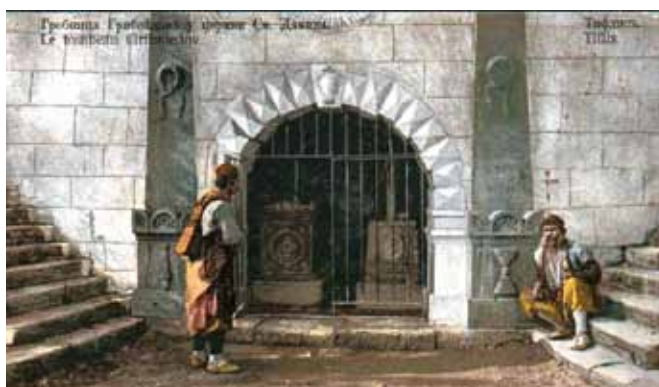

Нина Чавчавадзе

помню, что я начал бормотать, и все живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом к матушке ее, к бабушке, к ее второй матери, Прасковье Николаевне Ахвердовой... нас благословили, я... отправил курьера к ее отцу в Эривань с письмом от нас обоих и от родных».

Дальнейшая судьба Александра Сергеевича и юной княжны известна всем. Вплоть до слов Нины, похоронившей мужа, по его завещанию, на склоне горы Мтацминда: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?». Можно добавить, что Грибоедов всерьез задумывался о том, чтобы навсегда поселиться «отшельником в Цинндалах», как писал он в год своей смерти. Да и в служебных «записках» наместнику на Кавказе проходит мысль о намерении остаться в Тифлисе.

Вобщем, многие относят его к «авторам одной вещи»,

Грот с могилами А. Грибоедова и его супруги

но ведь в Тифлисе создавалась еще и «Грузинская ночь», из которой мы сможем прочесть лишь 2 сцены. Но и их хватило, чтобы критики связали эту утерянную пьесу с традициями Шекспира и Гете.

В Сионском соборе, пострадавшем от иноземных нашествий, фрески были безвозвратно утрачены. И в середине XIX века его заново расписали по эскизам **ГРИГОРИЯ ГАГАРИНА** – одного из первых художников, открывших для Европы с Россией жизнь и Грузии, и всего Кавказа. Ушел в небытие после пожара Тифлисский оперный театр, полностью оформленный этим человеком. Европейски образованный, талантливый, он был хорош в различных творческих сферах, и наиболее полно это проявилось в Тифлисе.

Впервые он приезжает на Кавказ в 1837-м 27-летним, в свите Николая I. Во время этой поездки делает первые кавказские зарисовки. А через три года приезжает для изучения управленческой реформы в Закавказье. Уже в ранге чиновника по особым поручениям при Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел.

Григорий Гагарин.
Автопортрет

И надо же случиться так, что тогда же и туда же едут Михаил Лермонтов и старые друзья Гагарина по Петербургу. Так художник оказывается рядом с великим поэтом. Оба они очарованы Кавказом, его природой, самобытной культурой народов, однако от воинского долга никуда не уйдешь – надо сражаться. И в сражениях с горцами рождается их уникальный творческий тандем. Появляются совместные акварели.

Кавказ навсегда поселяется в сердце художника, и

Фрески в Бетания

через год он снова отправляется туда, сопровождая военного министра Александра Чернышева. Конечно же, в те приезды он не может не побывать в столице Кавказа – Тифлисе. Там рождаются зарисовки портретов родни князя Александра Чавчавадзе. Да и сам тесть Александра Грибоедова смотрит с картин Гагарина. А художник поражен жестокостями войны, произволом чиновников. И считает своим долгом поделиться наблюдениями с военным министром. Нам будет достаточно прочесть лишь один абзац:

«...Уверен, что все те, которые слышали жалобы народа и суждения тамошних здравомыслящих и благонамеренных людей, могут согласиться со мною, что настоящая болезнь, что главная язва Кавказа гнездится в безнравственности чиновников... Всякая вера в наши слова и обещания совершенно утрачены. Народы, пре-

жде вполне нам преданные, питают к нам лишь чувства тайной ненависти или презрения, или непреодолимой недоверчивости!»

Но все это – результаты разовых наездов в столь приглянувшийся князю край. Потребовалось еще пять лет, чтобы в 1848-м приехать в него надолго и обосноваться в Тифлисе. Гагарина отправляют в распоряжение главнокомандующего Отдельным кавказским корпусом и одновременно наместника на Кавказе князя Михаила Воронцова. Военный министр предлагает, чтобы Гагарин «был употребляем в ученом и художественном назначении». Так начинается почти семилетний период жизни Григория Григорьевича, весьма знаменательный и для него, и для Грузии.

Уже само его появление с женой в Тифлисе становится значительным событием в культурной жизни города. Послушаем местного чиновника Соковнина: «Приезд Гагариных очень важное событие в жизни тифлисской. Муж, как художник, заставляет любоваться произведениями своей кисти. Жена... ходит пешком под руку с мужем, носит короткие волосы, визитные карточки без герба и написано просто: кн. Гагарина... Дом Григория Гагарина самый любезный и приятный в Тифлисе».

Гагарины сближаются с княжескими семействами Чавчавадзе и Орбелиани, появляются новые портреты грузинской знати. Однако Григорий Григорьевич рисует не только аристократов, его альбом «Кавказские типы» по сей день считается этнографической классикой, многие бытовые зарисовки уже больше полутора столетий иллюстрируют энциклопедические издания. Кроме того, у русского князя есть две самые большие заслуги перед Грузией.

Во-первых, он всей душой отдается созданию в Тифлисе уникального, самого большого в Закавказье театра, сгоревшего затем в 1874 году на Эриванской площади, ныне носящей имя Свободы. Григорий Григорьевич не только сотрудничает с итальянцем Джованни Скудиери в окончательной разработке проекта. По его

Роспись купола Сионского собора

эскизам расписывают зал и фойе, создают орнамент, лепнину, роскошный занавес. И вот – слова знаменитого француза Александра Дюма-отца в 1859-м: «За всю жизнь я видел почти все театры, но ни один из них по красоте не может сравниться с тифлисским театром».

Другое большое свершение Гагарина – восстановление росписей грузинских церквей, в которых были утрачены старинные фрески. Для Сионского собора в Тифлисе он создает фрески в византийском стиле. Во втором главном храме Грузии – мцхетском Светицховели – Гагарин впервые обнаруживает на юго-восточной колонне и зарисовывает в альбом фреску, запечатлевшую картлийскую царицу Мариам Дадияни.

А в конхе (полукуполе, перекрывающем центральный неф собора) он воссоздает по остаткам древней фрески изображение Спасителя.

Затем наступает очередь и периферийных храмов. В окрестностях Тифлиса, в местечке Бетаниа, забредает в заброшенный храм Рождества Пресвятой Богородицы, построенный в X-XII веках и... среди едва видных, поврежденных фресок с фигурами грузинских властителей обнаруживает неизвестный портрет царицы Тамары! Гагарин зарисовывает фрески в своем альбоме, а его открытие вызывает такой ажиотаж, что церковь ремонтируют, и она вновь принимает людей.

И вот что интересно: все реставрации и росписи князь ведет на собственные деньги – правительству не до таких «мелочей». А ведь Гагарин оплачивает не только ход работ, на его имя идут и идут из Москвы посылки с полотнами, красками, арматурой, другими материалами, всевозможными справочниками, изданиями старинных гравюр... Вдобавок ко всему он составляет на Кавказе планы десятков церквей, в том числе в Грузии – в Тифлисе, Кутаиси, Мухровани, Боржоми...

В Грузии им восхищаются, а вот высокопоставленная родня в российских столицах весьма отрицательно относится к его кавказской деятельности, «недостойной князя». А он стал единственным художником, зарисовавшим с натуры знаменитого Хаджи Мурата, одним из создателей Кавказского музея в Тифлисе. Написанные им портреты Давида Чавчавадзе, Маико Орбелиани и Марты Сологашвили по сей день хранятся в Тбилисском музее искусств и Русском музее Санкт-Петербурга. В Париже в середине XIX века вышли в свет двадцать выпусков издания «Живописный Кавказ» с его иллюстрациями, посвященными пейзажам, быту и нравам народа Грузии. Той Грузии, в которой родились трое из семи его детей.

Здесь жила семья Н. Гумилева

А мы, в последний раз вернувшись к зданию Сакребуло, пойдем от него вверх по улице Леонидзе, единственной, поднимающейся в гору от площади Свободы. В 1900 году, когда она называлась Сололакской, на ее углу с улицей Мачабели (бывшей Сергиевской) в доме №6, принадлежащем инженеру Мирзоеву, поселяется 14-летний **НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ**.

Его семья переехала из Петербурга потому, что у старшего сына Димы появились симптомы туберкулеза, и врачи посоветовали южный климат. Но оказалось, что еще больше Тифлис помог младшенькому Коле. В Питере он был слабым, худеньким ребенком, мучался головными болями. Диагностировав еще и повышенную деятельность мозга, доктора заявили, что ему пока рано заниматься в подготовительном классе. Мальчик быстро утомляется, любые внешние явления, в том числе и городской шум, ослабляют организм, доводя до глубокого сна. Колю забирают из гимназии, нанимают ему домашнего педагога.

В доме на углу двух тифлисских улиц исчезают и головные боли, и сонливость, и вата в ушах, а горные городские окрестности становятся местами, столь необходимыми юношеской романтике. В Тифлисе они с братом учатся сначала во Второй, а затем – в знаменитой Первой гимназии. У Николая – ни одной двойки, правда, натуру не изменишь – по всем языкам и прилежанию – «трояки». Зато по истории, географии и поведению – «отлично». Что ж, именно по последним трем из этих предметов его через годы экзаменовала уже сама жизнь. И с теми же оценками!

**Николай
Гумилев – гимназист**

Тем не менее среди нарушителей гимназической дисциплины он однажды оказался – уже в 6-м классе. Запись в «Общем кондуите» от 9 мая 1903 года свидетельствует об ужасной провинности: «Был в театре без разрешения и в блузе». В графе «наказание»: «Оставлен на 2 часа в воскресенье». Вот такие преступления и наказания... Что же касается столь не дававшегося Коле греческого языка, то переэкзаменовка по нему все же будет в 5-м классе. И чтобы сдать ее, надо пройти через еще одно преображение – в самостоятельного путешественника.

Он впервые в жизни, в одиночку, совершит большую поездку – из имения Березки, купленного семейством в Рязанской губернии, в Грузию. Вообще же, именно после того, как Николай избавляется от этого «хвоста», фактически и начинается его самостоятельная жизнь. До приезда родителей он живет у гимназического друга Борцова. Хотя и немного, но все-таки серьезней относясь к учебе, он готовится с репетитором к экзаменам за 6-й класс, берет и уроки рисования, увлекается астрономией.

Первые попытки рифмовать Коля сделал еще в 6

шляпе и с тем же ружьем, что и во время походов по городским окрестностям. Застенчивость же пытается скрыть надменностью. А 8 сентября 1902 года приходит домой, держа одну из самых читаемых газет – «Тифлисский листок». В ней – первое в его жизни опубликованное стихотворение «Я в лес бежал из городов...» Это – не только предмет юношеской гордости, но и окончательное определение жизненного пути. Хотя, наверное, он и сам еще не осознает, что повзрослел – перед его фамилией в газете стоит инициал не Н. (Николай), а К. (Коля).

Отец вообще не одобряет эту публикацию, но окружающие девушки в восторге: перед ними – поэт. А Гумилев влюбляется в них напрапалую, причем отнюдь не в одну. А на то, чтобы очаровать тифлисских барышень, лишнее время не тратит – его мать вспоминает, что одно и то же стихотворение он писал в альбомы сразу двух девушек. А потом в его жизни появляется фамилия Маркс. Но это не бородатый автор «Капитала», а очаровательная гимназистка Машенька – безответная любовь Николая.

Если бы эта девушка ответила взаимностью, Гумилев вполне мог бы войти в театральный мир Грузии – вместе с теми, кому в Тбилисском государственном музее театра, музыки, кино и хореографии много лет была посвящена экспозиция, так и называвшаяся: «Уголок семьи Маркс». Дед Марии – **СТАНИСЛАВ МАРКС** руководил русскими театральными труппами Тифлиса еще в середине XIX века. Но, как известно,

Маша Маркс

Николай Гумилев

история не знает сослагательного наклонения.

Мария вышла в Москве замуж, была и врачом на Первой мировой, и санитаркой, и актрисой, в память о своем тифлисском детстве назвала сына Ираклием. И осталась в поэзии не стихами (как говорят, хорошими), а тем, что была первой большой любовью Поэта. Большой настолько, что, уезжая навсегда из Грузии, Николай именно ей, 14-летней гимназистке, оставил свой рукописный сборник «Горы и ущелья».

Эта рукопись посвящена М.М.М. Мария Михайловна Маркс никогда не забывала влюбленного в нее юного поэта и до конца жизни хранила этот

альбом. Сейчас он – в Рукописном отделе Пушкинского дома. А Гумилев в 1903-м навсегда покинул Тифлис, который приняв болезненного мальчика, проводил в большую жизнь мужчину. Все еще у него впереди – и Африка, и создание акмеизма, и строки, которые уже ни с кем не спутаешь.

Но нота «пылкости и дикарства» из гимназических настроений еще прозвучит: «Да, я знаю, я вам не пара,/ Я пришел из другой страны,/ И мне нравится не гитара,/ А дикарский напев зурны». Не отголосок ли это тифлисской зурны?

Десяток метров от «дома Гумилева» – и мы у №8, где обитал поэт **ВЛАДИМИР ЭЛЬСНЕР**, большую часть жизни, начиная с Гражданской войны, проживший в Тбилиси. Он был шафером на свадьбе Гумилева и Ахматовой в Киеве. Составил целых четыре тома самой полной и очень популярной в конце 1900-х годов «Антологии современной поэзии». Перевел и выпустил антологию современной немецкой поэзии. А потом – пожара и революции и Гражданской войны, сквозь дым которых Эльснер обнаруживается уже в столице Грузии... И стоит особенно приглядеться к тому, какие фантастические метаморфозы происходят с этим человеком.

С 1918 года он живет в Тифлисе и в то же время находится в «резерве чинов Кубанского Казачьего Войска Добровольческой армии». То есть деникинской Белой

армии. Он входит в «Тифлисский цех поэтов», созданный Сергеем Городецким, и числится в отделе пропаганды ростовского ОСВАГ. А это – «Осведомительное агентство», то есть информационно-пропагандистский орган Добровольческой армии, а затем – Белых Вооруженных сил Юга России. Он публикует декадентские стихи в альманахе «АКМЭ», изданном «Тифлисским цехом поэтов». А в журнале ОСВАГ «Орфей» он же печатает статью «Цинические эксцентрики», в которой обрушивается на Сергея Есенина, «выпустившего в Совдепии два сборника своих стихов «Голубень» и «Преображение»...

В уже советской Москве он выступал со стихами в трусах, фуфайке, с золотым обручем на голове, использовал для обольщения сеансы гипноза, раздавая дамам визитные карточки с надписью золотом: «Владимир Эльснер, поэт жизни. Учитель новых радостей. Магнетизер, массажист». И глупой шуткой чуть было не подтолкнул Маяковского к дуэли. Он еще и открыто подтрунивал над советской властью, коммунистами, чекистами.

Да и уже много позже, в Тбилиси, славился своими любовными похождениями, а на загородных пикниках организовывал танцы в простынях. И при всем этом читал лекции по «коммунистической эстетике искусства» в университете и консерватории. Кстати, его антибольшевистские выступления в деникинских газетах по сей день хранятся в библиотечных фондах. Словом, все те же метаморфозы...

В общем, многогранная личность, умеющая выходить из сложных жизненных ситуаций, используя свои способности. Именно поэтому можно увидеть, как во второй половине 1930-х он редактирует одобренный Москвой перевод Георгия Цагарели поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Как руководит в Союзе писателей Грузии работой с молодежью, а в конце 1940-х – литературным объединением при газете «Молодой сталинец». Еще он смог выпустить в издательстве «Заря Востока» две книжки со стихами про экзотику азиат-

ских и африканских стран.

Его богатая библиотека славились и за пределами Тбилиси, на ней вырос не один молодой литератор. А последняя его жена заслуживает особого внимания. Можно сказать, что она – еще одна ниточка, тянущаяся из Тбилиси в большую русскую литературу. Это – Ольга Верховская, которая росла на той самой питерской улице Бассейной, где жил Человек Рассеянный, воспитан Самуилом Маршаком. Она в своей квартире познакомила кузину Марину Малич с поэтом Даниилом Хармсом, ставшим ее мужем.

А про саму Ольгу можно сказать, что она поступила в духе неординарных героев произведений своего зятя Хармса. Когда в 1964

году газета «Вечерний Тбилиси» сообщила читателям, что скончался Владимир Эльснер, немало горожан отправилось в Союз писателей, чтобы попрощаться с одним из последних поэтов Серебряного века. Но покойника там не оказалось. До сих пор в различных литературных источниках ходит легенда, что Ольга Николаевна тайно увезла тело и погребла его в Переделкине, рядом с самим Пастернаком. Но могила Эльснера в списках мемориального подмосковного кладбища не значится.

А современники поэта утверждали: жена и впрямь увезла останки Эльснера, но захоронила их в Москве. И помогал ей в этом не кто иной, как Николай Тихонов. А дальше – уже настоящая трагедия. Вернувшись в Тбилиси, Верховская покончила с собой. Уникальная библиотека поэта выкинута из опустевшей квартиры в подворотню и увезена в мусоровозах. Еще одна печальная метаморфоза в судьбе поэта-жизнелюба.

Здесь останавливался К. Бальмонт

А в самом конце улицы Леонидзе, в доме №20, в 1910-х годах по четвергам собирался тифлисский бомонд, видные деятели искусства и литературы устраивали импровизированные вечера, пел «грузинский соловей» Вано Сараджишвили и читал стихи **КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ**. Тот самый, что поклялся: «Святыню Грузии – поэму Руставели,/ Я – славянин, клянусь явить своей свирелью...» Все это происходило в доме юриста, писателя и журналиста Александра Канчели. Продолжая работать над первым в истории полным переводом на русский язык «Витязя в тигровой шкуре», Бальмонт в 1915-м поселился именно здесь, а не в «Гранд-отеле», как в первый свой приезд за год до того.

Грузинское общество с восторгом встречает его интерес к Руставели. Тем более что Бальмонт берет уроки грузинского языка, чтобы лучше проникнуться духом поэмы. Звучат восторженные фразы о том, что встрети-

Сололакские зарисовки

К. Бальмонт с Тamar Канчели и ее мужем

лись два гения, пресса освещает каждый его шаг, все слои горожан переполняют залы, в которых русский поэт проводит руставелевские вечера. Сандро Канчели дает в его честь ужин в саду «Грузинского клуба», где Бальмонт состязается в стихах с Ованесом Туманяном. А «Общество по распространению грузинской литературы» дарит гостю роскошное издание «Витязя» на грузинском.

Сам же он радостно делится в письмах: «Моя работа нашла тех, кто в ней нуждался... она получает иной, радостный смысл». Тифлисским друзьям он посвящает массу стихов и экспромтов, а в предисловии к переведенной поэме особенно благодарит чету Канчели, считая, что духовное общение с ней вдохновляло его во время поистине титанической работы. А еще его связывает с домом №20 поэтическая влюбленность. Это – вполне естественное творческое состояние авторов высокой лирики, и Константин Дмитриевич – не исключение. Грузия воплотилась для него в Тамаре Канчели: «Мое – среди сумрачных ущелий,/ Гость солнца в Грузии, я – сам,/ Моя любовь, Тamar Канчели,/ Чье

имя отдаю векам». Это – о жене Сандро Канчели, образованнейшей, обаятельной женщине. Кстати, один из трех ее братьев издавал газету «Закавказская речь», подробно освещавшую каждый шаг Бальмонта в Грузии. А сама она, растя троих сыновей, была членом «Общества грузинских женщин».

Работая в России над переводом «Витязя», который он затем впервые прочел в этом доме, Бальмонт активно переписывался с Тамар и Сандро. А нам стоит присмотреться к его телеграмме, присланной этой чете из Парижа: латинскими буквами набраны грузинские слова «Мзе миквархар Картли» («Солнце, люблю тебя, Картли»). Ну, а лично Тамар он еще и сонет посвятил.

А теперь раскроем письмо, написанное Бальмонтом перед отъездом в 1917-м в Грузию, куда он везет полностью законченный перевод поэмы: «И думаю, как перед грузинами я возьму в руки... свою работу, я бледнею и плачу, как герои Руставели». Но плакать ему пришлось совсем по другой причине: его тифлисская муза Тамар тяжело больна. И письма Бальмонта семье, в Россию, читаются, как трагический репортаж.

«Только сила души позволяет этому истерзанному телу не умереть совсем»... «Сегодня вечером... на носилках снесли Тамар с высоты, где ее дача, и где она задыхалась, вниз на берег Боржомки. Вчера казалось, что она умрет. Сегодня ей лучше»... «Вчера мы похоронили Тамар. Нас, провожающих, было много. Гроб весь был укрыт цветами, и от меня было много... роз и белая лента: «Лучшей грузинке Тамар Канчели от Бальмонта, во имя ее пропевшего по-русски всю поэму Руставели». Я еще не в силах понять, что Тамар действительно нет. Шлю мой стих к Тамарам».

Вот слова из этого стиха «Имени Тамар Канчели», сразу же опубликованного в газете «Сакартвело»: «Для меня опустела Картвелия,/ Мой светильник погас, догорев,/ Для кого же принес Руставели я,/ Облаченного в русский напев?!»

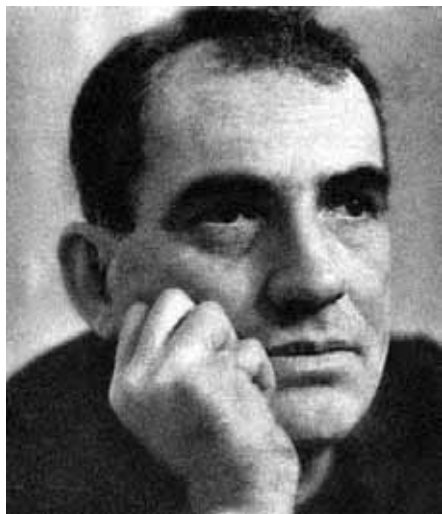
Ул. Ингорква, 11

У дома Сандро Канчели перейдем на нечетную сторону улицы Леонидзе и после дома №11 свернем на улицу Ингороква. Там, в доме №6, жил поэт **АЛЕКСАНДР ЦЫБУЛЕВСКИЙ**, которому Булат Окуджава посвятил стихи, ставшие знаменитыми песнями «На фоне Пушкина снимается семейство» и «Былое нельзя воротить».

А вот стихи Цыбулевского, которого все звали просто Шура, к сожалению, не так широко известны. Но Евгений Евтушенко не случайно включил их в свою фундаментальную антологию «Десять веков русской поэзии». Предварив небольшим эссе об авторе, с которым дружил и о котором написал: «Он ни троцкистом не был, ни эсером,/ а всенациональная душа/ бессталинским была СССРом,/ Пшавелой и Ахматовой дыша».

Тбилисцем Шура стал в два года, когда его семья переехала в столицу Грузии из Ростова-на-Дону. И до конца жизни был неотъемлемой частицей этого города. С Булатом он познакомился на филфаке Тбилисского университета и близко сошелся с фронтовиком, хотя и был на четыре года младше его. Многие вспоминают, что Цыбулевский в то время был начитанней, чем Окуджава и уже писал неплохие стихи. В итоге они организуют литературный кружок «Соломенная лампа». А на дворе – конец 40-х, любая неофициально созданная организация считается опасной.

Тем более что в Тбилиси уже существовала молодежная группа, которая и впрямь «тянула» на самый настоящий антисоветский заговор. В ней – дети репрессированных, фактически мальчишки и девчонки,

Александр Цыбулевский

попросту неспособные навредить могучей государственной машине. Но есть у них и тайные собрания, и листовки на ночных улицах. Именно по этому делу арестовывают и Цыбулевского, никакого отношения к организации не имевшего.

Шура «садится» за то, что не донес на душу подпольной организации – очень милую, писавшую неплохие стихи и люто ненавидевшую советскую власть девушку Элли Маркман. Он не просто дружил с ней, он был в нее влюблен. Для молодого парня, да еще поэта, да еще тбилисца этим все сказано. Лагерная страница жизни Цыбулевского оказалась, пусть ненадолго, но все же короче, чем было предписано ее авторами в погонах – из лагеря под Рустави он возвратился в Тбилиси через 8 лет. А в лагере получал письма и посылки от Окуджава. И позже оценил это словами, которые дороже всех витиеватых похвал: «Булат – хороший товарищ»...

Шура оканчивает Тбилисский университет, и начинается тот Цыбулевский, которого запомнили не только его земляки, но и многие гости-литераторы. Прислушаемся к тому, что говорят о нем. **СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ:** «В его витиеватых стихах, сплетенных из обрывков чувств, картин и мыслей, угадывалась судьба – горестная, одинокая и даже лагерная». **ЮРИЙ РЯШЕНЦЕВ:** «Если бы в грузинской столице не было бы такого, казалось бы, чуждого этому городу по крови поэта, то его следовало бы придумать. Он был погружен в этот город, будто был его уроженцем, и в то же время был влюблен в него, будто только вчера увидел его впервые».

Поэт Цыбулевский, столь далекий от политики и столь пострадавший за нее, жил потом и в других старых районах города, водил по окрестным духанам приезжих русских писателей – резерв исконных городских подвальчиков был у него неисчерпаем. Так и шество-

Элла Маркман

вали по тбилисским улицам в компании с ним **АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ, ВЛАДИМИР СОКОЛОВ, ЮННА МОРИЦ, ДАВИД САМОЙЛОВ.**

Поженившись, Булат Окуджава и Ольга Арцимович приезжают в Тбилиси и отмечают знаменательное событие в духанчике у Метехи. Приглашенных – лишь несколько человек. Среди них – Цыбулевский и братья поэты Отар и Тамаз Чиладзе... В первый же день знакомства с Юрием Ряшенцевым «удивительный гид» Шура ведет гостя по тбилисским улицам в сторону любимого места – Метехскому подъему. В трактире, заказав чачу, показывает на маленькие стаканчики: «Вот это – точно выверенная норма, которую надо пить». А Ряшенцев с огорчением говорит, что «у нас – другая норма»... В Москве Александр Межиров обзванивал друзей, чтобы достать лекарство для Цыбулевского...

Среди многих русских литераторов-друзей Шуры особый разговор – о **БЕЛЛЕ АХМАДУЛИНОЙ.** Написавшей: «И впрямь я жила!/ Я летела в Тбилиси,/ где Гия и Шура/ встречали меня... как Шура и Гия,/ никто никогда не полюбит меня». Гия это ближайший друг Шуры – легендарный **ГЕОРГИЙ МАРГВЕЛАШВИЛИ.** Он предоставлял поэтам и писателям, попавшим в Москве в официальную или полуофициальную опалу в годы «застоя», страницы журнала «Литературная Грузия» и печатал их книги в издательстве «Мерани».

Оба они стремились приобщить гостей к жизни Тбилиси даже после официальных «мероприятий». А о Маргвелашвили известный красноярский поэт Николай Еремин сказал: «Имена, которые в XX веке, своевременно поддержал своим чутким отношением наш замеча-

Белла Ахмадулина
с братьями Чиладзе

тельный Грузинский Друг, сейчас, в XXI веке, у всех любителей российской словесности, как говорится, на слуху».

А еще в кругу Цыбулевского родилось странное слово «беллогвардейцы». Нет, это не опечатка. Так прозвали близких друзей Ахмадулиной. И Шура с Гией были в первых рядах этой гвардии. Но тбилисское «войско», которое, как и Белла, не принимало политику, уничтожающую или унижающую людей, отнюдь не желало видеть своего кумира на том жестоком поле брани, где есть жертвы. Слишком горячи были следы происходившего с поэтами, которых государство считало своими врагами.

И поэтому, когда в августе 1968 года группа диссидентов вышла на Красную площадь, протестуя против ввода в Чехословакию советских войск, Маргвелашвили мчится на почту, чтобы отправить Ахмадулиной телеграмму, смысл которой: «Белла – ты Пушкин». Это – не только очередное доказательство того, каким было отношение к Белле Ахатовне. Она сравнивается с Александром Сергеевичем, чтобы предостеречь, напомнить: в 1825-м Пушкин не вышел на Сенатскую площадь вместе с декабристами и тем самым сохранил себя для всех нас.

Вообще, об Ахмадулиной и ее связях с Грузией написано немало. Но хочется особо вспомнить ее Поступок. Именно так, с большой буквы. Год 1982-й, кинорежиссер Сергей Параджанов вновь арестован, на этот раз – в Тбилиси, по обвинению в спекуляции. С просьбой о том, чтобы «такой великий художник был осужден условно», Ахмадулина, вместе с кинематографистами Резо Чхеидзе, Эльдаром Шенгелая и другими деятелями культуры обращается не к кому-нибудь, а прямо к Эдуарду Шеварднадзе. Так и происходит, кинорежиссера освобождают в зале суда. А на встрече с Беллой Ахатовной первое лицо Грузии предлагает Ахмадулиной дачу в Гульрипши. Знаете, чем был обоснован ее отказ? «Я люблю всю Грузию, зачем мне ее малая часть?»

А в доме №10 по улице Ингороква в 1920-30-х годах жил человек, о котором заслуженный артист России Всеволод Аksenov сказал: «...Если грузины с законной гордостью и теплом произносят слова: «Наш **КОТЭ МАРДЖАНИШВИЛИ**», то и мы, русские, с неменьшим правом, благоговением и любовью говорим: «Наш Константин Марджанов».

Дебют Котэ на сцене – в двенадцать лет, в 1882 году в Первой тифлисской гимназии, которую до него окончили два других корифея русского театра – Немирович-Данченко и Сумбаташвили-Южин. Гимназист Котэ дебютирует в русской классике, в гоголевской «Женитьбе» играет... Агафью Тихоновну. Потом – различные сцены, исполнение мечты – пролушть курс лекций в драматической школе в Москве. А в 1896-м знаменательное событие – женитьба. Она связывает грузинского артиста с одной из самых интересных актерских ди-

настий России. Он женится на Наденьке Живокини, внучке и дочери знаменитых комиков Малого театра, приехавшей в Тифлис. Молодожены уезжают в Россию и живут жизнью ее театральной провинции под фамилией Марджановы.

Елизаветград, Керчь, Баку, Тамбов, Иваново-Вознесенск, Ташкент, Ашхабад, Тула, Орел, Луганск, Вятка, Ярославль, Уфа, Иркутск, Пермь, Рига, Москва, Смоленск, Витебск, Пенза, Рига, Вятка... В 1903-м – дебют в Москве. Котэ работает со звездой Московского художественного театра (МХТ) **МАРИЕЙ АНДРЕЕВОЙ**, гражданской женой Горького. Она провела пять лет с 1886 года, в Тифлисе, здесь возшла ее театральная звезда, здесь она сменила фамилию мужа Желябужская на псевдоним «Андреева». А Горький не захотел отдать «Дачников» в МХТ и доверил пьесу Марджанишвили в Риге и Театру В.Ф. Комиссаржевской в Петербурге.

Горький помогает труппе Марджанишвили в выборе репертуара, проведении репетиций и так начинается дружба режиссера с писателем и примой Андреевой. Через Алексея Максимовича грузинский режиссер сближается с Александром Блоком, Леонидом Андреевым, другими большими литераторами. И даже, по поручению Горького, тайно едет к знаменитому меценату Савве Морозову за залогом для арестованного Леонида Андреева.

Потом Котэ получает два предложения. Министр просвещения Болгарии лично предлагает ему должность режиссера и руководителя Софийского королевского театра. А Немирович-Данченко зовет в Художественный театр. Марджанишвили предпочитает второе. Еще он преподает в частной школе артистки МХТ Софьи Халютиной, делает это настолько успешно, что Станиславский доверяет ему вести занятия в Первой

Котэ Марджанишвили

студии Художественного театра, знаменитой, как бы сейчас сказали, «кузнице актерских кадров». Именно там – знакомство с молодым Евгением Вахтанговым, который навсегда сохранил «почтительно-благоговейное отношение» к нему. На сцене Художественного театра Котэ ставит два спектакля, а декоратором берет Николая Рериха.

После Художественного театра самый яркий период работы в Москве – созданный по собственной задумке «Свободный театр», с триумфом просуществовавший сезон 1913-1914 годов. После Первой мировой войны, на которой Котэ получает Георгиевский крест за то, что под огнем выносил раненых с поля боя, он работал в Киеве. И открывает для искусства совсем еще юных будущих кинорежиссеров Георгия Козинцева, Сергея Юткевича и сценариста Александра Каплера. Вернувшись в Москву, работает сразу в трех театрах, реализует свою любовь к оперетте.

В Петрограде он открывает Государственный театр комической оперы, а самая запоминающаяся его работа – грандиозное массовое зрелище в честь II Конгресса Коминтерна. Участников – несколько тысяч, среди них – воинские части и боевые корабли, зрителей – 45 тысяч! И все равно полного удовлетворения нет. И он решает ехать в Грузию, чтобы, по словам его жены, «отдать родине свой опыт, знание и достигший полного расцвета талант».

Теперь слово – великой актрисе Верико Анджaparидзе: «В 1922 году из России на родину возвращается Котэ Марджаниш-

Мария Андреева

Матушка Фамарь
(Тамара Марджанишвили)

вили. Под его руководством рождается новый театр... Марджанишвили приехал в Грузию с огромным опытом прошедших лет. Бесконечно дорога ему была русская культура, биография его богата встречами и общением с кругом выдающихся деятелей русского искусства. Он привил нам любовь к русскому театру...»

В начале 1930-х Котэ вновь едет в Москву и вскоре пишет оттуда: «Сдаю «Дон Карлос» в Малом, МХАТ возобновляет «У жизни в лапах», в оперетте – «Летучая мышь»... И пора уж мне возвращаться в свой театр, к своим ребятам...» Да, наконец, в Тбилиси у него есть полностью своя труппа, свой театр. Навсегда сохранивший его имя. Его зовут заведующим ху-

дожественной частью в Малый и Коршевский театры, постановщиком – в Большой, Детский и Свердловский театры. Но во время работы над «Доном Карлосом» в 1933-м его сердце останавливается

И еще о семье Марджанишвили. Столь чтимая Русской Православной Церковью матушка Фамарь, основавшая при поддержке царской семьи Серафимо-Знаменский скит, – сестра режиссера красавица Тамара Марджанишвили, бывшая игуменья Бодбийского монастыря святой равноапостольной Нины в Грузии. В 1931-м ее сажают в тюрьму, а затем ссылают в Сибирь. Котэ хлопочет о ее освобождении, но возвращается она лишь через год после его ухода. А еще один Константин Марджанишвили, сын режиссера – выдающийся математик, академик Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда. Вот такая связь грузинской семьи с российской историей.

Здесь жил П. Чайковский

Почти сразу после дома, где жил Марджанишвили, отходит в гору улица Чайковского. В самом конце ее – дом №16 с треснувшими стенами. Сюда великий **ПЕТР ЧАЙКОВСКИЙ** приезжал пять раз с 1886 по 1890 годы. Началось все с того, что в 1886-м из Москвы в Грузию переводится прокурором Тифлисской судебной палаты Анатолий Чайковский. Поселяется он в небольшой квартире дома, принадлежащего на Консульской улице чиновнику МВД Михаилу Тебенькову.

Впервые композитор приезжает к брату Анатолию в апреле 1886-го, сразу окунувшись в светскую жизнь. Дом на Консульской пышен и гостеприимен. Невестка, жена брата Прасковья – одна из первых красавиц города, в ее гостиной – балы, спектакли, концерты, центр литературной жизни. А еще Петр Ильич приглашается на приемы и карточные сражения, званые обеды и любительские спектакли в другие блестящие дома. В общем, не жизнь, а праздник.

А вот первые впечатления о Тифлисе: «Город вос-

Петр Чайковский

хитительно живописен... Главные улицы очень оживлены, магазины роскошны и совсем Европой пахнут. Зато, когда я зашел сегодня в туземный квартал (Майдан), то очутился в совершенно новой для меня обстановке. Улицы необыкновенно узенькие, как в Венеции; с обеих сторон внизу бесконечный ряд лавчонок и всяких ремесленных заведений... В общем, Тифлис мне очень по сердцу». Он много ходит по городу, часто гуляет в саду Муштаид, бывает на службе в Сионском соборе: «Теперь я уже хорошо ознакомился с Тифлисом и все наиболее замечательное видел. Был в здешних банях, устроенных

на восточный лад, посетил наиболее замечательные церкви... был также в монастыре Давида, на горе, где похоронен Грибоедов...» А после прогулок «занимался чтением и работой».

Ну и, конечно, встречи, так сказать, по специальности: «...Провел один вечер в концерте Музыкального общества... В Тифлисе живет несколько хороших, выдающихся музыкантов... Вообще я не ожидал, что в Тифлисе мою музыку так хорошо знают. Оперы мои здесь играют больше, чем где-либо... Ну, а главное событие – торжество 19 апреля в Тифлисском театре. Газета «Кавказ» в №104 называет этот вечер «экстренным концертом Тифлисского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества, устроенным в честь дорогого тифлисского гостя, талантливейшего из современных русских композиторов».

Чайковскому преподносится его портрет в серебряной оправе в виде лаврового венка, затем вручаются и настоящие венки, «на лентах которых отпечатано, от представителей какой именно отрасли музыкального искусства они поднесены». В завершение – сам «экс-

тренный концерт», длящийся до полуночи. И именно на этом концерте происходит то, что сегодня называют мировой премьерой – впервые в истории с тифлисской сцены звучит третья и окончательная редакция увертюры «Ромео и Джульетта». В общем, не только светской, но и музыкальной стороне тифлисской жизни есть чем порадовать Петра Ильича. Ведь именно здесь он начал работать над первыми набросками оперы «Чародейка».

Второй раз в доме на Консульской композитор появляется в следующем году, да и то ненадолго. Основное время этого приезда проводит в Боржоми. Там врачи рекомендуют ему пить минеральную воду и принимать ванны, чтобы привести в порядок здоровье, особенно желудок. Что же касается Тифлиса, то для него именно

П. Чайковский с членами Тифлисского музыкального общества

Банкет в Тифлисе в честь П. Чайковского

в Боржоми композитор делает великую вещь. Он пишет императору Александру III ходатайство о выделении денег на завершение строительства нового Оперного (Казенного) театра вместо сгоревшего в 1874 году. Просьба эта возымеет эффект: благоволящий к Чайковскому царь дает распоряжение о выделении средств.

Свой третий приезд в Тифлис, в 1888-м, Петр Ильич объясняет тем, что хотел отдохнуть и привести в порядок мысли. Он присутствует на репетиции любительского концерта, гуляет по городу, ходит в сад Муштаид, «с которым просто сроднился». И берется за работу над Пятой симфонией, в записной книжке появляются эскизы ее тем, программа работы. А уже уехав, в октябрьском письме Ипполитову-Иванову признается: «Так и или иначе, но знаю только одно: смертельно хочется в Тифлис».

Надо ли удивляться, что в апреле 1889-го он снова появляется в этом городе? Работать ему практически не удастся в течение всех 18 дней – в доме брата полно гостей, желающих познакомиться со знаменитостью, со всех сторон сыплются приглашения в гости. В дневнике даже появляется запись: «Неудачное желание одиночества». Приходится сдаться на волю го-

степриимных тифлисцев. Откроем номер «Кавказа» за 29 апреля: «В воскресенье, 30 апреля, в 1 ч. дня в Артистическом Обществе состоится музыкальное утро в честь новоизбранного члена Арт. Общества П.И. Чайковского из его произведений. Потом состоится обед в саду Харазова. Участвуют только члены Арт. Общества, несколько лиц, близких П.И. Чайковскому, и артисты, участвующие в концерте».

Следующий, он же последний приезд – самый продолжительный, с 10 сентября по 22 октября 1890 года. На этот раз Чайковский не только присутствует на исполнении своих произведений, но и сам выступает, дирижируя симфоническим оркестром. Он получает диплом почетного члена местного Музыкального кружка, дирижирует преподнесенной ему палочкой из слоновой кости, его засыпают цветами, а вечер, естественно, заканчивается «парадным ужином в Артистическом обществе с рядом сердечных речей, тостов и приветствий».

А вот и последний документ, связанный с его пребыванием, в номере №281 газеты «Кавказ»: «Во вторник, 23 октября, П.И. Чайковский выехал по Военно-Грузинской дороге. До Мцхета его провожали многие почитатели». В Тифлисе Петр Ильич еще и начал работать над «Спящей красавицей» и «Иолантой», а в арабском танце «Щелкунчика» использовал мелодию грузинской колыбельной «Иавнана».

Он признался в письме в июле 1892-го: «Я лелею мечту побывать в Тифлисе. Ты не можешь себе представить, как меня туда тянет. Весьма, весьма вероятно, что в сентябре или в октябре я хоть не на долго появлюсь на берегах Куры». Не сбылось. Через год с небольшим после этого письма тифлиские газеты печатают некрологи о смерти композитора, заявившего: «Тифлис – город до того мне во всех отношениях симпатичный, что я могу только поощрять всякого, желающего туда водвориться».

Улица Ингорква, 14

Вернемся к истокам улицы Чайковского – на Ингорква, пройдем по ней еще немного и остановимся у дома №14. Здесь прошли детство и юность **МИКАЭЛА ТАРИВЕРДИЕВА**, которого мать звала Балик, друзья – Мика, а он сам себя – Гарик. Родился он в 1931 году в левобережном районе Дидубе. А потом Таривердиевым дают государственную квартиру на этой улице, которая носила имя Дзержинского.

Отец Мики возглавляет Государственный банк Грузии, мать, окончившая университетские факультеты географии и философии – заведомо в Статистическом управлении. Но всю себя она посвящает долгожданному сыну... Ее воспитание, ее любовь к дому, ее глубокое понимание музыки и формируют характер Мики, его восприятие мира. Но «мама никогда не потакала моим глупостям».

А того, что взрослые могут считать глупостями, у него, как и у каждого нормального мальчишки, впол-

Мика с отцом

не хватало. Например, долго не могли понять, почему он разлюбил детский сад, куда, в соседний дом, ходил без сопровождения. Оказалось, что мальчик... влюбился в воспитательницу, и когда она вышла замуж, садик стал ему не нужен. А в знаменитом саду Муштаид он умудряется прыгнуть с только построенной парашютной вышки, но его веса не хватает, и он зависает в нескольких десятках метров над землей.

Через пару лет совершается глупость, которая могла закончиться трагедией для всей семьи. Микаэл с другом обнаруживают ключ от ящика отцовского стола, а там – браунинг. Ну как тут не пострелять! Поднявшись на крышу, мальчишки делают по выстрелу в водосточную трубу. А спускаются уже под крики и свистки на улице – мимо дома пролегает маршрут, которым ездит на работу глава Компартии Грузии Кандид Чарквиани, живущий на параллельной улице. У стрелков хватает ума почистить пистолет подсолнечным маслом, спустить гильзы в унитаз и невинными глазами встретить «людей в штатском». Убедившись, что

взрослых в квартире нет, те уходят, ни в чем не заподозрив мальчишек.

Конечно, были и не столь смертельные «глупости». С годами Мика полюбил лошадей и стал тренироваться на ипподроме. А для своего скакуна таскал из дома дефицитный сахар. Мать, замечавшая это, смотрела на него с укоризной, но ничего не говорила. А после войны приходит увлеченность уже «стальным конем» – мотоциклом. И вот, к ужасу жителей дома, в подъезде, еще хранящем респектабельность и даже зерка-

ла на стенах, раздается страшный грохот. Это Мика с другом втаскивают по мраморным ступеням на третий этаж раздолбанный старый мотоцикл – подарок некоего дяди Коли, работающего аж в гараже ЦК. Восстановить его в домашних условиях так и не удастся.

«Бедная моя мама! – вспоминал об этой поре Таривердиев. – Сколько ей пришлось переволноваться за меня! У меня были постоянно меняющиеся страсти. Я занимался боксом, фехтованием, лошадьми, мотоциклом, плаванием. Периодически меня приносили домой то с перебитым носом, то окровавленного после того, как я вылетел на полном ходу из мотоцикла или упал с лошади. И все-таки лет в тринадцать-четырнадцать музыка перебила все другие увлечения. Все стало менее интересным».

Между тем заниматься музыкой он стал «почти случайно». У соседа был рояль, и Мика так приистрастился бренчать на нем, что потерявший терпение сосед посоветовал отцу мальчика купить пианино. «Так все и началось, – сообщает Таривердиев. – Очень быстро мне надоело играть гаммы, упражнения, пьесы Майкапара и сочинения типа «Похороны куклы»... Я стал делать то, что мне было интересно, – сочинять. А тут еще появляется новая страсть – чтение, и приходится совмещать ее с музыкой: «Ставил на пюпитр книжку, под нее что-то импровизировал... Занимаясь своими делами на кухне, мама и вправду слышала мои экзерсисы. В результате у меня развилась довольно высокая техника. Просто я много читал».

А вообще, ему повезло, что все его детство прошло в атмосфере музыки – неповторимой музыки Тбилиси. О которой никто не скажет лучше, чем он сам: «Окна распахнуты, и отовсюду несется музыка. Шуберт. Этюды Черни. Из какого-то окна – неумело подбираемая

Мика – школьник

М. Таривердиев (справа) в шляпе, купленной на первый гонорар

грузинская мелодия. Где-то звучит радио. Все это смешивается, но не создает впечатления дисгармонии. Музыка звучит негромко, ненавязчиво. Она как бы часть жизни, продолжение этого двора, этого города...»

Во время войны, несмотря на все трудности, культурная атмосфера Тбилиси, по словам Таривердиева, была поразительной. Он буквально каждый день ходит на спектакли и концерты, если не с друзьями, то один. К этому времени он уже – старшеклассник музыкальной школы-десятилетки при Тбилисской консерватории по классу фортепиано. Одновременно с ней должен окончить и общеобразовательную – 3-ю мужскую школу. Но сделать это не удастся. Он совершает поступок, который в те времена можно было считать опять-таки глупостью.

Микаэл резко выступает на комсомольском собрании против директора школы, избившего его одноклассника. И его маме предлагают: «Или вы забираете сына из школы, или он вылетит из нее с волчьим билетом». Вот и приходится Гарику – уже так зовут его окружающие – оканчивать последний класс в ве-

черной школе и там же получать аттестат зрелости. А после десятилетки при консерватории он идет в Тбилисское музыкальное училище №1 – только там был класс композиции. Учебу под руководством народного артиста Грузии, двукратного лауреата Сталинской премии Шалвы Мшвелидзе он завершает за год.

К тому времени, в 1949-м, уже был арестован его отец. А Микаэл начинает зарабатывать музыкой. Первым известным сочинением у него стал гимн той самой школы, которую он покинул со скандалом. Никакого гонорара, естественно, не было, но награда автору действует до сих пор. Каждый год под этот гимн в Москве собираются выпускники школы, которая потом стала носить номер 43 и прославилась знаменитыми воспитанниками. А настоящий гонорар Таривердиев получает за одноактные балеты «Допрос» и «На берегу».

На сцене оперного театра их воплощают учащиеся Хореографического училища, и они остаются в репертуаре на каждое воскресенье целого сезона. На гонорар Гарик, первым делом, покупает шляпу – символ солидности. Когда заканчивается учеба – и в школе, и в училище – он уже четко представляет свое будущее: уехать в Москву и стать профессиональным композитором. Но Сато Георгиевна (как и любая мать, а тем более, кавказская), против того, чтобы ее единственный сын жил вдалеке. И сын отправляется в соседнюю Армению – поступает на композиторское отделение Ереванской консерватории. Но там у него, как говорится, не заладилось... «Я вернулся в Тбилиси, чтобы уехать». И уехал в Москву, к славе.

За фортепиано

Дом Сергея Параджанова

Пройдем до конца улицы Ингороква, минуем два квартала на продолжающей ее улице Одзелашвили и свернем налево, в крутой, небольшой переулок. Недавно он стал носить имя Параджанова – дом, где жил великий режиссер, завершает этот переулок. А когда эта улочка носила имя Котэ Месхи, здесь жила грузинская муза **АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО**. Та самая, которой посвящено знаменитое стихотворение «Дождь в Тифлисе»: «В переулке твоём/ В этот час непогожий/ Я – случайный прохожий/ Под холодным дождем»...

Ее звали Кетевана Ананиашвили, с ней Арсения Александровича познакомил поэт Георгий Леонидзе. И она очаровала гостя не только красотой, но и любовью к русской культуре, обширными литературными познаниями. Молва гласит, что союзу с Арсением воспротивилась ее семья. Она стала заслуженным педагогом Грузии, журналистом, возглавляла литературный кружок Республиканского Дворца пионеров и школь-

ников. «Постепенно создав прочную традицию, она вырастила целые поколения поэтов, прозаиков, критиков», — сообщает поэт и известный литературовед Эмзар Квиташвили.

Первый приезд Тарковского был творческой командировкой. «С Грузией папа очень тесно связан, был и в 1945 году в Тбилиси для того,

Арсений Тарковский

чтобы заключать договоры о переводах поэта Важа Пшавелы и других грузинских поэтов, — вспоминает дочь поэта Марина Тарковская. — В его записной книжке можно увидеть адреса очень многих деятелей культуры Грузии. Там и поэты замечательные грузинские, в том числе и Симон Чиковани, которого папа особенно любил и переводил...»

А вот — рассказ, насыщенный уже и эмоциями, и деталями, что вполне понятно: он принадлежит самому Тарковскому: «Симон Чиковани, тогда первый секретарь Союза писателей Грузинской ССР, вызвал меня в Тбилиси. Первые две недели в этом чудесном и гостеприимном городе мне довелось принимать участие во встречах с поэтами и деятелями искусств. Это было далеко еще не сытное время. Вместе со всей нашей многоязычной родиной недоедала и Грузия: немного вина, немного лобио — но сколько добрых слов, сколько радушия!»

Ближе всего Тарковский сошелся с Симоном Чиковани, и во время остальных своих приездов в Грузию подчеркивал, что «ему выпало счастье перевести большинство стихов из цикла «Армазские видения». В 1966 году, когда Чиковани не стало, Тарковский написал небольшое эссе, посвященное памяти друга, сумев много рассказать о нем русскому читателю.

«Я застал братские отношения Тарковского и Григола Абашидзе, — вспоминает еще один большой друг

Грузии, поэт **МИХАИЛ СИНЕЛЬНИКОВ**, – Григол, бесконечно доброжелательный, высокообразованный, понимавший и в русских стихах, Арсения высоко чтит. Хотел, чтобы Тарковский работал «для Грузии» на грузинской земле, и старался выхлопотать для него квартирку в Батуми. А главной переводной работой, затянувшейся на долгие годы, были тогда переложения лирики Важа Пшавела».

Когда однажды к его рукописи были предъявлены редакторские претензии, Григол Абашидзе вознегодовал: «Кто его может редактировать?»... От языка поэзии – к языку цифр: всего в Грузии Тарковский перевел пять тысяч поэтических строк. И среди них нет ни одной пресной или пустопорожней строки, считают специалисты. Он никогда не был халтурщиком в ремесле перевода, оно у него превращалось в искусство.

Кетевана Ананишвили

Симон Чиковани

Но как может настоящий поэт увидеть грузинок и только раз влюбиться? Есть свидетели его любви к киноактрисе Нате Вачнадзе. Однажды в писательском ресторане он сказал проходившей мимо Нате: «У меня есть мечта идиота, что вы со мной немного посидите!» Та согласилась, и вскоре речь уже шла о женитьбе. Ната приехала в Москву, но решающего свидания не получилось из-за чисто женской мести. Единственные приличные брюки поэта его жена, развод с которой был решен, прожгла при глажке...

Много лет спустя, когда в Москве к Тарковскому пришли в го-

сти друзья его сына – молодые грузинские кинорежиссеры, в одном из них он по глазам угадал сына Наты Вачнадзе. А в его записной книжке, по свидетельству дочери поэта, «и режиссер Николай Шенгелая и его жена Ната Вачнадзе, известная грузинская актриса, красавица, которая погибла в авиакатастрофе».

А потом новое поколение грузинских деятелей культуры, в том числе и возвращенное Кетеваной Ананишвили, приводило в этот переулок к Параджанову множество своих русских друзей. Среди них – **АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ**, сын Арсения Александровича. И непредсказуемая судьба устраивает так, что он, бывая в Тбилиси, приходит все в тот же переулок Котэ Месхи – в дом, соседний с тем, к которому отец провожал свою тбилисскую музу.

Гарри Кунцев, звукооператор, работавший с Параджановым, вспоминал: «Перед Андреем Параджанов преклонялся в открытую». «Мне ничего не надо – только одно: пригласите к себе Тарковского, пусть побудет возле вас – это больше, чем праздник...», – напишет Сергей своим друзьям из тюрьмы. Из письма племяннику Георгию: «Ты просишь рассказать меня о Тарковском. Тарковский мой друг. Он был у нас в гостях, ну

Андрей Тарковский и Сергей Параджанов с гостями

Памятник Сергею Параджанову. Фасад и двор дома С. Параджанова

Коллаж С. Параджанова

ты помнишь. Когда мама испекла торт клубничный. Я считаю, что он гений».

Когда Тарковский приехал на десять дней с ретроспективой своих фильмов, они с Параджановым занимались «проверкой генов». В доме было два одинаковых старинных туалетных набора флаконов разной формы, один – розового цвета, а второй – изумрудного. И кинорежиссеры соревновались, кто выстроит из этих флаконов наиболее интересную композицию... И еще одно: именно Андрею Тарковскому посвятил Сергей Параджанов свой последний фильм «Ашик-Кериб».

Среди тех, кто стремился в дом Параджанова во время своих приездов в Тбилиси, – и **ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ**. Приезжал он не раз, и все время был встречаем с радостью и чувствовал себя абсолютно родным человеком. Впрочем, как и по всей Грузии, где ему вольно дышалось... В 1979-м хозяин дарит ему осыпанный драгоценными камнями орден Османской империи: «Не знаю, за какие заслуги награждали этим орденом, но уверен, что у тебя, Володя, на груди он займет достойное место». Когда же они были уже подшофе, эксцентричный Параджанов спрашивает: «Ну,

скажи, разве есть в этой стране гении, кроме нас с тобой?»

...Летом 1966-го, завершив свой второй сезон, набирающий славу Театр на Таганке отправляется на свои первые за пределами России гастроли – в Грузию. На дворе то самое время, когда тбилисцы уже заслушиваются первыми песнями Высоцкого на шипящих магнитофонных бобинах. Но «вживую» послушать их автора они могут лишь в спектаклях «Добрый человек из Сезуана» и «Десять дней, которые потрясли мир».

**Сергей Параджанов
с Владимиром Высоцким**

«В какой-то мере Тбилиси – это было открытие. Мы поняли, что это город высочайшей культуры. Я не побоюсь сказать, что Володя был там просто счастлив... Мы довольно много ездили по окрестностям Тбилиси. Тогда-то мы и открыли для себя и Тбилиси, и грузинскую культуру. К нашему стыду, мы с Володией думали, что все лучшее из Грузии учится в московских институтах». Это – признание второй жены Высоцкого, актрисы Людмилы Абрамовой, которой спустя годы, Вероника Долина посвятит песню «Была еще одна вдова...»

А концертов в Тбилиси в тот приезд Владимир Семенович не дает. Единственное выступление перед публикой в качестве исполнителя своих песен – в редакции газеты «Заря Востока». Туда приглашены актеры Таганки. Наверное, только в Грузии печатный орган Центрального комитета коммунистической партии мог без скидки на всевозможные иерархические условности пригласить к себе труппу, не очень вписывающуюся в рамки традиционного классического театра и

**Актеры Театра на Таганке в редакции газеты
«Заря Востока». 1966**

«социалистического реализма». Там, перед журналистами, Высоцкий пел. И немало.

А вот у Георгия Кавтарадзе, в течение нескольких лет возглавлявшего Союз театральных деятелей Грузии, такие воспоминания: «Какие красивые были все тогда: молодая Таганка и молодое поколение Театра Руставели дружили. Когда они приехали в жаркое лето в Тбилиси, каждый день была большая нагрузка. Спектакли, встречи, потом банкеты: баже, сациви, лобио...»

Было в эту поездку и приключение, едва не кончившееся для Высоцкого трагически. Он решает искупаться в Куре, а там очень быстрое течение, крутой берег – трудности даже для такого отличного пловца, как он. К тому же судорога сводит ноги. Уже почти обессиленного его вытаскивает из воды вовремя подоспевший друг-актер Георгий Епифанцев... В общем, по-всякому насыщены эти жаркие тбилисские дни. И все же Владимир Семенович находит время для работы. Именно в столице Грузии он пишет свою «фантастику» – «Песню космических негодяев», «В далеком созвездии Тау Кита» и «Каждому хочется малость погреться...»

Осенью того же 1966-го Высоцкий снова побывал в Грузии, но в Тбилиси на этот раз не приезжал – в Сванети снимались некоторые эпизоды «Вертикали». Потом в Грузии он бывает ежегодно, с 1968-

го по 1973-й. В основном это – морские круизы на лайнерах «Аджария», «Шота Руставели» и «Грузия», ходивших из Одессы в Батуми и обратно. А в декабре 1970-го Владимир Семенович приезжает в Тбилиси вместе с Мариной Влади. Об инкогнито уже не может быть и речи – это их свадебное путешествие!

По словам Марины, скульптор **ЗУРАБ ЦЕРЕТЕЛИ** в своем доме в Багеби «устроил настоящую старинную свадьбу». Правда, молодожен ничего не пил, зато много пел. А другим свадебным подарком Церетели становится визит молодоженов к живописцу Ладо Гудиашвили. И оказывается, что тот в молодости, в Париже, дружил с... отцом Марины, русским летчиком Владимиром Поляковым. Марина уходит от него с фотографией двух улыбающихся молодых людей – «отца и Ладо в окружении самых знаменитых художников».

А в сентябре 1979-го «Таганка» после тринадцатилетнего перерыва вновь приезжает на гастроли. «В Тбилиси – и счастье, и дружба, и юмор без предела», – вспоминает Вениамин Смехов. Высоцкий, уже ставший легендой, участвует в четырех постановках: «Гамлет», «Преступление и наказание», «Павшие и живые», «В поисках жанра». Выступает он на разных площадках: многотысячном Дворце спорта, Институте физики, НИИ сооружений гидроэнергетики, «Кавгипротрансе», дважды в кинотеатре «Строитель» и НИИ «МИОН». Надо ли говорить, что залы переполнены?

Нагрузка огромная – помимо всего перечисленного, Высоцкий летает в Москву на съемки картины «Маленькие трагедии», уезжает на

В. Высоцкий и А. Сааков

Портрет В. Высоцкого работы А. Саакова

пару дней в Пятигорск, где записывается на местном телевидении. И ни разу не позволяет себе схалтурить. А о его отношении к ролям можно судить по такому эпизоду. В Грузии – разгар ртвели, сбора винограда, и по дороге на одно из утренних выступлений Высоцкому предлагают попробовать молодое вино «мачари». Он категорически отказывается: вечером надо играть в «Гамлете», а в день этого спектакля он не пьет.

Конечно же, помимо сценических площадок, у него интереснейшие встречи в тбилисских домах. «Были богатые квартиры с уникальными коллекциями, были богатые столы с грузинскими длинными тостами», – вспоминает актриса Алла Демидова. Но для Высоцкого это – не главное. Так, в мастерской известного скульптора

Георгия Очаури он беседует с хозяином о стихах великого грузинского поэта Важа Пшавела, которого, как оказывается, он очень любит.

А вот – неприятный момент, правда, закончившийся весьма неожиданно – так, как это может быть только в Тбилиси. Приезжает сотрудник ОБХСС из Ижевска – расследуется дело о неофициальных концертах в этом городе, и необходимы показания Высоцкого. Робеющий перед авторитетом знаменитости молодой милиционер просит тбилисских коллег помочь ему. И это использует капитан милиции Александр Степанян – давний поклонник Высоцкого, мечтающий о встрече с ним. После нескольких формальных допросов он... приглашает барда к себе домой, и завязывается такая дружба, что именно в этот дом Владимир Семенович приходит каждый раз, когда ему надо спрятаться от назойливых приглашений. Там он даже дает неофициальный концерт.

Вообще, Тбилиси богат на сюрпризы: Высоцкий узнает, что здесь в Тбилисском зональном научно-исследовательском институте экспериментального проектирования (ТбилЗНИИЭП) подготовлен к изданию... сборник его песен. Но «самиздат» есть «самиздат». В дело вмешиваются «органы», создателей сборника, к счастью, лишь понижают в должностях.

Не очень жаловавший журналистов Высоцкий в Тбилиси часто делает для них исключения. Правда, пришедшего в его номер гостиницы «Аджария» известного фотохудожника Александра Саакова он поначалу встречает не очень приветливо. «Но я пообещал нетрадиционный снимок – поза арестанта, на короточках: «Вы ведь заключенный с вольным хождением». Зеркало создало нужный эффект – носки как бы стремятся ввысь, душа хочет сбросить оковы», – вспоминал Сааков. А когда через восемь месяцев тысячи людей приходят в Театр на Таганке, чтобы попрощаться с Высоцким, над гробом поэта висит именно этот – тбилисский портрет.

Улица Мачабели, 2

А теперь вернемся на улицу Леонидзе к угловому дому, в котором жил Гумилев и от него перейдем улицу Мачабели, на которую он выходит одной стороной. Здесь, в доме №2, в начале 1890-х выпускаются сначала еженедельный иллюстрированный журнал «Аргонавт» с ежедневной газетой и приложением, а затем – только одноименная газета. Правда, просуществовали они недолго, к огромному огорчению издававшего их адвоката и журналиста **ИВАНА ТХОРЖЕВСКОГО**. За те 30 лет, что он прожил в столице Грузии, круто изменив свою жизнь и став тифлисцем в 1879 году, он смог сделать немало.

Он первым перевел на русский выдающихся грузинских поэтов и первым – русских поэтов на грузинский. Не говоря уже о полном издании песен Беранже и стихотворений Гюго, где добрая половина переводов тоже принадлежит ему. А еще у Тхоржевских было пять сыновей и пять дочерей. Да и должность юриста скучать не давала. Казалось бы, чего же более? Так нет, он еще берется за издание журнала! И в 1881 году создает журнал «Гусли», обличительный, с рискованными статьями и рисунками... Но это далеко не все.

Больше трех десятилетий рядом с ним во всех делах (кроме, конечно, юридической практики) была жена Александра, урожденная Пальм. В Тифлисе они дали жизнь всем своим детям. И именно здесь под псевдонимом Иван-да-Марья первыми переводили грузинские и французские строфы, сегодня ставшие классикой.

Это имя стоит и под сборником «Грузинские поэты

Семья Тхоржевских

в образцах», изданном в Тифлисе в 1889 году. В нем – и перевод «Мерани» Николоза Бараташвили, даже сегодня считающийся одним из лучших. А так как кроме русского, «салонным» языком тогдашнего Тифлиса был и французский, Тхоржевские обращаются и к нему.

Под редакцией Ивана Феликсовича выходит «Полное собрание песен Беранже в переводе русских писателей», в нем свыше половины стихов переведены им с супругой. Затем – «Собрание стихотворений Виктора Гюго в переводе русских писателей». Редактор – все тот же Тхоржевский. А сами Иван-да-Марья перевели ни больше ни меньше 141 стих, остальное – работы лучших переводчиков, причем некоторые публикуются впервые, есть и те, что не переводились на русский ни до, ни после них.

Вся эта проделанная в Тифлисе гигантская работа, которую сегодня позволяют себе лишь профессиональные литераторы (требующие еще и особых условий для творчества), делалась Иваном Феликсовичем в... свободное от основной – юридической – деятельности время. А о том, каким адвокатом был г-н Тхоржевский, можно судить по такому примеру.

В 1880-е годы он выигрывает в суде дело князя Амилахвари, и тот расплачивается... большим участком земли из своих владений, возле села Самтависи. Там-то адвокат-поэт и строит просторный дом, куда с наступлением летней жары из Тифлиса приезжает вся большая семья, заводит виноградник и фруктовый сад. А вдоль дороги, спускавшейся к речке Лехура и знаменитой церкви XI века, высаживает грецкие орехи. Эти разросшиеся деревья шумят листвою и поныне...

Но уж, если мы удивляемся тому, что Иван Тхоржевский успевал успешно совмещать столько дел, то о его супруге и говорить нечего. Даже если бы женщина, родившая десять детей (сегодня и подумать страшно!) занималась только домом, ее уже можно считать героиней. А тут еще стихи (причем не в «светский» альбом), переводы (отнюдь не в стол), тщательная редактура

весьма объемных изданий...

Объяснить это можно не только любовью к мужу, но и еще парой причин. Во-первых, в жилах Александры Александровны текла кровь деятельно-творческих людей – драматурга и актрисы, а во-вторых, она воспитывалась на примере общего семейного дела – театра. И точно также дело мужа стало ее делом. Тут нам самое время присмотреться к семейству Пальм. И не только потому, что оно подарило Ивану Тхоржевскому столь замечательную подругу жизни. Эта семья тоже имеет самое непосредственное отношение к культурной жизни Тифлиса конца XIX века.

Ее глава, **АЛЕКСАНДР ПАЛЬМ**, в 27 лет пережил такое, что не пожелаешь и врагу. Вместе с Федором Достоевским и еще двадцатью двумя петрашевцами он приговаривается к расстрелу и проводит «десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти». Осужденным, просидевшим восемь месяцев в одиночках Петропавловской крепости, наказание смягчают, но объявляют им об этом лишь после того, как выводят на плац и имитируют казнь... Так что ясно, почему Достоевский считал Пальма своим приятелем.

Пальм участвует в военных операциях на Кавказе, после Крымской войны выходит в отставку с званием майора. И не очень долго задержавшись на «казенной службе», окунается в литературу, оставшись в ней под псевдонимом «С.Альминский». Так подписаны весьма популярные в свое время четыре романа, несколько повестей, да еще око-

Александр Пальм

ло десяти пьес. А с Тифлисом его связал именно театр.

Драматург Пальм женат на известной провинциальной драматической актрисе Ксении Мальм. Так что их дети просто не могли не связать себя с театром. И старший сын Сергей, начав с водевильных ролей, создает антрепризу, которая в 1877-м, уже став успешной, приезжает в Тифлис. Это – весьма примечательная труппа, она состоит практически из одной семьи...

Сам петрашевец играет главную роль в собственной комедии «Старый барин», его жена – всех *grande dame* (немолодых знатных женщин), антрепренер-сын и режиссирует, и блистает на первых комических ролях. Причем в Тифлисе он так поднаторел в этом, что остается в истории российской оперетты как родоначальник амплуа комика-буфф. Его брат Григорий – герой-любовник комедий и оперетт, жена Григория – певица. Сестра матери семейства играет молодых дам

и барышень, а ее муж Иосиф Труффи блистает не на сцене, а в качестве капельмейстера. Что, впрочем, неудивительно: он – скрипач Тифлисского оперного театра, впоследствии станет там дирижером и будет опекать никому не известного молодого певца Федю Шалапина...

Сегодня такое, конечно же, назовут «семейным бизнесом», а тогда употребляли слово «товарищество». И тут стоит послушать знающего человека – публициста, князя Георгия Туманова: «Товарищество Пальма имело головокружительный успех и успех довольно продолжительный... Прочность ему придавал однородный состав его... Это семейное начало не вредило сценическому успеху спектаклей...

Иосиф Труффи

В этом доме была редакция журнала Тхоржевских «Аргонавт»

По временам появлялись в труппе выдающиеся провинциальные артисты...» По рекомендации легендарного промышленника-мецената Исая Питоева, приглашаются и оперные артисты.

Антреприза арендует единственное помещение, пригодное для постановок после того как за четыре года до ее приезда, на Эриванской площади, в здании караван-сарая Тамамшева, сгорел роскошный оперный театр, которым так гордился город. Так что представления даются в старом Казенном театре в Инженерном саду, на перекрестке Инженерной улицы и Водовозного переулка. Несмотря на то, что оно плохо отапливалось, происходившие в нем действия имели огромный успех у почтенной публики.

Слово еще одному тифлисецу, выдающемуся военному деятелю Алексею Брусилову. «В то время в Тифлисе был очень недурной театр, было много концертов и всякой музыки, общество отличалось своим блестящим составом, — вспоминает он конец 1870-х, когда

Иван Тхоржевский-младший

был молодым офицером. – Больше всего нас привлекала оперетка, во главе которой стоял **СЕРГЕЙ ПАЛЬМ** (сын известного беллетриста 70-х годов Александра Ивановича Пальма); в состав труппы входили артисты Арбенин, Колосова, Яблочкина, Кольцова, Волынская и много других талантливых певцов и певиц. Даже такие великие артисты, как О. А. Правдин, начинали свою артистическую карьеру в этой оперетке»...

Что ж, оперетта – опереттой, но не надо забывать, что в 1878-1881 годах Пальм был еще и антрепренером итальянской оперной труппы в Тифлисе. А кооперативное, семейное начало положено и в основу еженедельного художественно-юмористического

журнала с карикатурами «Гусли». Редактором становится Иван Тхоржевский, его правая рука, конечно же, супруга. Тесть драматург Пальм пишет фельетоны и рассказы.

А потом на страницах «Гуслей» проходят «дебюты» стихов Алексея Плещеева, тоже петрашевца. Но из-за злых карикатур «Гусли», продержались лишь с декабря 1881 года по июль 1882-го. Такая же судьба постигла и журнал «Фаланга». В 1904 г. прекратил существование и журнал «Аргонавт». Но в анналы литературы вошли стихи еще одного Ивана Тхоржевского – сына Ивана-да-Марьи. Их читали миллионы людей, приписывая и Бунину, и Гумилеву, и Анненскому, и Хафизу, и Хайяму. Лишь в конце прошлого века было доказано, что их автор – тифлисец Тхоржевский. Прочтите их, и у вас тоже захватит дух:

«Легкой жизни я просил у Бога:/ Посмотри, как мрачно все кругом./ Бог ответил: подожди немного,/ Ты еще попросишь о другом./ Вот уже кончается дорога,/ С каждым годом тоньше жизни нить.../ Легкой жизни я просил у Бога,/ Легкой смерти надо бы просить»...

В этом доме К. Симонов побывал зимой 1943 года

А в доме №7 по улице Мачабели в середине января 1943 года появляется **КОНСТАНТИН СИМОНОВ**. Он в военной форме со знаками различия старшего батальонного комиссара (звание, среднее между подполковником и полковником). Свое появление он объясняет так:

«Во второй половине декабря, отписавшись за поездку на Западный фронт, я получил в свое распоряжение десять дней. Пять – чтобы добраться до Алма-Аты, где началась работа над фильмом «Жди меня», пять – на пребывание там, а дальше вступало в силу лежавшее у меня в кармане гимнастерки предписание, с которым я должен был ехать через Ташкент, Красноводск и Тбилиси на Кавказский фронт. Встретив новый 1943 год в Алма-Ате... я выехал, согласно предписанию, в сторону Каспийского моря...»

Тут нелишне напомнить нынешним поколениям, что «Жди меня» – самое известное, говоря по-

Константин Симонов

современному, «фирменное» стихотворение Симонова, ставшее основой нескольких песен. Оно посвящено жене, знаменитой актрисе Валентине Серовой, сыгравшей главную роль в одноименном фильме.

Из грузинской столицы путь поэта лежит на Кавказский фронт корреспондентом газеты «Красная звезда»: «Это были обычные предотъездные дни, с получением харчей по продаттестату, с хождением на военный провод за телеграммами из редакции, с добычей горючего на дорогу... Вечером в день приезда в Тбилиси, возвращаясь в гостиницу из похода за горючесмазочным, я встретил своего старого друга **ИРАКЛИЯ АБА-**

ШИДЗЕ». И еще: «Не будь этого вечера и ночи тогда там, в Тбилиси, наверное, многими годами позже в повести «Двадцать дней без войны» я бы не написал той главы, которую люблю в ней больше всех других».

Это признание Симонова – об одном из его самых проникновенных произведений о Великой Отечественной войне, повести из цикла «Из записок Лопатина». В ней есть и «тбилисская глава» – та, которую больше всего любил автор. Вот столица Грузии, увиденная героем повести в январе 1943-го:

«Вечер был холодный и ветреный. Затемненный Тбилиси казался непохожим на себя, но Лопатин, уже шесть лет не приезжавший сюда, раньше и бывал, и жил здесь по неделям; несмотря на затемнение, знал, куда надо идти, чтобы добраться до улицы Вардисубани, до того знакомого дома, о котором подумал еще в самолете, когда подлетал к Тбилиси... Лопатин несколько лет не видел Виссариона, только прошлой осе-

нюю увидел его стихи, напечатанные в «Известиях», и порадовался, как они хорошо были переведены на русский. Я первое время никак не мог привыкнуть к гражданской одежде на нем».

Симонов вспоминает, что при той встрече Абашидзе сразу же начал с... упреков: он знает, что друг уже несколько дней в городе, ищет его, а тот не дает о себе знать! Константин Михайлович недоумевает: он приехал лишь утром, все время занимался делами, освободился от них всего полчаса назад, и позвонить кому-нибудь просто не успел. Тут наступает черед удивляться уже Абашидзе.

Ведь в Управлении по охране авторских прав ему сказали, что Симонов еще несколько дней назад получил у них авторские деньги за поставленный в Тбилиси спектакль «Парень из нашего города». А утром того дня, когда они встретились, разнесся слух, что Симонов успел затеять в гостинице ссору и его побили. Поэтому-то Абашидзе и поспешил в гостиницу — узнать, не нужна ли другу помощь, несмотря на то, что тот не пожелал встретиться. Узнав, поэт в Тбилиси никем бит пока что не был, Ираклий облегченно вздохнул: «Значит, кто-то назвался тобой!».

Да, так оно и было. В Тбилиси началась история, продолжающая похождения ильфо-петровских «детей лейтенанта Шмидта». Симонов уточняет: «Какой-то авантюрист, мой однофамилец, не то уголовник, не то дезертир, выучил наизусть все мои напечатанные к тому времени лирические стихи, добыл где-то форму капитан-лейтенанта морской авиации и орден Красного Знамени и в таком виде на

Илья Мосашвили

Ираклий Абашидзе

протяжении войны в разных местах, в зависимости от обстоятельств, выдавал себя то за меня, то за моего несуществующего брата». Самозванец успел немало: и симоновский гонорар прихватить, и подраться, и по морде получить, и вовремя исчезнуть.

А в зимний тбилисский вечер 1943-го Ираклий Абашидзе, поняв, что его друг «приехал только сегодня утром, зажмурясь от хохота, хлопал себя ладонями по коленям». Но назавтра Симонов уже уезжал – «догонять через Крестовый перевал наступающую армию». И вечер перед отъездом он, вместе с Абашидзе, проводит в доме поэта и драматурга Ило Мосашвили, тоже знакомого еще по довоенному времени. Еще литератор за этим столом – Александр Кутатели. Симонов: «Кроме них троих, в тот вечер были только их близкие, точнее, те из близких, кого не оторвала от дома война. А она многих оторвала... Конечно, как водится у грузин, на столе стояло все, что нашлось в доме. Стол был одновременно и бедный и щедрый – из тех благородных столов, когда назавтра у хозяев хоть шаром покати»!

Кто-то просит Симонова, чтобы он, «видевший и слышавший гораздо больше», рассказал о военных

эпизодах. Но поэт почти резко отвечает: «Простите, но у меня нет никакого желания!». А вот стихи он читает «подряд все, что хотели, и все, что хотелось самому». А это – его признание. Щемящее от того, что в нем нет пафосных слов. И делающее честь тбилисцам:

«В блокноте осталась только одна строчка – адрес Ило Мосашвили: Мачабели, 7. А в памяти весь этот вечер, перешедший в ночь. Остался, наверно, еще и потому, что не говоря этого вслух, меня в ту ночь провожали на войну... Я как-то не привык к проводам и даже с долей суеверия внутренне боялся их. И вдруг эти провода. И это желание, чтобы я еще, и еще, и еще читал стихи, как будто, если не прочту сейчас, их потом уже не услышишь».

К счастью, Грузия слышала его стихи еще много лет, в ней Константин Михайлович бывал часто особенно после войны, когда возглавил Совет по грузинской литературе при Союзе писателей СССР. Были вновь и встречи, и кавказские застолья, пронизанные уже иным – послевоенным, ликующим настроением.

С грузинской литературой он связан постоянно – организует в Москве творческие вечера поэтов, читательскую конференцию, а уж по самой Грузии ездит много и часто – работа в местном Союзе писателей, встречи с читателями, открытия памятников Владимиру Маяковскому и Дмитрию Гулиа и еще масса того, что называют «мероприятиями»... И при этом он не бронзовеет в своей славе, в нем и в помине нет подчеркнутой величественности и нарочитой именитости мэтра.

Он оставил уникальный поэтический подарок и Грузии, и всем, кто ее любит – антологию «Если пелось про это», кропотливо подготовив для нее стихотворения 145-ти (!) русских поэтов о Грузии. Которая, как родного, провожала его на фронт. И которую он так вспоминал на последней встрече с грузинскими друзьями в больнице: «Ночью перед сном мне почему-то показалось, что горы здесь совсем рядом, а утром вроде отдалились... Как хочется пройти босиком по зеленой траве»... Не пришлось.

«Лермонтовский домик»

А к дому, где Симонов провел тот памятный военный вечер, слева поднимается улица, носящая имя **МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА**. В ее истоках, на нынешней площади Гудиашвили, тбилисцы с гордостью показывают гостям двухэтажное здание с непременными резными балкончиками, называя его «Лермонтовским домом». Сейчас оно капитально реставрировано, а в городе навечно поселилась уверенность, что именно в нем жил поэт, чье имя уже более века носит улица.

В 1837-м здесь было то, что сегодня мы назвали бы офицерским общежитием, в доме размещались господа офицеры из полков, стоявших в городе. Среди них мог быть и приезжавший в Тифлис прапорщик расквартированного в Кахетии Нижегородского драгунского полка Михаил Лермонтов. А впервые этот город прозвучал в его биографии за 7 месяцев до приезда туда.

Раздел «Выбыли из Москвы» в «Ведомости о при-

бывших в Москву и выбывших из оной разных особ» свидетельствует 10 апреля 1837-го: «Пополудни в 1 час в Тифлис Нижегородского драг. п. пр. Лермонтов». Второй документ – предписание от 29 сентября, полученное из Штаба войск Кавказской линии и в Черномории: «...Я предписываю вам отправиться в свой полк; на проезд же Ваш от укрепления Ольгинского до города Тифлиса препровождаю при сем подорожную №21-й, а прогонные деньги извольте требовать по команде с прибытием вашим в полк».

Тифлис тем временем становится судьбоносным для Лермонтова. На плацу Кабахи, что был на месте нижнего Александровского сада, 10 октября Его Императорское Величество Николай I лично проводит смотр частей Кавказского корпуса. Среди них – четыре эскадрона Нижегородского драгунского полка, «найденные в отличном состоянии». Это и отражается на судьбе Лермонтова, хоть еще и не доехавшего до места службы, но уже числящегося в списках личного состава.

Он оказывается в числе поощренных офицеров: высочайший приказ по результатам смотра гласит, что переводится «прапорщик Лермантов лейб-гвардии в Гродненский гусарский полк корнетом». Может быть, царь решил, что талантливый вольнодумец, стихи которого нравились даже членам августейшей семьи, уже достаточно наказан ссылкой в беспокойную провинцию. Может, сказались хлопоты бабушки поэта Елизаветы Арсеньевой, имевшей немалые связи среди сильных мира сего. Да и придворный поэт и воспитатель наследника престола Василий Жуковский убеждал шефа жандармов Александра Бенкендорфа, что Лермон-

Михаил Лермонтов

Дом на площади Ладо Гудиашвили

тов «подает надежды русской литературе».

Как бы то ни было, именно из Тифлиса Михаил Юрьевич заочно получает облегчение судьбы – ему разрешают продолжить службу уже в России, да еще в более высоком звании, да еще в гвардии. Но в полку ему числиться еще до 25 ноября и по дороге в свою часть Лермонтов, как он сам пишет, «был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в Кахетии». И полком этим командовал Александр Чавчавадзе, тесть Грибоедова.

Виделись ли они? Во многом мы вынуждены согласиться со словами еще одного большого поэта по имени Александр – Блока, утверждавшего: «Почвы для исследования Лермонтова нет – биография нищенская». Конечно, за годы, прошедшие после того, как это было сказано, найдено немало интереснейших документов, но все же о пребывании Лермонтова в Грузии, особенно в ее столице, известно до ничтожного мало. Впрочем, и само это пребывание весьма недолгое – со второй половины октября до начала декабря.

И тем не менее, примем утверждения авторитетнейших исследователей, что Михаил Юрьевич бывал в семье Чавчавадзе, а, значит, оказывался в блестящем обществе, которое она собирала и в Цинандали, и в Тифлисе. Ведь не случайно же на обороте листа с автографом стихотворения «Спеша на север из далека» торпливым почерком, карандашом, записаны два женских имени – «маико мая». Необычные для русского поэта, поспешившего запомнить их, они были хорошо известны в высшем свете Тифлиса, это – Маико и Майя Орбелиани. А первая из них – родственница и подруга Николоза Бараташвили, так что Лермонтов явно мог видеть и самого поэта-романтика, которому тогда был 21 год. А если так, то не исключено знакомство и с еще одним человеком, стихами которого зачитывалась вся Грузия – Григолом Орбелиани. И уж конечно – с вдовой Грибоедова, Ниной.

И еще одна ниточка, ведущая к семье Чавчавадзе, уже хорошо знакомая нам усадьба Ахвердовых, где Грибоедов объяснился в любви. Владелица дома

Прасковья Ахвердова в девичестве носила фамилию Арсеньева, она – троюродная сестра покойной матери поэта. Таким образом, женщина, ставшая второй матерью Нине Чавчавадзе и благословившая ее на брак с Грибоедовым, – троюродная тетя Лермонтова.

Правда, в 1837-м в Тифлисе ее уже нет, она переехала в Россию, где, между прочим, постоянно поддерживает родственные отношения с единственным близким Лермонтову человеком – его бабушкой Елизаветой Арсеньевой. Да и сам он встречался с ней там. А в Тифлисе городской думе понадобилось 7 лет работы в архивах и опросов горожан, чтобы точно назвать место жительства Лермонтова: «У родственника своего в 4-м участке по Садовой улице». То есть в усадьбе Ахвердовых, у пасынка Прасковьи.

Но где бы ни жил поэт, Тифлис ему нравился: «Хороших ребят здесь много, особенно в Тифлисе есть люди очень порядочные; а что здесь истинное наслаждение, так это татарские бани!.. Если бы не бабушка, то, по совести сказать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли Поселение веселее Грузии». И, естественно, что неизгладимые впечатления оставили местные красавицы.

Останавливался он и у офицера штаба Отдельного

М. Лермонтов. Тифлис

Кавказского корпуса Павла Петрова (четвертого), и у того же Владимира Вольховского, что и Пушкин... Мы знаем, сколько Лермонтов успел написать о Грузии и на что еще она его вдохновила. И не только в литературе. «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собой порядочную коллекцию», — писал он в Россию. Увы, из этой коллекции до нас дошло совсем немного. Но живут в рисунках и на картине поэта Метехский замок с церковью, Авлабарский мостик, Ортачальские сады, крепость Нарикала, домики над Курой, плоская кровля одного из них. Кстати, знаменитый «Кавказский вид с саклей» на Военно-Грузинской дороге Лермонтов писал из нынешнего тбилисского пригорода Мухатгверди. А на противоположном, пустом тогда берегу, сегодня — городской квартал и электростанция ЗаГЭС...

И, наверное, не так уж важно, бывал ли Лермонтов на улице, носящей сейчас его имя. Главное: он жил в этом городе, а город остался жить в нем. До самой смерти, настигшей поэта через 4 года после расставания с берегами Куры.

Дом писателей в Тбилиси

Амы, продолжив путь по улице Мачабели, подойдем к красивому зданию №13, стоящему на месте усадьбы Ахвердовых. Здесь, у Дома писателей Грузии, в первую очередь вспомним человека, которого этот особняк принял в трудную пору – **ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА**. А ведь первое появление поэта в Грузии, а точнее в Батуми, было встречено отнюдь не гостеприимно.

В сентябре 1920-го Мандельштам с братом сразу оказываются в карантине Батумского особого отряда. В Осипе Эмильевиче заподозрили шпиона, причем двойного – и врангелевцев, и большевиков. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы об этом не узнали отдыхавшие в Батуми поэты Тициан Табидзе и Нико Мицишвили. Они не только смогли вызволить узника (в то время у поэтов еще были такие возможности!), но еще и организовали его вечер в местном «Обществе деятелей искусств».

Тифлис же компенсировал гостю батумский прием на все сто процентов. Новые друзья «двойного шпиона» Тициан Табидзе и Паоло Яшвили приняли его с обычным для них гостеприимством. Однако надо ли говорить, что одними духанами в Тифлисе того времени

Осип Мандельштам

для поэтов дело ограничиться не может? Творческая жизнь бьет ключом, дополнительный напор которому придают, говоря нынешним языком, звезды литературы, живописи, музыки, приехавшие из неспокойной и голодной России. И Мандельштам вполне естественно входит в эту жизнь на обе недели своего пребывания.

Он выступает со стихами, проводит занятия с актерами в «Театральной студии Ходотова», спорит с поэтами-авангардистами. Можно его встретить даже в журнале с интересным названием «Искусство и промышленность», он предлагает написать исследование о вывесках Москвы, навеянное картинами Нико Пиросмани.

А еще, конечно же, были нескончаемые прогулки по Тифлису, который своими улочками, балконами, храмами, базарами, погребками, шумным людом казался ему городом из «Тысячи и одной ночи»...

Интересно, что как Грузия встретила Мандельштама вооруженной охраной, так ею же и проводила его. Но уже под «крышей» весьма уважаемой дипломатической должности и не на обычном транспорте, а на... бронепоезде. Полномочное представительство РСФСР в Тифлисе дает статус дипкурьеров супругам Эренбург и братьям Мандельштам, а МИД Грузинской Демократической Республики снабжает «командированных в Москву» соответствующими пропусками. Что ж, без этого, наверное, нельзя было рассчитывать на быстрое возвращение домой в обход бумажной волокиты и весьма вероятных новых недоразумений на границе.

А в 1921 году, во время его второго, самого длительного пребывания в Грузии поэт с женой появляется в Доме искусств, как тогда именовался Дом писателей, чтобы в нем... жить. Весь район Вере, где они остановились, за несколько часов выселили по какой-то очень важной государственной надобности. И их вещи кидают в кузов машины, которую у Дома ис-

кусств встречается Паоло Яшвили – он там комедант. И Надежда Мандельштам на всю жизнь запомнила, как он «великолепным жестом приказал швейцару отвести нам комнату... и швейцар не посмел ослушаться – грузинские поэты никогда бы не позволили своему русскому собрату остаться без крова».

В общем, без всякого разрешения властей приезжая чета поселяется в одном из небольших кабинетов этого дома. Еще сохранившаяся со старых времен прислуга возмущена этим и периодически бежит жаловаться в Народный комиссариат просвещения. И, заручившись очередным предписанием «не пущать», пытается выполнять его. Итог таких попыток описывает Надежда Мандельштам: «Тогда с верхнего этажа спустился Яшвили и, феодальным жестом отшвырнув слугу, пропускал нас в дом. Мы продержались там около месяца». И надо признать, что это – самое плодотворное время для Мандельштама в Тифлисе.

Именно в Доме искусств родилось стихотворение, считающееся переломным в его творчестве – «Умывался ночью на дворе». Оно навеяно гибелью близкого друга Николая Гумилева и основано не на сочиненном ради романтики «восточном колорите», а на реальном тифлисском быте – водопровод в роскошном здании не работает, и все умываются привозной водой, из огромной бочки во дворе. Ну, а самое главное в нем – слова удивительно перекликаются со стихотворением Анны Ахматовой «Страх», тоже посвященным смерти Гумилева. Мандельштам: «Звездный луч – как соль на топоре». Ахматова: «Лунный луч

Двор Дома писателей

Детали фасада Дома писателей

наводит на топор».

В этом особняке Мандельштам в течение полугода переводит с грузинского для первой русской антологии «Поэты Грузии», изданной в Тифлисе в конце 1921-го, яростно спорит со своими друзьями, осуждая символизм, много пишет в местные газеты. А еще он выступал на различных диспутах и вечерах, преподавал в театральной студии и даже вступил в Союз русских писателей Грузии. Словом, уже настолько становится своим в литературном мире Грузии, что, открыв петроградский «Вестник культуры», увидим примечательную «утку»: «Поэт О. Мандельштам переехал в Тифлис».

На деле же все иначе. «Комиссары, убедившись, что примитивно – ручным способом – выгнать нас нельзя из-за сопротивления Яшвили, дали нам ордер на какую-то гостиницу с разбитыми стеклами», – вспоминает его жена. И вскоре, выпив вина с соседями-милиционерами (Тбилиси во все времена – Тбилиси!), Мандельштамы через Батуми уезжают из Грузии. Чтобы вернуться почти через 9 лет.

Этот их приезд на Южный Кавказ в 1930-м посвящен в основном Армении. Тифлис же предшествует этой поездке, а потом венчает ее. В этом городе Осип Эмильевич вновь встречался с местными писателями, вел переговоры о работе в архивах. А самое важное: в тот его приезд Тифлис делает огромное дело не только для самого поэта, но и для всей мировой литературы – впервые после 5-летнего перерыва Мандельштам снова начинает писать стихи.

Надежда Мандельштам

В его поэзии, которая с тех пор не «засыпала», Тифлис, Грузия остались жить до самого трагического конца поэта. Он вспоминал их и в ссылках после первого ареста, писал о них новые строки, оттачивал уже написанное. В своей последней обители – в царстве зла пересыльного лагеря под Владиво-

стоком – Мандельштам мог бы услышать отголосок из прежней жизни. Ведь там же оказался и знаменитый художник Василий Шухаев, а им было кого вспомнить – живописец создал самый известный и самый красивый портрет «Соломинки» – Саломеи Андроникашвили, в которую был когда-то влюблен Осип Эмильевич...

Встретиться им не удалось, но однажды Шухаеву дали самокрутку из бумаги со стихотворением Мандельштама. Быть может, в лагере 3/10 «Вторая речка» зеки скурлили и строки, посвященные Тифлису...

Ну, а в Союзе писателей Грузии, который в советские годы размещался на Мачабели 13, перебывали все приезжавшие в Тбилиси русские литераторы разных поколений. Помимо тех, что уже назывались, это:

ОЛЬГА ФОРШ, ПЕТР ПАВЛЕНКО, ВАЛЕНТИН ГОЛЬЦЕВ, ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ, МИХАИЛ ШОЛОХОВ, НИКОЛАЙ АСЕЕВ, АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ, НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ, ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ, ЛЕОНИД ЛЕОНОВ, ВЕРА ИНБЕР, МИХАИЛ СВЕТЛОВ, ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ, СЕМЕН КИРСАНОВ, ЛЕВ ОЗЕРОВ, РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ, МИХАИЛ ЛУКОНИН, ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ, МИХАИЛ ДУДИН, СЕРГЕЙ СМИРНОВ, ВЛАДИМИР СОЛОУХИН, ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ, АНДРЕЙ БИТОВ, ЯКОВ КОЗЛОВСКИЙ, ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ, НИКОЛАЙ ДОРИЗО, ВЛАДИМИР ЛЕОНОВИЧ, ВИКТОР БОКОВ, ПЕТР ВЕГИН, ИЛЬЯ ФОНЯКОВ...

И это – еще не полный список. Право, можно просто пройти по фамилиям в справочнике Союза писателей СССР.

Тюремное фото

Улица Ладосатиани, 6

Дойдем до конца улицы Мачабели и свернем на улицу Ладо Асатиани (бывшую Садовую, Бебутовскую, Энгельса). На ней в доме №6 в 1940-х годах жил поэт **РЮРИК ИВНЕВ**. Тот, который призывал: «Где бы вы ни находились, бросайте свои дела, берите билет, садитесь в поезд, на пароход и мчитесь на Кавказ. Вы не минуете Тифлиса. Ваши собственные глаза расскажут вам больше, чем перо беллетриста». Коварный XX век уберег его от печальной участи многих других российских литераторов. Но при этом не дал ему главного для пишущего человека – такой же прижизненной славы, как его со товарищам по легендарному Серебряному веку. Между тем, казалось, что предпосылки для этого были...

Его настоящее имя Михаил Ковалев. Все мужчины в его роду были только на военной службе. И вместо поэта Ивнева вполне мог бы жить на свете еще один офицер Ковалев, если бы трехлетний Миша не остался без отца – капитана от юриспруденции, помощника прокурора Кавказского военно-окружного суда. Овдовевшей матери семейства надо растить двух детей, она ищет работу и получает место начальницы Маринской женской гимназии в Карсе.

А Миша сначала живет в Тифлисе у бабушки, и от нее, с Грибоедовской улицы, ходит в верхний конец улицы Чавчавадзе – в Пансион остзейских баронесс девиц Тизенгаузен. Это заведение, где детей обучали начальной грамоте, готовя к гимназии у самого подножья Мтацминды. Потом – Тифлисский Великого князя Михаила Николаевича кадетский корпус. Куда же еще отдать мальчика с такими семейными традициями? Но бравого офицера из него так и не получится.

Рюрик Ивнев

Кадетский корпус

Первые литературные опыты приходится как раз на кадетскую пору. Дальше – больше: «Я очень увлекся нашими кадетскими журналами, читаю... Называют «истасканным», «исстрадавшимся» поэтом. Эти иронические названия с одной стороны меня обижают, но я вспоминаю, что и не таких как я, а самых великих поэтов и писателей тоже не раз подвергали строжайшей и несправедливой критике, напр. Надсона, Гоголя. Я не унываю, и писать продолжаю».

В 17 лет увлекшийся поэзией и свободолюбием парень решает продолжать учебу не в юнкерском училище, а пойти по другой отцовской стезе, более мирной – стать юристом. Он поступает в Петербургский университет, и там, в «Студенческом сборнике» в 1909 году, впервые увидит напечатанным свое стихотворение – «В наши дни». В 1912-м он уже обличает «мораль сытых» в большевистской газете «Звезда», из-за чего вынужден покинуть столицу и перебраться в Московский университет.

Потом в юноше закипают революционные идеи – влияние соученика по корпусу Павла Павлова. Тот вовсю участвует в массовых выступлениях 1905 года, а с годами вообще станет красным командиром. Это – один из самых ближайших друзей Михаила, первый читатель и критик его стихов. Они будут поддерживать связи и за пределами Грузии. А приезжая в родной го-

род, поэт Ивнев не раз остановится в семье Павловых, и ему даже будет сниться «тифлисский их балкон напротив Народного Дома», то есть нынешнего Театра имени Котэ Марджанишвили.

В 1913-году у Ивнева – два знаменательных события: получение диплома правоведа и выход первой книги стихов «Самосожжение». Он мечтает о псевдониме, и тот приходит к нему... во сне. Так начинается жизнь поэта-эгофутуриста. Жизнь богемная – салоны, кафе для избранных талантов, диспуты... Ему посвящают стихи Марина Цветаева, Анатолий Мариенгоф и, конечно, Сергей Есенин, ставший его другом. При этом Ивнев не приживается ни в одном модернистском течении, сменяя «Мезонин поэзии», «Центрифугу», «Орден имагинистов»...

А еще в этой новой жизни были поездки по миру – Германия, Дальний Восток, Япония. Зачарованный блестящими речами Анатолия Луначарского, он работает его личным секретарем, ездит по стране в агитпоезде его имени, становится по инициативе этого наркома председателем Всероссийского Союза поэтов, входит в Коллегию по организации Красной Армии... В места детства он приезжает если не ежегодно, то обязательно через пару-тройку лет.

А в 1936-м переезжает в Тифлис аж на целых 14 лет. Его стихи не запрещаются, но «широкому читателю» они многие и многие годы не были известны. Между тем в Тбилиси в 1940-х за пять лет издаются три его сборника и даже книга избранного в переводе на грузинский. А вот, говоря по-нынешнему, необходимого пиара не было, хотя Ивнев – в блестящем кругу тбилисских литераторов. А в конце 30-х годов мы сможем увидеть Рюрика на экране. Правда, имя его в титрах картины «Великое зарево» не значится и Сталинской премии I степени, врученной создателям картины, он

Рюрик Ивнев

не удостоился. Роль была эпизодическая, да еще – Керенского.

Он пишет автобиографический роман «У подножья Мтацминды», посвящает немало стихов земле, на которой родился, где покойтся его мать, работает в редакциях газет «Боец РКК» и «Заря Востока». Город, живущий в его снах, Ивнев покинул в 1950-м и потом снова и снова приезжал сюда, пока позволяли здоровье и возраст. А он ведь прожил много, не дожив лишь трех дней до 90-летия и написав последнее стихотворение за несколько часов до смерти.

Похороненный в Москве, он больше трети жизни провел в Тбилиси, а когда ему было 80, посвятил живущим в этом городе друзьям пронзительное: «Пройдут года, ты будешь жить в Тбилиси./ Жена, заботы, голоса детей./ И вдруг найдешь случайно в груде писем/ Стихи моих давно минувших дней...»

Поднявшись до конца улицы Асатиани, проложим путь по отходящей от нее слева улице Г. Нишнианидзе. К старому дому №15 тбилисцы приводят своих самых дорогих гостей, чтобы с придыханием благоговения сообщить: «Здесь жил **СЕРГЕЙ ЕСЕНИН**».

Больше всего известно и написано про знаменитую «бесснежную тифлисскую зиму» Сергея Александровича, которую по плодотворности многие сравнивают с «болдинской осенью» Александра Сергеевича. Именно тогда, в 1924-25 годах, Есенин и жил на Коджорской. Но ведь это был отнюдь не первый его приезд в грузинскую столицу. «Милый друг Тициан», как Есенин называл Тициана Табидзе, ставшего для него одним из олицетворений Грузии, напоминает, что Сергей приезжал в Тифлис еще в 1920-м, но... «Но мы с ним не встречались, и, если бы не воспоминания А. Мариенгофа, то о первом пребывании поэта в Тифлисе мы так и

**Сергей Есенин
с Соколовым в
Тифлисе**

не знали бы совершенно».

Во второй половине 1920 года комендант поезда, прибывшего из Советской России в Грузинскую Демократическую Республику, Марк Цейтлин, сообщает своим тифлисским друзьям, что привез «гордость и надежду советской поэзии – Сережу Есенина», на встречу с которым приглашает. Так каким же ветром занесло поэта на этот явно не «литературный» поезд? А все дело в том, что на пару лет раньше он познакомился с двумя друзьями – Анатолием Мариенгофом и Георгием Колобовым.

Первый был поэтом, второй – чиновником Высшего совета перевозок при Совете Труда и Обороне РСФСР. Что, впрочем, не помешало ему писать стихи,

вместе с имажинистами эпатировать общественность, участвовать в создании Устава «Ассоциации вольнодумцев в Москве» и даже быть хранителем печати этой организации. Летом 1920 года Колобов – уже «шишка» во Всероссийском Совете Народного Хозяйства и ему приходится часто ездить по стране. Вот он и приглашает в свой вагон друзей-литераторов, а те проводят творческие встречи в городах на маршрутах его служебных командировок.

С начала сентября Есенин в Тифлисе. Встреча с ним – в квартире известного юриста Захара Рохлина, в семье которого раскол: сын Костя ушел в большевики. В ту ночь он появляется, чтобы послушать знаменитого поэта, а поэт после стихов тянет на политику: «Мы – советские...» Хозяева предлагают Сергею выйти на веранду, но там в нем просыпается то самое хулиган-

ство, которое хорошо знала Москва. Он перегибается через решетку и кричит какому-то прохожему на всю спящую улицу: «Да здравствует Советская Россия!»

Естественно, вскоре в дверях появляется милиция, но все заканчивается благополучно. Костю удастся спрятать, его папа, достав бумажник, откупается (милиции всех времен и всех стран мало чем отличаются друг от друга), гостей укладывают спать... Вот такое, пожалуй, единственное свидетельство о поэтическом вечере в первый есенинский приезд. А еще сохранилась фотография начала сентября 1920-го – Есенин с Колобовым в Тифлисе. Ее уникальность особо отмечал спустя 47 лет поэт Георгий Леонидзе.

Стремление в Грузию у Сергея Александровича не пропадает: в нем живет не только интерес к этой стране, но и надежда добраться из нее в Персию, которой он тогда, прямо скажем, грезил. Тот период жизни Есенина так и вошел в историю, как «тифлисский», хотя с начала сентября 1924 года по конец февраля 1925-го Сергей покидал грузинскую столицу, отлучаясь в Баку и Батуми. Но каждый раз он возвращался в дом на Коджорской, куда переселился из гостиницы «Ориант», где остановился сразу по приезде в город.

...В тифлисском Доме союзов – творческий вечер Есенина, звучат и критические замечания. Поэт начинает возражать оппонентам, но речь ему не дается. И он просто восклицает: «Товарищи, не бейте меня, я еще напишу стихи получше». Потом читает что-то новое, понравившееся всем, и быстро смешивается с публикой... Еще одно выступление Есенина – в зале Совпрофа. В тот же день хоронят «грузинского соловья» Вану Сараджишвили, это – настоящий национальный траур, церемония потрясает Есенина своей грандиозностью. И он уверен, что его вечер сорвется. Но в зале яблоку негде упасть, сам поэт в ударе и Георгий Леонидзе отмечает: «Траурный полдень и поэтический вечер этого дня надолго объединили в сознании тбилисцев два редких самородных таланта – Сергея Есенина и Вану Сараджишвили»»...

А вот – еще один момент, изумивший Леонидзе, друг Сергей вызывает его на... дуэль. Ни больше ни меньше! Причем в официальной форме, попросив назвать секундантов, назначив время и место поединка – в 6 утра на Коджорском шоссе. А потом объясняет это «очень просто»: «Не волнуйся, будем стреляться холостыми, а на другой день газеты напечатают, что дрались Есенин и Леонидзе, понимаешь? Неужели это тебя не соблазняет?» Сейчас это назвали бы пиаром или промоушеном...

Есенин побывал у символа Тифлиса – народного поэта Иетима Гурджи, в колонии для беспризорных (после этого родилась его «Русь бесприютная»), ночевал в семье Тициана Табидзе, печатался в газете «Заря Востока» и стал своим человеком в редакции. Там кормят его гонорарами, авансами и кредитами, собирают его тифлисских друзей. Там первыми набрали его книгу «Страна советская», выпущенную в 1925 году тифлиским издательством «Советский Кавказ». А когда Есенина не стало, в траурном объявлении «Зари Востока» он был назван «сотрудником и товарищем».

Желанным гостем этой редакции был и Владимир

Маяковский. И с ним связана легенда о его встрече в Тифлисе с Есениным. Мол, они и язвили друг другу, и состязались в стихосложении, а потом рассмеялись и вместе путешествовали по городу, беседуя о художнике Нико Пиросмани...

Жаль только, что этого никогда не было. Что и подтверждают Симон Чиковани, жена Тициана, Нина Табидзе, Николай Тихонов, бывший в то время в Тифлисе, да и многие другие современники. Маяковский уехал 6 сентября, и провожали его около десятка человек. Есенин же приехал через три дня после этого. Да и беседовать о Пиросмани они никак не могли – с картинами гениального художника-самоучки Маяковский познакомился лишь спустя два года, в следующий приезд, у Кирилла Зданевича...

Есенин уезжает, полный планов и надежд, связанных с Грузией. Он сообщит московским друзьям, что ждет в гости грузинских поэтов, чтобы отвезти их в свое родное Константиново и угостить ухой из рыбы, которую сам наловит в Оке. Он хотел начать переводы из грузинской поэзии, позади были переговоры с «Зарей Востока» о редактировании литературного приложения к ней, впереди – создание особого цикла стихов о Грузии. Он писал Тициану, что тифлисская зима навсегда останется для него лучшим воспоминанием, и в следующую зиму он хочет опять «засесть в Тифлисе». Он обещал: «Как только выпью накопившийся для меня воздух в Москве и Питере – тут же качу обратно к вам, увидеть и обнять вас».

И все казалось таким вполне реальным, близким, дарящим счастье еще на многие-многие годы. И никому не дано было тогда знать, что в Тифлисе поэт встретил последний год своей жизни.

Сергей Есенин

Здание гостиницы «Гранд-отель»

А теперь от есенинского дома на горном склоне спустимся в самую низкую часть города, на левый берег Куры. Для этого подойдем к двум мостам, один за другим ведущим через реку от бывшего Александровского сада, ныне носящего имя Георгия Леонидзе. На ведущей от него короткой улице Хидис перед первым мостом, который в Тбилиси называют Сухим, сохранились здания двух бывших гостиниц. Одно напротив другого.

Подойдем сначала к правой, в которой размещался «Гранд-отель». Здесь в феврале 1915 года двадцать дней прожил молодой, но уже известный писатель **АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ**. В качестве военного корреспондента газет «Русская мысль» и «Киевская мысль» он приехал на Кавказский фронт, где шли сражения с турками. То был не первый приезд графа в Грузию, но первый – в Тифлис. В 1911-м он побывал в Абхазии, практически после того, как к нему пришла известность.

На этот раз Толстой приезжает из Батуми, откуда отправлял корреспонденции с приморских линий фронта в Аджарии. Грузинская столица уже с вокзала встреча-

ет гостя темпераментом и колоритом, непривычными для северных широт:

«...Носильщик схватил чемодан, протолкался сквозь толпу солдат, горцев, всякого и по-всякому одетого галдящего люда и посадил в парный экипаж... Я никогда не видел большей сутолоки, чем на тифлисском вокзале, хотя в этот день ничего особенного не случилось... В залах нельзя было протискаться... Когда же разрешено было садиться, из зал на перрон вывалилась толпа, крича на девяти языках, и облепила вагоны... Таковы здешние нравы: если можно, например, постоять, – человек стоит столбом до последней крайности, после чего начинает безмерно суетиться...»

А это – восхищение северянина южной ночью и горой, возвышающейся прямо над городом: «В Тифлисе ночью пусто на улицах: кипарисы бросают тени на темные стены домов, кипарисы и тополя – за каждой оградой, по гористым переулкам... небо черное, звезды ясные, большие; над горой святого Давида блистает как алмаз, переливается Марс, правее его ослепительное созвездие Ориона. А ниже, у самой земли, звезды становятся желтыми точками. Это – огни на кругом лежащих горах». Уж кто только не воспевал тбилисскую ночь, но это, согласитесь, одно из самых поэтичных ее описаний. И жаль, что оно не вошло ни в одно издание сочинений Толстого, а осталось лишь на страницах 37-го номера газеты «Русские ведомости» за 1915 год.

На живописные строки подвигает и старая часть города: «...От самой Куры стояли старые стены домов, такие высокие, что река, казалось, текла по дну глубокого ущелья; из дверей кое-где висели лесенки к воде; дальше, на азиат-

Алексей Толстой

Вид на «Гранд-отель» сбоку

ской стороне, видны серые минареты, купола и дымы; еще дальше, кольцом охватывали город каменистые и бурые холмы, и за ними горы, а еще дальше – снега».

А на центральных улицах в глаза бросаются контрасты. Автомобили, роскошные экипажи, а рядом с ними – арба, которую буйволы тянут прямо по тротуару, ослик, груженный плетеными корзинами с грузом... Нарядные дамы в национальных лечаки, описанных Толстым как «низкие вышитые шапочки с длинными вуалями за спиной», блестящие офицеры, а между ними шныряют чумазные и босоногие мальчишки...

В общем, даже за то не очень долгое время, которое Алексей Николаевич проводит в Тифлисе, он настолько пропитывается духом этого города, что привносит его и в письма к жене – прямо перед отъездом в Грузию он женился на поэтессе Наталии Крандиевской. А еще в те февральские дни Тифлис потрясает гостя проводами в последний путь одного из великих сыновей Грузии: «... Мне довелось быть свидетелем похорон Акакия Церетели. Я видел, как осиротелый грузинский народ прощался с любимым поэтом, лежавшим в хрустальном гробу, как он оплакивал этого удивительного человека, которого любили и знали даже в самых глухих селениях. Тогда я понял, чем был для своего народа Акакий Церетели».

В «Русские ведомости» отправляется очерк, в котором происходящее описано как в живописи – сильными, точными «мазками»: «Облака затянули полнеба, едва виден загнутый кверху месяц»... «Посреди поющей толпы – четыре вороных коня с высокими султанами везут открытую колесницу, на ней под двумя развернутыми траурными знаменами – хрустальный гроб»... «Несут коптящие факелы, затем в два ряда – черные свернутые знамена с золотыми копьями, хоругви»... «Прохожие поднимаются на скамейки»... Он не забывает о Церетели и через четверть века после этих похорон посвящает статью столетию со дня рождения Акакия.

А в 1915-м граф прощается с Грузией на целых двенадцать лет. Тех лет, что вместили крутой, болезненный излом в его судьбе и породили столь неоднозначное отношение к нему у части больших русских литераторов. В Париже Тифлис напомнил ему о себе встречей с Леоном Манташевым, сыном легендарного тифлисца Александра Манташева, крупнейшего российского нефтяного магната и филантропа. Леон стал одним из персонажей толстовского романа «Эмигранты».

А когда вернувшись писатель начинает публиковать произведения о жизни белой эмиграции, тифлисская газета «Заря Востока» успевает раньше всех в СССР напечатать в номере за 25 мая 1924 г., значительную часть повести центрального из этих произведений – «Похождения Невзорова, или Ибикус». Сам Толстой появляется в Тбилиси в сентябре 1934-го, вместе с женой. Они встречаются с грузинскими писателями и актерами, приезжают в Западную Грузию, а через месяц, когда Толстой покидает Грузию, ему есть что с восторгом вспоминать многие годы. Увозит он и оправленный в серебро рог – подарок Нины Табидзе. И ставит его в рабочем кабинете рядом с самыми дорогими сувенирами...

Летом 1938-го – приезд, но уже не в качестве отдыхающего гостя. На встрече с литераторами в Союзе

Похороны Акакия Церетели

писателей Грузии Толстой делает доклад, в котором ставит давно волнующий его вопрос о создании с помощью местных литераторов раздела грузинской литературы в задуманном им «Учебнике по истории литератур народов СССР». И подчеркивает: «Я надеюсь, что глава о грузинской литературе будет одной из самых блестящих в учебнике, потому что грузинский народ, помимо всей любви к родине, любит искусство большое, выходящее за пределы Грузии. Грузинские поэты, писатели, художники являются универсалами, то есть людьми большой европейской культуры».

Тот последний приезд Толстого в Тбилиси богат на встречи с такими универсалами. Он осматривает все достопримечательности Тбилиси, а на даче в селе Багеби не хочет идти обедать в дом, просит накрыть стол во дворе с видом на столицу Грузии. Он словно предчувствовал, что больше уже не увидит ее, хотя собирался приехать и через два месяца, и в 1940-м... Но в истории русской и грузинской литератур остаются слова: «Я убедился, что Грузия создала все предпосылки Ренессанса и создала творения, равные Джотто, за два столетия до Джотто».

Бывшая гостиница «Лондон»

А в здании на другой стороне улицы Хидис, в фешенебельной гостинице «Лондон», в 1883-м регулярно появлялся драматург **АЛЕКСАНДР ОСТРОВСКИЙ**, приехавший, как говорится, для улучшения душевного состояния. В том году император Александр III жалует 60-летнему драматургу солидную пенсию – 3.000 рублей в год. Но этого не хватило на создание собственного театра, снова надо было писать для чужих театров по пьесе к каждому сезону и зависеть от чиновников всех рангов. И именно в эту, не самую лучшую пору жизни, многие друзья советуют ему отправиться в Грузию.

А тут как раз брат Михаил собирается в служебную поездку в Закавказье, и Островский пишет ему: «Сделай милость, возьми меня с собой на Кавказ: в Тифлисе меня давно ждут, там есть люди, которые мне покажут все интересное за Кавказом». Ответ не заставляет ждать: «Довезти тебя до Тифлиса могу с полнейшим для нас обоих удобством... И по Кавказу... можем ездить вместе без всякого затруднения: я намерен его

Александр Островский

весь изъездить... Я убежден, что эта поездка принесет громадную пользу твоему здоровью». Поскольку брат занимает не просто высокую должность, а пост министра государственных имуществ, можно не сомневаться, что эта месячная поездка и впрямь проходит в «полнейшем для обоих удобстве».

А теперь – слово Михаилу Иполитову-Иванову: «К событиям этого времени следует отнести и посещение Тифлиса А.Н. Островским, нашим знаменитым драматургом, женатым на сестре моего друга А.Бахметева, проживавшего в то время в Тифлисе. У него Островский остановился, и у него-то я с ним познакомился». Вопреки расхожему мнению, Александр Николаевич в первые дни пребывания в грузинской столице вовсе не окунался в местную театральную жизнь.

Он чувствовал себя неважно и старался попросту отвлечься от московских неудач, поближе познакомиться с городом и его обитателями. А «Лондон» стал для него местом встреч с высокопоставленным тифлисским человеком, стекавшимся к его брату-министру. В остальном же он жил обычной жизнью туриста, оказавшегося в незнакомом, но очень интересном месте.

Налюбовавшись Тифлисом и чувствуя себя намного лучше, чем до приезда, он на неделю отправляется в Баку. Сразу по возвращении – продолжение знакомств с грузинской столицей, «осматривал город, был на Мейдане и в армянских лавках». На следующий день – признание: «Чувствую себя хорошо. Гулял по Головинскому проспекту...» Самочувствие настолько хорошее, что из любознательного туриста Александр Николаевич уже может превратиться в профессионального

консультанта: он помогает Ипполитову-Иванову писать новую сцену для либретто его оперы «Руфь».

Тот вспоминает: «Его очень интересовало положение грузинского театра, заря которого в то время только что загоралась... Он просил меня познакомить его с моими записями грузинских народных песен и частью церковного обихода, к переложению которого на ноты я только что приступил. Вслушиваясь в эти напевы, он, в связи с общим впечатлением от поездки по Кавказу и Грузии, высказывал свое удивление и восхищение культурой и изяществом грузинского художественного творчества как в литературе, так и в искусстве».

Драматург съездил и к князю Багратион-Мухранскому «в Мухрань (в Карталинию, Душетского уезда)», и в Батуми. А за день до отъезда в Аджарию он заявил: «Я и прежде слышал, что у грузин есть хорошая труппа, а сегодня сам убедился, что вы действительно хорошо играете. Мое удивление тем более велико, что вы так прекрасно разыграли пьесу, составленную не из ваших нравов. От души вас благодарю за честь и хорошую игру».

Слова эти сказаны после спектакля в тифлисском театре караван-сарая Арцруни, стоявшего на том самом месте, где сейчас Грибоедовский театр. Именно там грузинская драматическая труппа организовала вечер в честь Островского. Вот отрывки из воспоминаний виновника торжества:

«Против входа, в караван-сараяе, был поставлен убранный зеленью и цветами транспарант с моим вензелем... У входа на улице, на лестнице и по галереям караван-сарая стояла несметная толпа народу. Когда я во-

Министр Михаил Островский

Гостиница «Лондон»

шел, галереи... караван-сарая, по которым надо было проходить до театра, осветились бенгальскими огнями, и грузинский оркестр заиграл что-то вроде марша. Для меня была приготовлена средняя ложа, она была убрана зеленью, которая гирляндами опускалась донизу. При моем входе в ложу поднялся занавес, вся грузинская труппа в национальных костюмах была на сцене».

Островскому пели «Мравалжамиер», показывали небольшие постановки, дарили лавровый венок от грузинских артистов, вели беседы о необходимости правительственной поддержки грузинского театра. И именно об этом он всерьез говорил главноначальствующему на Кавказе Александру Дондукову-Корсакову. Но, как водится во многих «верхах» и по сей день, полезная рекомендация осталась лишь благим пожеланием.

Словом, приему, который Островскому оказал Тифлис, можно позавидовать. И это не только льстило самолюбию пожилого человека, которого чуть не подкосили московские огорчения. Приезд в Грузию доказал, насколько его знают и любят далеко от Москвы, он признавался, что поездка произвела на него прекрасное, освежающее своей новизной впечатление. Более того, она сказалась и на его творчестве. Через год после расставания с Грузией он признается, что пьеса «Без вины виноватые» написана «после поездки на Кавказ, под впечатлением восторженного приема, какой оказывала мне тифлисская публика». Он даже решает пойти еще дальше – написать текст для оперы на кав-

казскую тему. Но тоже не успевает.

Ну, а Тифлис может гордиться тем, что сумел в последнюю для классика поездку в иные края сделать для него то же, что и для всех русских литераторов, приезжавших на берега Куры. Сумел приютить и поддержать в трудную минуту, очаровать, передать свою жизненную силу, вдохновить на новые сочинения.

А в 1888 году в «Лондоне» поселяется поэт **ДМИТРИЙ МЕРЕЖКОВСКИЙ**. Из этой гостиницы он ходит на другую сторону Куры к Зинаиде Гиппиус. Будущую «рыжую бестию Серебряного века» привезли в Тифлис за год до этого из опасений, что у нее может оказаться туберкулез. Жила ее семья у родственника, потом снимала квартиру, а лето проводила в Боржоми. Там-то в 1888-м Дмитрий и познакомился с Зиночкой.

Вот – признание Гиппиус: «...У меня была минута испуга, я хотела эти свиданья прекратить, и пусть он лучше уезжает. Что мне с ним делать? Он – умнее меня. Я это знаю, и все время буду знать, и помнить, и терпеть... Не было ни «предложения», ни «объяснения»: мы, и главное, оба – вдруг стали разговаривать так, как будто давно уже было решено, что мы женимся, и что это будет хорошо... С этой поры мы уже постоянно встречались в парке утром, вдвоем... Никакого «объявления» о нашей будущей свадьбе не было, но как-то это, должно быть, зналось».

В начале осени того года они уезжают в Тифлис, и решают, что Мережковский отправится в Петербург – известить родителей и нанять квартиру. В начале 1889-го он снова поселяется в «Лондоне» и 8 января 1889 года отправляется через реку в район Воронцовской (ныне – Саарбрюккенской) площади, где жила невеста.

Дмитрий Мережковский

Зинаида Гиппиус

Они единокорны: «Всякие «свадьбы» и «пиры» – противны... надо сделать все попроще, днем, без всяких белых платьев и вуалей».

Поэтому оделись они, как на прогулку: Зинаида – в темно-стальном костюме и такой же маленькой шляпе на розовой подкладке, Дмитрий – в сюртуке и модной тогда «николаевской» шинели с пелериной и бобровым воротником. Мать по дороге твердит Зине: «Ты родилась восьмого, в день Михаила Архангела, с первым ударом соборного колокола в Михайловском соборе. Вот теперь и венчаться идешь восьмого, и в церковь Михаила Архангела».

Подойти к этой маленькой церкви мы можем, свернув все с той же Саарбрюккенской площади на улицу Узнадзе, бывшую Великокняжескую. Отреставрированная в 1995-м, церковь стоит и поныне между домами №№ 45 и 47. Тогда, в 1889-м в ней все происходит быстро и не особенно торжественно. Жених, снявший шинель, в которой нельзя венчаться, признавался, что даже не успел почувствовать холод. Не было певчих, даже шаферы не очень серьезные – кузен-гимназист Вася и его товарищ.

«...Знаменитое «жена да боится своего мужа» прошло совершенно незаметно. Постороннего народа почти не было, зато были яркие и длинные солнечные лучи верхних окон – на всю церковь», – вот главное, что запомнилось Зиночке. По возвращении домой свидетели уходят, мать и тетушки разбавляют обычный завтрак шампанским, а молодожены до обеда читают начатую вчера книгу. Дмитрий довольно рано отправляется к себе в гостиницу. А Зинаида ложится спать и очень удивляется на следующее утро, когда мать ее будит: «Ты еще спишь, а уж муж пришел! Вставай!» Да, по признанию самой Гиппиус, «не похоже было это

Двор церкви, в которой венчались Зинаида и Михаил

венчанье на толстовское, которое он описал в «Анне Карениной» – свадьба Китти!»

После этой тифлисской свадьбы Зинаида Николаевна и Дмитрий Сергеевич не разлучались ни на один день в течение 52-х лет! А когда в 1941-м в Париже Мережковский уходит из жизни, его жена признается: «Я умерла, осталось умереть только телу». Те, кто был рядом с ней, вспоминают, что на нее было страшно смотреть, она словно окаменела. Прожить оставшиеся ей четыре года помогли воспоминания – она стала писать книгу «Дмитрий Мережковский». Прекрасно понимая, что и ее век истекает, а самого дорогого человека можно воскресить лишь в слове. На то, чтобы закончить весь труд, времени так и не хватило. Но страницы, посвященные тифлисской жизни, написаны. Они стали уникальным свидетельством далекой романтической эпохи, тех отношений, которые в нашем прагматичном XXI веке могут показаться смешными.

И еще – слова Гиппиус о приезде в Тифлис: «Вот этот приезд и решил нашу судьбу – мою в особенности».

Улица Дмитрия Узнадзе, 52

Павел Флоренский, Александр Ельчанинов и Владимир Эрн

А продолжив путь по улице, где венчались Дмитрий и Зинаида, мы подойдем к массивному зданию №52. Сейчас здесь Министерство образования Грузии, а во второй половине XIX – начале XX веков тут была Вторая тифлисская классическая мужская гимназия.

В 1900 году ее окончили три примечательных одноклассника. Расстрелянный в ГУЛАГе выдающийся религиозный философ, поэт, богослов, ученый и инженер **ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ**, скончавшийся в 31 год религиозный мыслитель, историк философии, публицист **ВЛАДИМИР ЭРН** и **АЛЕКСАНДР ЕЛЬЧАНИНОВ**, не только посвятивший себя религиозной философии, но и ставший директором знаменитой гимназии Владимира Левандовского в родном городе, а затем – настоятелем храма в Ницце.

Дом, в котором жил Лев Толстой

А нас ждет параллельная улице Узнадзе главная магистраль левобережной части города проспект Давида Агмашенебели. Здесь сохранился дом, некогда окруженный садами. В нем в 1851 году жил 23-летний граф **ЛЕВ ТОЛСТОЙ**. Вот его взгляд на это место: «Я живу в Немецкой колонии, это предместье, но оно представляет для меня две большие выгоды. Во-первых, это прелестное местечко, окруженное садами и виноградниками, так что здесь чувствуешь себя более в деревне, чем в городе... Второе преимущество это то, что я плачу здесь за две довольно чистые комнаты пять рублей серебром в месяц, тогда как в городе нельзя бы было нанять такую квартиру меньше, чем за 40 р. сер. в месяц».

В Тифлис граф приехал с грузом неудач: рутинная канцелярская служба, провалившаяся попытка облегчить положение крепостных в своем имении, свет-

ская жизнь, вылившаяся в карточные игры с огромными долгами и кутежи... Он принимает предложение старшего брата Николая – отправиться вместе с ним на Кавказ, где тот служит в звании подпоручика. Цель поездки неясна – то ли просто попутешествовать, то ли оказаться в действующей армии, то ли поступить на гражданскую службу в Тифлисе.

После пребывания среди офицеров на Северном Кавказе цель определена: «Я твердо решил остаться служить на Кавказе. Не знаю еще, в военной службе или гражданской при князе Воронцове, это решится в мою поездку в Тифлис». В этот город, в штаб Отдельного Кавказского корпуса, он отправляется опять-таки с Николаем – у того отпуск. Он полон радужных надежд: ну какие препятствия в устройстве на военную службу могут быть для графа, имеющего среднее образование, не замеченного в связях с тайными обществами, брата фронтового офицера?

Но выясняется, что среди его бумаг нет подтверждения об отставке с гражданской службы и свидетельства из Герольдии о графском звании. Так что надо ждать, пока они придут из России. Ожидание растягивается более чем на два месяца. И Тифлис может быть только благодарен этой волоките за то, что она прибавила к его славе звание одного из толстовских мест. Самому же графу такая задержка досадна, тем более что брат Николай, у которого закончился отпуск, уехал. Но на-

Лев Толстой. 1848

С братом Николаем

мерения Льва Николаевича не меняются: «...Ежели я не поступлю на военную службу, я постараюсь устроиться на гражданскую, но здесь, а не в России, чтобы не говорили, что я баклуши бью. Во всяком случае, я никогда не буду раскаиваться, что приехал на Кавказ».

Не приходится раскаиваться еще и потому, что город, в котором приходится ждать решения своей судьбы, ему нравится. Граф считает его «очень цивилизованным», удачно подражающим Петербургу: «Из-

бранное многолюдное общество. Есть русский театр и итальянская опера, которыми я пользуюсь настолько, насколько мне позволяют мои скудные средства».

Отдушину он находит в занятии литературой: «Не знаю, появится ли когда на свет то, что я пишу, но меня забавляет эта работа да к тому же я так давно и упорно ею занят, что бросать не хочу». Это о повести «Детство», писать которую Толстой начал еще до приезда в Тифлис. Именно в Немецкой колонии проделана основная работа над первым опубликованным произведением Толстого. Но при этом настоящим литератором он себя и не мыслит, главное для него — получить, наконец, разрешение на военный мундир и отправиться в горы.

У него всего трое знакомых: «помощник аптекаря, разжалованный поляк, презабавное создание», общение с которым помогает скрашивать повседневность, генерал-майор, «исправляющий должность начальника левого фланга Кавказской линии», князь Александр Барятинский и знакомый еще по Петербургу князь Георгий Багратион-Мухранский, сын предводителя дворянства,

соратника поэта-генерала Александра Чавчавадзе. Он-то и вводит Толстого в светские салоны Тифлиса.

Некоторые завсегдатаи этих салонов описаны в повести «Хаджи-Мурат». Может, эта повесть и не появилась бы, если бы человек, имя которого она носит, не объявился в Тифлисе в то же самое время, когда там находился Лев Николаевич. Проходит полвека и изуродованный, чудом уцелевший на вспаханном поле репей напоминает уже знаменитому писателю отважного горца. Вспомнив этот случай из своей тифлисской молодости, Толстой и начинает собирать материалы для повести...

Год 1851-й уже заканчивался, а продвижения в поступлении на военную службу все не было. Вежливый генерал Бриммер, на которого так надеется Толстой, не принимает его, сказавшись больным. О дальнейшем – слово самому Льву Николаевичу: «От него, не предвидя конца этому делу и злясь на всех, я отправился к князю Багратиону, которому и изложил свое горе. Так как он хороший человек, он захотел мне помочь и предложил ехать с ним к генералу Вольфу, начальнику главного штаба и поэтому начальнику и Бриммера. Последний, когда я передал ему свое дело, тотчас пообещал мне, что все будет улажено через несколько дней».

Но бездушная бюрократическая волокита, которая и сегодня доводит нас до белого каления, родилась не на голом месте. У нее давние и глубокие корни: «...Пошел я в главный штаб. Там мне сказали, что генерал Вольф, вероятно, ошибся, так как это дело его не касается. Вновь я отчаивался и вновь отправился к Вольфу, прося его разъяснить это недоразумение. Он сказал мне, что он вовсе не ошибся, и чтобы я подавал сейчас же свое прошение. Однако канцелярия была закрыта, и сегодня я это не успел исполнить, завтра, по случаю нового года, присутствия нет, дело вновь висит в воздухе, и успех далеко не обеспечен. Никогда не думал, что у меня хватит терпения перенести все эти неприятности». У нас едва хватило терпения прочесть про все

Лев Толстой поручик. 1856

эти «отфутболивания», а каково было ему!

Деньги уже и впрямь кончаются, когда дело все-таки сдвигается с мертвой точки. В урочище Мухровани, недалеко от Тифлиса, 3 января 1852 года граф скоропалительно проходит «пушкарскую выучку», сдает экзамен и получает бумагу о том, что «ферверкер 4-го класса Толстой», который, к его счастью, отныне не именуется коллежским регистратором, должен отправиться в свою батарею. В тот же день тетушке отправляется восторженное письмо: «Вы не поверите, какое это доставляет мне удовольствие... Я счастлив, что наконец добился того, о чем

старался и чего желал давно, что больше ничто меня не задерживает в Тифлисе...»

Уезжает он со словами: «Да, обязательно приеду к вам в гости и еще раз увижу солнечную Грузию. Возьму и приеду, вот так и сделаю». Почти такие же слова звучат и через 53 года в Ясной Поляне: «Обязательно, обязательно погощу как-нибудь в вашей солнечной Грузии!.. Мака, хочешь, чтобы я погостил у тебя в Тифлисе? А? Да? Тогда сяду на велосипед и – чик, чик, чик – и приеду!» Толстой говорит это маленькой внучке одного из своих грузинских друзей, публициста и критика Ильи Накашидзе.

Снова приехать так и не удалось. Но Тбилиси гордится тем, что артиллерийский унтер-офицер Толстой не просто отправился с его улиц в 4-ю батарею 20-й артиллерийской бригады, а стартовал в большую литературу.

ՆԱԽԵՐՈՒ 1915-1946ԵՆԵԱՐԿՈՒԹԵՂ
ԺԱՐԱՅԵՆԵՐ ԲԱՅՈՒՆԿՈՒ
ԸՆ ԼԱՅՈՒԹԱՐԵՐ ՅՐԵՅՅԱՆ
ՅՈՐԿՈՒ ՆԵՅՆԱԵԲԿՆԵԺ
ԺՄՅԵԼՈՒԹՅՈՒՆ

В ЭТОМ ДОМЕ С 1915-1946 ГГ ЖИЛ
ВЫДАЮЩИЙСЯ РЕЖИССЁР
И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ
ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ТОВСТОНОГОВ

Товстоногов в детстве

Где-то в середине проспекта Агмашенебели от него отходит тенистая улица, где на доме №9 мемориальная доска напоминает о том, чем гордятся не только тбилисский театральный мир, но и все жители столицы Грузии: здесь с 1915 по 1946 годы жил режиссер **ГЕОРГИЙ ТОВСТОНОГОВ**. Когда-то улица называлась Татьянинской, теперь, конечно же, носит имя этого замечательного человека.

Казалось бы, исходя из всем известных фактов, к написанному можно сделать только два вполне резонных дополнения. Первое: в этом доме он и родился. Второе: он жил здесь за исключением пяти лет – в 1933-1938 годах учился в Москве, в знаменитом ГИТИСе (Государственном институте театрального искусства). Но дело в том, что в судьбе Георгия Александровича, как, впрочем, и у многих великих людей, есть спорные, широко не афишировавшиеся моменты. Нет, они никак не лишают его права считаться тбилисцем. Однако истины ради о них нельзя не упомянуть, когда речь идет о жизни того, кто чувствовал себя абсолютно своим в тбилисских стенах, получил в них уменьшительное, чисто грузинское имя Гога, и именно с ним оставался в быту даже далеко от берегов Куры.

«Родился Георгий Александрович в Петербурге.

Наш отец окончил институт корпуса инженеров путей сообщения и занимал довольно большой пост в министерстве путей сообщения. Жила семья на Фурштатской, там была очень хорошая квартира. Летом Георгия возили на курорт в Сестрорецк. Своей дачи не было. Я младше брата на одиннадцать лет, родилась в Тбилиси. В 1918-1919 году, когда в Петрограде стало уже очень беспокойно, и маму тянуло на родину, — семья переехала туда...» Таковы не укладывающиеся в официальную биографию режиссера воспоминания сестры режиссера Нателы.

Сам же Георгий Александрович везде и всегда утверждал: «Я родился в Тбилиси. Мой отец был потомственным железнодорожником, мать — домохозяйкой». Как бы то ни было, непреложным фактом остается то, что Гога учился в 107-й школе на бывшем Плехановском (Агмашенебели) проспекте, свободно говорил еще на грузинском и французском. «Но отец решил так: я все же обязан получить какую-то «твердую» профессию, а потому поступаю в железнодорожный и после первого курса, когда мои желания окончательно определятся, если я докажу, что мечтаю о театре по-настоящему, только через год мы решим, кем мне быть».

Парень поступает в институт, ходит на лекции и сдает сессии, но сердце его далеко от железной дороги, оно отдано Театру юного зрителя (ТЮЗу), появившемуся в Тбилиси в 1927-м. Это был первый в Закавказье русский детский театр, созданный

Молодой режиссер

нии каждого курса ГИТИСа – в Тбилиси. Здесь на каникулах он ставит спектакли в родном ТЮЗе. На его первую самостоятельную постановку – «Женитьбу» в 1934 году газета «Тифлисский рабочий» отзывается похвальной рецензией.

Во время приездов на каникулы в ТЮЗе он ставит еще пять спектаклей и после каждого – благосклонные отзывы прессы. А дипломный спектакль «Дети Ванюшина» он делает в 1938-м, уже в Грибоедовском театре, туда же его распределяют на работу. После этого, за семь лет работы с грибоедовцами, которую он оценивал, как «одно удовольствие», Товстоногов ставит еще двенадцать спектаклей. Ну, а дипломные «Дети Ванюшина» имеют такой успех, что знаменитый актер и режиссер Акакий Хорава, создававший тогда в Грузии театральный вуз, приглашает 24-летнего Товстоногова преподавателем, ученики которого становятся мэтрами грузинского театра.

Но после войны начинаются трения с Хоравой. Тот узнает, что Георгий Александрович собирается организовать молодежный театр, забрать в него весь свой курс, а затем пополнять выпускниками театрального института. Эта идея рождается в высоких «инстанциях», но Хорава слышит о ней последним. И вот закрывается после генеральной репетиции один из лучших спектаклей Товстоногова «На всякого мудреца довольно простоты», его студенты включаются в массовые сцены спектаклей руставелевцев, срывая тем самым занятия молодого наставника...

Рушится и семейная жизнь – развод с актрисой Саломе Канчели, в которую Георгий Александрович влюбился, когда она была еще студенткой. Но вот что интересно: спустя годы и с Хоравой, и с бывшей женой он встречается, не поминая старого. А тогда появляется и недовольство собой как режиссером. И тут, в апреле 1946-го, из Москвы приходит письмо от Константина Шах-Азизова. Создатель тбилисского ТЮЗа с 1933 по 1945 год был директором и худруком Грибоедовского театра, а потом возглавил Централь-

SALVE

Обновленный проспект Д. Агмашенебели

Евгений Лебедев

ный детский театр в столице СССР. И он зовет Товстоногова к себе.

«В сорок шестом году я уехал из Тбилиси. Почему? Почувствовал, что скоро окажусь в тупике, что верчусь на месте, а не иду вперед. А без этого жить невозможно не только в театре! Я уехал, откровенно говоря, в никуда, в неизвестность». В какую всемирную славу переросла эта неизвестность, говорить излишне.

Вполне естественно, что свое 50-летие Товстоногов отмечает в Тбилиси, на сцене Руставелевского театра. Что с любимыми праздниками ленин-

градцы стремятся поздравить его на грузинском языке. Что новый 1983 год руководимый им легендарный БДТ отмечает на фоне гигантской репродукции картины Пиросмани. И что один из самых знаменитых его спектаклей «Ханума» — об уникальном колорите старого Тифлиса. В телевизионной версии этой постановки за кадром звучит голос Георгия Александровича, читающего стихотворение Григола Орбелиани: «Только я глаза закрою — передо мною ты встаешь! Только я глаза открою — над ресницами плывешь!»

Это Гога — о своем любимом Тбилиси.

Когда Товстоногов уже работал в Грибоедовском театре, в его квартире появляется жилец. Это — актер **ЕВГЕНИЙ ЛЕБЕДЕВ**, в 1940-м окончивший школу Камерного театра и получивший распределение в Тбилисский театр юного зрителя. Он великолепно вписывается в труппу, хоть и признается позже, что к работе отнесся по-особому: «В театральной школе говорили, что я занудный. Режиссеру будет с тобой трудно — так мне говорили. Когда приехал в Тбилиси, в ТЮЗе у Маршака

начал репетировать, артисты уже играют, а я – читаю. Идет процесс накопления – и вдруг открывается человек».

Так открываются для него царь Теймураз, герои Шиллера, Островского, Фонвизина, Павел Корчагин, молодогвардеец Сергей Тюленин... А поскольку театр рассчитан и на малышей, в репертуаре актера и Гекльберри Финн, и Иванушка-дурачок, и пудель Артемон. Как видим, диапазон ролей огромен. А была еще и ставшая легендарной роль Бабы-Яги в сказке «Василиса Прекрасная».

Полная импровизации, озорства, перевоплощения, она полюбилась и зрителям, и самому актеру. Полюбилась так, что Лебедев не только повторил этот образ, играя в 1951-м Ведьму в Аксаковском «Аленьком цветочке» на сцене Ленинградского театра имени Ленинского комсомола. Эксцентричная сказочная нечисть стала концертным номером, много лет исполнявшимся Евгением Алексеевичем на эстраде, причем часто он гротескно перевоплощался в нее без всякого грима.

Более того, актер признавался: получив в ленинградском БДТ роль Холстомера, он был абсолютно уверен, что сможет сыграть лошадь, потому что уже играл Бабу-Ягу. Неслучайно в питерском кабинете Евгения Алексеевича до конца его жизни на подоконнике стояла Баба-Яга в ступе. Впрочем, его жена Натела считала важной еще одну тюзовскую роль, подчеркивая, что «в Тбилиси была работа «пудель Артемон», которая предвосхитила Холстомера».

В общем, можно с полным основанием сказать: каждая его роль в тбилиском ТЮЗе становится событием. Но не для всех: «Однажды при-

Знаменитая роль Бабы-Яги

ехала сестра. Из госпиталя, после контузии на фронте, в морской форме – маленькая толстенькая морячка. Я посадил ее в зрительный зал, хотел показать свои успехи на сцене. В середине репетиции она вдруг встала и закричала: «Чем вы занимаетесь?! Напустить бы на вас всю нашу полундру! Там люди гибнут! Война! А вы сказочки играете! Собаку изображаешь?! Этого вашего толстого режиссера на один бы денек к нам под Новороссийск! И тебя бы вместе с ним!»... Сестра вернула нас из сказочного мира в реальность. Что такое мы с нашим театром, с нашими спектаклями? Спорим об искусстве, о своей профессии, о задачах, кусках, сквозных действиях, о методах работы... Идет война! Потом, когда репетиция закончилась, сестра мне сказала: «Нам в госпитале кино показывали, я все ждала, тебя искала. Все знают, что у меня брат артист. Артист! Ха-ха! Собак играет! Я, конечно, об этом никому не скажу. Засмеют...»

Что ж, фронтовичку можно понять, но в этом случае она, наверное, не права. В военные годы в тылу многие делали для победы то, что умели лучше всего, и к актеру Лебедеву это относится в первую очередь. Вместе с артистами своего театра он выступал с концертами в воинских частях, в госпиталях, и именно в Тбилиси был награжден медалями «За оборону Кавказа» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

А ТЮЗ снимает одному из своих ведущих актеров комнату в квартире Товстоноговых, находившейся от него, как говорится, в двух шагах. «...У нас с Гогой репрессировали отца, жили мы довольно сложно, поэтому было очень кстати, что ТЮЗ снял у нас для Лебедева комнату, – вспоминала сестра режиссера Натела, ставшая потом женой Лебедева. – Евгений Алексеевич очень дружил с моей мамой...»

Товстоногов помогает ставшему другом жильцу начать преподавание актерского мастерства на своем курсе в Грузинском театральном институте, стать руководителем драмкружка в 16-й женской школе, попробовать себя в режиссуре. Казалось бы, жизнь на-

лажена, но волжанин Лебедев тоскует по России, в гримерке у него даже хранится спичечный коробок с землей, привезенной по его просьбе из Москвы.

Он ходит по разным инстанциям, начинают накаляться отношения в театре, но кто отпустит талантливого артиста? И тут — неожиданный вызов к начальнику районной милиции. Оказывается, в паспорте актера слишком много штампов о временных прописках. То, что происходило потом, могло бы стать комическим сюжетом о

«бдительности» и «принципиальности» советской милиции, если бы не было печальной действительностью.

«Начальник раскрыл мой паспорт, стал искать последнюю прописку, — вспоминал Евгений Алексеевич. — От каждой перевернутой страницы глаза начальника раскрывались все больше и больше... За девять лет моей жизни в Тбилиси я поменял много комнат, всюду проживал временно, всюду временная прописка, постоянной жилплощади нет... «Ты где живешь? — взволнованно и угрожающе спрашивает начальник, — как ты сюда попал?» — «Меня командировали...» — «Кто тебя командировал? Кто? Кому ты здесь нужен? Зачем ты здесь нужен?.. Чтобы в двадцать четыре часа тебя больше не было в Тбилиси, понял?»

Актеру только этого и нужно. И он просит лишь наложить соответствующую резолюцию, потому что его никто не отпускает — ни театр, ни Центральный комитет партии. Услышав святое упоминание о высшей партий-

М. Беломлинский. Г. Товстоногов и Е. Лебедев. Дружеский шарж

ной инстанции, милицейский чин делает резкий разворот на 180 градусов:

«Погоди, генацвале... погоди... не волнуйся. Зачем волноваться? Не отпускают тебя? Да? Правильно делают. Почему ты стоишь? Садись. Садись, дорогой. Куда ты поедешь? Зачем? Говорят, там хорошо, где нас нет. Это ваша русская пословица, она же и наша... Такой хороший артист... и такой плохой паспорт... Чем тебе здесь плохо? Комнату дали, работаешь в театре, хороший артист, паспорт мы тебе поменяем... живи! Работай! Твори! Ты творческий человек! Ты служишь для народа. Ты нужен народу!»

Резюме Лебедева: «Мне поменяли паспорт, меня прописали, у меня осталась одна печать и чистый паспорт». Но из Тбилиси он все-таки уехал. В 1949-м. Конечно же, в Москву. Окончательно осознав, что его творческий потенциал выше требований, предъявляемых в детском театре. И вся его дальнейшая судьба связана с друзьями, которых он обрел в Грузии – братом и сестрой Товстоноговыми...

На 95-летие со дня его рождения Тбилисский театр имени Грибоедова не только открыл в своем фойе фотовыставку, рассказывающую о жизни и творчестве замечательного артиста и о теплых чувствах, испытываемых к нему в Грузии. На грибоедовской сцене состоялась премьера спектакля, носящего имя самого знаменитого сценического персонажа Лебедева – «Холстомер». Свою версию инсценировки толстовской повести тбилисцы посвятили двум гениям, начинавшим свои театральные пути в их городе – актеру Лебедеву и режиссеру Товстоногову.

Здесь была 21-я средняя школа

А мы вернемся на проспекте Агмашенебели и ближе к его концу под №170 увидим третий корпус университета «Геомеди», в котором некогда находилась 21-я тбилисская средняя школа. В нее в 1941 году пришел эвакуированный из Таганрога вместе с родителями **ЗИНОВИЙ ВЫСОКОВСКИЙ**. Ему предстоит стать очень популярным комедийным актером.

Графоман-зайцевед Пан Зюзя в легендарном телевизионном «Кабачке 13 стульев», подвыпивший интеллигент из эстрадных номеров, исполнитель колоритных ролей в спектаклях московского Театра сатиры... Все-го этого могло и не быть, если бы Грузия в 1941 году не приютила мальчика-беженца Зяму.

«Я принадлежу к поколению, детство которого оборвала война. С последним эшелонам меня вывезли из Таганрога, куда чуть ли не на следующий день вошли

Зиновий Высоковский

немцы. Мы ехали в Тбилиси, поезд бомбили и старый грузин, единственный проводник на весь состав, с улыбкой успокаивал нас. Он приговаривал: «Не плачь, бичико, ты же мужчина, а значит, охотник и не должен бояться птиц. Видишь, у них на крыльях кресты, а кто сам на себе поставил крест, песенка того спета...». Вот так я впервые услышал голос Кавказа, узнал, что такое кавказская мудрость и доброта. Я узнал ее еще лучше, когда нас, ребят самых разных национальностей, приняли в Грузии как родных».

Слова благодарности Грузии он повторяет неоднократно, во многих интервью: «Мы вошли в этот прекрасный, пахнувший мандариновыми корками город, и там нас приютили и обогрели... Кавказ принял нас всех, не спрашивая национальности. В школе нас учили наукам, а на школьном дворе седой сторож дедушка Шалва, который подкармливал нас, эвакуированных мальчишек, кукурузными лепешками, преподавал нам народную мудрость: «Дети! Слушайте и запоминайте. Вот моя рука. Кто скажет, зачем на ней пять пальцев?» И сам же отвечал: «Чтобы эта рука всегда работала за пятерых».

И еще: «А знаешь, Зиновий, — зачем между пальцами щелочки? Это чтобы деньги сквозь них сыпались. Будь щедрым: что отдал, то твое, что зажал в кулак, счастья не приносит... А теперь кто скажет, зачем между пальцами дырочки? Никто не скажет, аба, я скажу: чтобы в эти дырочки деньги пролетали... Будьте всегда щедрыми, дети, все отдавайте людям! Все, что отдал —

твое, что не отдал – то пропало».

И снова воспоминания детства: «Девятилетним мальчиком я стал полноправным гражданином Кавказа... Дедушка Шалва учил меня сначала правильному акценту, а затем уже и грузинскому языку. Он говорил мне: «Зиновий, шен генацвале, если ты виучился говорить по-русски, то как можешь не знать по-грузински?! Смотри, как по-русски трудно виговаривается: лягушка квакает у прудэ. И смотри, как тонко, как изящно по-грузински: бахахи цхалши хихинебс».

А это – признание: «В Тбилиси, где проходило мое беспризорное, оборванное войной, голодное детство, мы с оравой эвакуированных мальчишек пели на базарах, воровали яблоки и айву с прилавков... Сердобольные грузины делали страшные глаза и только цокали языками... В общем, по Высоцкому: «Я вырос, как вся дворовая шпана, мы пили водку, пели песни ночью...».

А еще именно в грузинской столице Зяма окончательно решает, кем он станет: «Уже закончилась война. В 1945 или в 1946 году, когда в Тбилиси приехал Райкин, родители взяли меня на концерт, и я увидел его первый раз в жизни. Помню, он пел на мотив Чаплина: «Живет он в Ленинграде, зовут его Аркадий, иль попросту Аркаша, иль Райкин наконец». Я с детства был шутком, клоуном. Но тогда интуитивно понял: это то, к чему я хочу стремиться».

Он уехал после окончания войны. И, став обожаемым страной актером, повторял в своих интервью: ... Когда сегодня я думаю о Родине, я вижу перед собой маленькую, всю в акациях улицу Октябрьскую в Таганроге, двор с тополем, калитку, обвитую диким виноградом на улице Камо в Тбилиси, фуникулер на горе Мтацминда и оттуда, с горы Солнца, всю огромную с востока на запад и с севера на юг Страну... Страну моего спасенного детства и нашей с вами спасенной жизни...»

Дом на бывшей Красногорской
(ныне М. Горького) улице

А еще на левом берегу Куры сохранились два дома с памятными досками, посвященными Алексею Пешкову, то есть **МАКСИМУ ГОРЬКОМУ**. До появления в Тифлисе будущий «буревестник революции» прошагал пешком Поволжье, Донскую область, Украину, Бессарабию, Крым, Кубань, Терскую область, Военно-Грузинскую дорогу.

В ноябре 1891-го, потеряв в городе спутника по Военно-Грузинской дороге, Алексей ввязывается в драку и оказывается в полицейском участке. К счастью, он вспоминает человека, который может удостоверить его личность – бывшего ссыльного Михаила Началова, с которым в Нижнем Новгороде посещал народовольческий кружок. Вообще-то, в Тифлисе у него есть еще «политически неблагонадежные» знакомые по Нижнему – руководитель того кружка Аким Чекин, Яков Данько и Евгений Добровольский. Не поэтому ли он так стремился в этот город?

Первое жилище в Тифлисе – у распространителя нелегальной литературы Якова Данько на Вере. Парня устраивают работать в Главные железнодорожные мастерские и он сразу же увлекся тем, что называлось антиправительственной деятельностью. Затем он перебрался в левобережный район Чугурети, на Красногорскую улицу. Сейчас это улица Горького, на ней сохранился дом №3, где Пешков поселился с несколькими товарищами, образовав «Красногорскую коммуну» – своеобразный политический клуб. Об этом извещает мемориальная доска.

Помимо рабочих сюда приходят учащиеся семинарии, землемерного училища, учительского и акушерского институтов, преподавательницы городских школ и, конечно, представители тифлисской интеллигенции. Алексей играет в «коммуне» сплачивающую роль: «Поливаю из ведрышка просвещения доброкачественными идейками и таковые приносят известные результаты... Читаю с учениками института и семинаристами. Ничему не учу, но советую понимать друг друга».

Но на деле он учит, в том числе и откровенно революционной деятельности. Ведет агитацию не только в «коммуне», но и в цехах мастерских, и на сходках за городом. Успевает не ограничиваться самообразованием, а писать прокламации. Именно «Красногорская коммуна» сводит его с представителями передовой интеллигенции Грузии. А еще будущий основатель «соцреализма» активно участвует в работе Чугуретской подпольной марксистской библиотеки и «Общества учительниц» с «Дешевой библи-

Алеша Пешков

Горький в молодости

отекой» для рабочих и служащих: «Себя я вижу в ту пору фантазером, стихотворцем, пропагандист я был, вероятно, плохой».

Признаем, что это – нечто вроде кокетства: жившие рядом с ним вспоминают, как бережно он хранил исписанные стихами тетради и был полон дальнейших замыслов. Стихи он пишет легко, но сам считает их «дубоватыми». А прозу писать не решается – ему кажется, что она должна состоять из красивых фраз. И тут ему встречается человек, сыгравший огромную роль в том, что на свет появился писатель Максим Горький.

Служащий Управления железной дороги, бывший ссыльный Александр Калюжный предлагает Алексею изложить на бумаге все, о чем тот так увлекательно и красочно рассказывает. Они подружились. Летом 1892 года, отправив семью на дачу, Калюжный предлагает Пешкову перейти на квартиру, которую снимает на Елизаветинской (ныне Цинамдзгвришвили) улице №146. И предоставляет для работы свободную комнату. Вот в ней-то и был написан «Макар Чудра», под которым впервые появляется псевдоним «Максим Горький». Этому посвящена еще одна мемориальная доска.

Автор относит рассказ в газету «Кавказ», текст принимает знакомый Калюжного – журналист Владимир Цветницкий и через три дня, в №242 за 12 сентября появляется новое имя в литературе. «...Поверьте, что едва ли есть день моей жизни, в который я не вспомнил бы вас, – писал Алексей Максимович своему «дорогому другу и учителю» Калюжному. ...Вы первый, говорю я, заставили меня взглянуть на себя серьезно. Вашему толчку я обязан тем, что вот уже с лишком тридцать лет честно служу русскому искусству».

Двор на бывшей Елизаветинской улице

Потом Горький пишет еще и поэму-сказку «Девушка и смерть», опубликованную лишь через четверть века. Благодаря ей, с тифлисским периодом жизни писателя связана одна из самых цитируемых фраз: «Эта штука сильнее «Фауста» Гете (любовь побеждает смерть)». Такова резолюция-комплимент «вождя народов». Звучит она почти издевательски — «штука» сия очень и очень слаба.

Второй раз Горький оказывается в Тифлисе в... принудительном порядке, через шесть лет. Его фотография с дарственной надписью обнаружена при аресте революционера Афанасьева, с которым он путешествовал по Грузии. Писателя арестовывают в Нижнем Новгороде и, запихнув в тюк весь его архив, этапируют в Грузию. Но у него уже всероссийская известность, не выявлено никаких улик, начинаются протесты в его защиту, и через семнадцать дней Горького освобождают.

Проходит еще пара лет, и в июне 1900 года грузинская газета «Иверия» сообщает: «Выдающиеся русские писатели Антон Павлович Чехов и Максим

Тбилиси. Памятник М. Горькому

Горький (настоящая его фамилия А.Пешков) сейчас находятся в Тбилиси. Они остановились в «Северных номерах». Там же остановился художник Васнецов». Цель поездки крайне проста – познакомиться с Грузией, отдохнуть на лоне ее природы. Судя по всему, это удастся.

Конечно же, Тифлис не ленится на застолье. Одно из них проводят в честь Горького сотрудники Управления железной дороги, и, как сообщает очевидец, «некоторые видные грузинские деятели, бывшие на этом банкете, имели случай убедиться, что А.Пешков относится к ним с полнейшей симпатией». А в Верийском саду «Фантазия» гостей чествуют грузинские писатели. Горькому так нравятся танцоры, что он поднимает тост «за здоровье той нации, которая создала такой красивый танец, к вящей славе своей».

Следующий приезд – уже в 1903 году, вместе с женой Екатериной и двумя спутниками из издательского и театрального мира. Несколько дней в Тифлисе – в гостинице «Лондон», потом поездка с Калюжным по различным уголкам Грузии. Затем – долгая разлука с Грузией, в Тбилиси Горький приезжает лишь летом 1928-го, с сыном, в рамках большой поездки по стране. И это уже совсем не тот человек, что бывал здесь в конце XIX века. Он только что вернулся в СССР с Капри в ранге «великого пролетарского писателя», «буревестника революции» и «основателя социалистического реализма».

Фактически это уже живой памятник, сам не осоз-

Горький с грузинскими советскими писателями

нающий, насколько «забронзовел». Он живет в Доме писателей, встречается с грузинскими литераторами, пионерами, рабкорами, участвует в пышных банкетах. Через год – еще более краткий и не менее торжественный приезд, после Абхазии. Все пребывание ограничивается «дружеским завтраком» с руководством республики. А это – его резюме: «Я никогда не забываю, что именно в этом городе сделан мною первый неуверенный шаг по тому пути, которым я иду вот уже четыре десятка лет. Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа – именно эти две силы – дали мне толчок, который сделал из бродяги – литератора».

И. Шарлемань. Максим Горький и Антон Чехов в Грузии. 1953

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Добавить к уже увиденному нами пока что нечего. По пройденным адресам прозвучали 206 имен, связывающих грузинскую и русскую культуры. Тех, кто дополнит их список, можно только благодарить. А сейчас – спасибо всем, кто прошел по городу вместе с нами. Спасибо за интерес к русско-грузинским связям, за любовь к литературе, театру, живописи, которые объединяют народы. «Спешите в Тифлис...»

БИБЛИОГРАФИЯ

- Е. Андреева-Бальмонт. Воспоминания
И. Андроников. Лермонтов в Грузии в 1837 году.
Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1958
И. Андроников. Лермонтов. Исследования и находки
Л.Белозерская-Булгакова. О, мед воспоминаний.
Л. Вагнер, Н.Григорович. Повесть о художнике Ай-
вазовском.
Великий лицедей. Газета «АиФ», 9 декабря 2004 г.
В. Виленкин. Вл. И. Немирович-Данченко: Очерк
творчества.
А. Вознесенский. Прорабы духа.
З. Высоковский. Война в моей жизни. Газета
«Труд», Москва, 7 мая 2005
Е. Гальцова. «Надо уметь видеть»: травелоги Ан-
дрея Белого «Ветер с Кавказа» и «Армения» как эсте-
тическое наставление
З. Гиппиус. Дмитрий Мережковский
В. Головин. Завлекают в Сололаки стертые пороги.
Тбилиси, изд. «Русский клуб», 2014
В. Головин. Цикл «Я трогаю старые стены», журнал
«Русский клуб», Тбилиси. №10 2013- №9 2016
А. Горфункель, И. Шимбаревич. Георгий Товсто-
ногов. Собирательный портрет. Санкт-Петербург, изд.
«Балтийские сезоны», 2006
И. Груздев. Горький
Э. Гугушвили. Котэ Марджанишвили
Игорь Северянин. Хроника жизни и творчества
И. Ениколопов. Грибоедов в Грузии. Тбилиси, изд.
«Заря Востока», 1954
И. Ениколопов. Лев Николаевич Толстой в Грузии.
Тбилиси, изд. «Заря Востока», 1960
М. Ипполитов-Иванов. Воспоминания
В. Каменский. Судьба русской литературы
С. Лемешев. Путь к искусству. Москва, изд. «Ис-
кусство», 1974

- В. Моценко. Голоса исчезают- музыка остается. I
Павел Нерлер (Полян). Тбилисский зачин
Т. Никольская. Фантастический город. Москва, изд.
«Пятая страна», 2000
Б. Окуджава. Упраздненный театр. Москва, изд.
«Время», 2018
К. Паустовский. Бросок на юг
Переписка Петра Ильича Чайковского и Надежды
Филаретовны фон Мекк
А. Романов. Книга воспоминаний
Б. Соколов. Михаил Булгаков: загадки судьбы
М. Таривердиев. Я просто живу. Москва, изд. «Ва-
гриус», 1997
И. Трабский. Незабываемые встречи с Евтушенко
Г. Туманов. Театральные кооперативы на Кавказе.
Журнал «Голос минувшего», №№7-9 1918
М. Чудакова. Жизнеописание Михаила Булгакова.
Москва, изд. «Книга», 1988
Ф. Шаляпин. Страницы из моей жизни. Том 1. Мо-
сква, изд. «Искусство», 1976
В. Шадури. Пушкин и грузинская общественность.
Тбилиси, изд. «Литература да хеловнеба», 1966
Н. Шадури-Зардалишвили. Высоцкий в Грузии. Мо-
сква, изд. «Либрика», 2018
И. Эренбург. Люди, годы, жизнь. Москва, изд. «Со-
ветский писатель», 1990

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«**Русский клуб**»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

При поддержке Фонда «**Русский мир**»

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
«СПЕШИТЕ В ТИФЛИС...»
НЕСТАНДАРТНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ
ПО АДРЕСАМ,
СВЯЗУЮЩИМ ДЕЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ С ТБИЛИСИ

Редактор
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ

Фотограф
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
АЛЕНА ДЕНЯГА

*В книге использованы фотографии
из открытого доступа интернета*